

Институт археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

*приложение к журналу,
Выпуск 32*

СРОСТКИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Книга 2

В.А. Могильников

**ВЕРХНЕЕ ПРИИРТЫШЬЕ
И ПРИАЛТАЙСКИЕ СТЕПИ
НА РУБЕЖЕ I–II ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ**

Казань
2025

УДК 902.03
ББК 63.221(0)4
М 74

*Журнал «Археология евразийских степей»
приложение к журналу,
издается с 2007 года
Выпуск 32*

Научное издание

Печатается: по решению Ученого совета Института археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан

Рецензенты:

д.и.н. Ф.Ш. Хузин, д.и.н. А.А. Тишкин

Ответственный редактор

академик АН РТ, д.и.н. А.Г. Ситдилов, к.и.н. А.А. Адамов

Редакционная коллегия

д.и.н. Ю.А. Зеленеев, д.и.н. Е.П. Казаков, д.и.н. А.М. Губайдуллин,
к.и.н. Р.Р. Сагтаров, к.в.н. Г.Ш. Асылгараева, Р.Р. Мухаметшин

М74

Могильников В.А.

Сросткинская культура. Кн. 2: Верхнее Прииртышье и приалтайские степи на рубеже I–II тысячелетий / **В.А. Могильников**; отв. ред. А.Г. Ситдилов, А.А. Адамов. – Казань: Изд-во АН РТ, 2025. – 152 с. (Серия «Археология евразийских степей»; вып. 32).

ISBN 978-5-9690-1322-3

ISBN 978-5-9690-1324-7 (кн.2)

DOI <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-1324-7>

Монография В.А. Могильникова (1932–2002) – работа выдающегося исследователя археологии Сибири публикуется впервые. Книга посвящена характеристике комплекса материальной культуры средневекового населения Верхнего Прииртышья и Приалтайских степей. Анализ артефактов проводился с учетом этнического разнообразия региона, населенного кимако-кыпчаками, кыргызами, огузами и уйгурами.

Книга является вторым выпуском серии, посвященной сросткинской археологической культуре. Она представляет собой важный вклад в изучение истории кочевых народов Евразийских степей и может быть полезна археологам, историкам, этнографам, а также всем, интересующимся средневековой историей Евразии.

Монография подготовлена в рамках реализации государственной программы «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020-2027 годы)», «Изучение формирования тюрко-татар Поволжья и Алтая в эпоху средневековья: истоки происхождения степной цивилизации Евразии».

Издана за счёт средств государственного задания Академии наук Республики Татарстан

ISBN 978-5-9690-1322-3

ISBN 978-5-9690-1324-7 (кн.2)

© Могильников В.А., 2025

© Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2025

© Академия наук Республики Татарстан, 2025

Содержание

<i>От редакции</i>	4
Введение	9
ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ	12
ГЛАВА 2. ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ	20
Луки.....	20
Наконечники стрел.....	27
Колчаны.....	48
Палаши и сабли	54
Ножны	70
Кинжалы	71
Кистени	72
Топорики-молотки	72
Копья	73
Защитное вооружение.....	76
ГЛАВА 3. КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ	80
Сбруя	80
Седла	85
ГЛАВА 4. ОРУДИЯ ТРУДА И ПРЕДМЕТЫ БЫТА	90
Ножи.....	90
Тесла.....	90
Напильники	93
Оселки	93
Кресала.....	94
Пряслица	95
ГЛАВА 5. УКРАШЕНИЯ, ДЕТАЛИ ОДЕЖДЫ, ПРЕДМЕТЫ ТУАЛЕТА	97
Перстни	97
Серьги	99
Птицевидные напершия, подвески	102
Крыловидные подвески.....	104
Скульптурные изображения рыб	107
Булавки.....	110
Копоушки.....	112
Зеркала	112
Заключение	116
Summary	124
<i>Литература</i>	125
<i>Список сокращений</i>	151

От редакции

Изучение культурных импульсов из Западной Сибири играет ключевую роль в понимании ранней истории Волго-Уралья и сложении татарского народа. Обширный и многообразный евразийский регион, как Сибирь, внес значительный вклад в формирование культурных, социальных и экономических аспектов жизни народов, населяющих эти территории.

Процессы межкультурного взаимодействия, происходившие на стыке различных культур и народов, способствовали обмену идеями, технологиями и традициями. Это взаимодействие не только обогащало местные культуры, но и создавало уникальный синтез, который до сих пор можно наблюдать в современных культурных практиках.

Изучение памятников археологии Западной Сибири и Саяно-Алтая является одним из значимых процессов в осмыслении формирования тюрко-татарской культуры. Институтом археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан многие годы совместно с учеными-археологами Алтайского государственного университета и Тобольска проводятся исследования археологических памятников, связанных со средневековыми культурами тюркского мира этого региона.

Одним из направлений исследований является сроткинская археологическая культура, существовавшая в VIII – начале XIII века на Юге Западной Сибири. В средневековье эта культура представляет собой важный элемент для понимания исторических процессов, протекавших не только в Сибири, но и в Волго-Уралье и Северном Причерноморье. Население, создавшее сроткинскую археологическую культуру, увязывается с средневековым тюркским государством – Кимакским каганатом. В числе тюркских, угорских и монголь-

ских племенных групп, входивших в каганат, исследователями выделяется в его составе и племенная группа татар. Без четкого понимания происхождения этой культуры, изучения своеобразия носителей ее традиций, установления этапов ее развития и территории распространения, невозможно полноценно анализировать культурные и этнические процессы, происходившие в Западной Сибири, которые были тесно переплетены с историей тюркских народов Центральной Азии и Восточной Европы.

Одним из важных составляющих в изучении ранней истории тюркских народов Сибири и Волго-Уралья должна стать монография В.А. Могильникова (1932–2002 гг.) «Верхнее Прииртышье и Приалтайские степи на рубеже I–II тысячелетий». Владислав Александрович Могильников был советским и российским археологом, доктором исторических наук, специализировавшимся на археологии эпохи раннего железа и средневековья Алтая и Западной Сибири. Он является автором более 200 научных работ, включая 6 монографий.

Эта работа стала последней крупной публикацией этого выдающегося исследователя, подготовленной к изданию в 2003 году, но, к сожалению, монография не была издана при жизни автора. При сборе материалов к изданию была проведена кропотливая длительная работа по выявлению, систематизации и обработке разрозненных материалов книги, хранившихся в нескольких личных фондах.

Монография В.А. Могильникова «Верхнее Прииртышье и Приалтайские степи на рубеже I–II тысячелетий» представляет собой фундаментальное исследование, посвященное материальной культуре кочевых народов юга Западной Сибири в конце VIII – XI вв.

Автор рассматривает Верхнее Прииртышье и северо-западные предгорья Алтая как регион, находящийся в эпицентре сложных межэтнических взаимодействий тюркских, угорских и монгольских племен, что отразилось на его археологических памятниках. Работа основана на материалах многолетних археологических исследований средневековых некрополей, включающих более 200 раскопанных погребений, а также на анализе предметов вооружения, конского снаряжения, орудий труда, украшений, бытовых и культовых предметов.

Особое внимание уделено изучению кимаков — одной из доминирующих этнических групп, оставившей значительный след в археологическом наследии региона. Кимакская материальная культура, сопоставимая с археологической сроткинской культурой, формировалась как самобытное явление. Оно складывалось в том числе и под воздействием соседних народов, таких как кыргызы, огузы и уйгуры. Отдельные элементы традиционного быта и военной организации были ими заимствованы или, напротив, переданы другим этносам. Анализ кимакских погребений позволяет выявить характерные черты их захоронений, особенности ингумации и кремации, что, в свою очередь, помогает реконструировать социальную структуру этих кочевых обществ.

Важной частью исследования становится рассмотрение предметов вооружения, включая различные типы луков, наконечников стрел, сабель, палашей и защитного вооружения. Привлекаются многочисленные находки из кимакских курганов, которые позволяют детально проследить развитие военной культуры данного народа. Автор тщательно анализирует технологические и типологические особенности оружия, сравнивая их с аналогами из других регионов Евразии. Особое внимание уделяется изменению конструкции луков и их роговых накладок, что позволило кочевникам повысить дальность и точность стрельбы, а также обеспечивало им превосходство в конных сражениях.

Конское снаряжение, представленное в работе, включает сбрую, седла, стремяна, удила и другие элементы, отражающие специфи-

ку верховой езды и боевых тактик кимаков. Интересен анализ распределителей ремней и пряжек, поскольку они не только демонстрируют декоративные традиции кочевников, но и являются важным индикатором этнокультурных связей между различными группами степняков. В ходе исследования автор выявляет локальные особенности уздечной и поясной гарнитуры, делая вывод о присутствии в регионе различных этнических традиций.

Отдельный пласт работы составляют предметы быта, орудия труда и украшения. Среди находок выделяются бронзовые и серебряные украшения, перстни, серьги, подвески, зеркала, костяные гребни и другие личные вещи, свидетельствующие о высоком уровне ремесленного производства. Автор подробно рассматривает их распространение, стилистические особенности и возможные импорты из соседних регионов. Большое внимание уделяется культовым и погребальным предметам, которые дают представление о религиозных верованиях кимаков, в том числе о традициях захоронения и ритуального сожжения коней.

Помимо детального рассмотрения материальной культуры, в книге уделено внимание историографии вопроса. В первой главе автор подробно анализирует взгляды отечественных и зарубежных исследователей на локализацию кимакского каганата, а также анализирует изменения в научных подходах к изучению кимаков с XIX века по настоящее время. При анализе исторических источников он рассматривает труды арабских и китайских хронистов IX–XII вв. Автор скрупулезно рассматривает различные гипотезы о происхождении кимаков, приводя доказательства в пользу их тюркской идентичности, но при этом указывает на наличие элементов монгольского субстрата в их культуре.

Особое место в исследовании занимает картографический анализ археологических памятников. Автор выделяет три локальные зоны в Верхнем Прииртышье и приалтайских степях, отмечая различия в погребальном обряде и материальной культуре. Подробно рассматриваются длинные курганы, включающие коллективные захоронения, в которых

может прослеживаться социальная дифференциация. Также анализируются особенности кремационных захоронений, характерных для енисейских кыргызов, тесно связанных со Аскизской археологической культурой, которые присутствовали в этом регионе в период экспансии Кыргызского каганата.

В заключении автор подчеркивает, что культура кимаков является ярким примером межэтнического взаимодействия в степях Евразии в Средневековье. Используя широкий спектр источников – от археологических материалов до письменных свидетельств – он показывает, как сложная сеть контактов между кочевыми и оседлыми народами формировала культурные и социальные процессы, оказавшие влияние на историческое развитие региона, а также сопредельных территорий, оказывая влияние и на западные регионы степи в Поволжье.

Монография В.А. Могильникова «Верхнее Прииртышье и Приалтайские степи на рубеже I–II тысячелетий» приобретает особую значимость в контексте осмысления исторических процессов, связанных с интеграцией степных территорий в единую систему евразийского кочевого мира. Исследование материальной культуры кимаков, представленной в работе, позволяет проследить истоки традиций, которые позднее будут унаследованы кыпчаками и монголами, ставшими основными носителями власти в Улусе Джучи.

Кимаки, сыгравшие ключевую роль в заселении степей Верхнего Прииртышья и Алтая в IX–XI веках, представляют собой один из важнейших компонентов кочевого населения, которое впоследствии стало частью этнополитического ядра Улуса Джучи и формирования татар средневековья на Урале, в Поволжье и Сибири, вобравших в себя многие тюркские племена Степной Евразии. Как отмечает автор, Верхнее Прииртышье являлось зоной активного взаимодействия степных народов, включавшей не только кимаков, но и кыргызов, уйгуров и огузов, что предопределило сложную этнокультурную картину региона. Эти контакты формировали систему военно-политических и торговых связей, которые

позднее будут использованы монголами в процессе завоевания и последующего управления Евразийскими степями. Формирование единого политического и в значительной степени и культурного пространства стало основой широкого распространения и закрепления хорошо известного по средневековым источникам этнонима татар среди тюркского населения евразийских степей.

Особую ценность для понимания предстории монгольского времени представляет анализ военной организации кимаков, проведенный автором. В книге рассматриваются находки оружия, включая сабли, палаши, сложносоставные луки, копья и элементы защитного вооружения. Именно эти формы вооружения, адаптированные в военной культуре кыпчаков, позднее стали доминирующими в армии монголов. Известно, что при Чингисхане значительная часть его войска состояла из покоренных или союзных тюркских племен, в том числе кыпчаков, господствовавших в просторах Дешт-и-Кипчак, которые унаследовали военную традицию кимаков, а население на этих территориях у средневековых авторов именовалось татарами. Анализ археологических находок позволяет проследить процесс передачи военных технологий и тактических приемов, таких как использование конных стрелков и тяжелой кавалерии, что станет основой успехов Улуса Джучи в XIII веке и ставших частью татарской военной культуры в эпоху средневековья.

Также важным аспектом исследования является изучение конского снаряжения, представленного в находках кимакских курганов. Стремена, удила и сбруя, найденные в погребениях Верхнего Прииртышья, имеют очевидные аналогии с элементами конного снаряжения монгольской кавалерии XIII–XIV вв. Автор делает вывод о том, что многие элементы военной экипировки, принятые в период монгольских завоеваний, берут начало в более ранних традициях сросткинской культуры и их предшественников.

Еще одним ключевым аспектом является религиозный фактор. В работе рассматриваются культовые предметы и погребальные

обряды, которые свидетельствуют о синкретизме шаманистских и тюрко-мусульманских традиций. Автор отмечает, что часть обрядов, включая практику захоронения с конем и элементы кремации, восходит к кыргызским и кимакским традициям в сросткинской и аскизской археологических культурах, которые в свою очередь были частично сохранены в культуре тюркских народов в Поволжье и Приуралье, став основой сложения средневекового татарского мира. Это позволяет увидеть преемственность культурных и религиозных практик, которые монголы адаптировали при создании своей государственности.

Как показывает анализ артефактов сросткинской культуры, они были широко распространены на территории Восточной Европы и были включены как предметы торговли в трансевразийские маршруты, соединявшие Восточную и Центральную Азию с Волжской Болгарией и Русью. Это предвосхищает экономическую модель, которая будет реализована позднее. Интенсивность коммуникаций находило и в трансфере технологий. Проникновение новых способов производства и изготовления ремесленной продукции отражалось в распространении отдельных категорий вещей и появлении центров производства в значительном удалении от мест их появления в археологических культурах Сибири и Волго-Уралья. Пространство Дешт-и-кипчак и позднее Улус Джучи станут ключевым звеном на пути успешного развития торговли между Востоком и Западом.

Представленные в книге материалы позволяют проследить истоки культурных, военных и политических традиций, которые позднее будут унаследованы кыпчаками и монголами, а затем станут неотъемлемой частью системы Степной Евразии и сложения татар Волго-Уралья и Сибири. Анализ археологических находок дает возможность понять, как ранние кочевые союзы повлияли на формирование степной цивилизации, и как древние степные традиции продолжали существовать в государственных образованиях региона.

Данная работа является значительным шагом вперед в изучении истории и культу-

ры Кимакского каганата в контексте сросткинской археологической культуры и его взаимодействия с соседними народами Центральной Азии. Ключевым достоинством издания является систематизация и обобщение накопленного материала, что особенно важно, учитывая, что ранее не было проведено комплексного анализа, несмотря на значительное количество источниковой базы.

Комплексность изучения истории тюрко-татар Евразии в эпоху средневековья как целостной цивилизационной общности, придает особое значение знаниям, представленным в этой монографии как части системных исследований проводимых Академией наук Республики Татарстан. Она является важной составляющей для понимания общей исторической ситуации, особенно в вопросах, касающихся генезиса татар Западной Сибири. Издание этого научного труда вносит существенный вклад в активную работу Института археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан по изучению историко-археологических памятников, связанных с историей средневековых татар в различных регионах России по государственной программе Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа». Обобщая данные по Кимакскому каганату, связанного со сросткинской культурой, работа создает необходимую базу для выявления региональных особенностей историко-культурных объектов, тесно переплетенных с наследием татар и других тюркских народов нашей страны. Исследование восполняет пробел в изучении Кимакского каганата и способствует более глубокому пониманию формирования и развития тюрко-татарской общности в целом.

Монография основана на обширном археологическом материале и литературных источниках, что делает ее ценным ресурсом для исследователей, студентов и всех, кто интересуется историей тюркских народов. Мы уверены, что работа, безусловно, станет ориентиром для дальнейших исследований и откроет новые горизонты в понимании сложных культурных взаимодействий в Центральной Азии.

Издание рукописи монографии В.А. Могильникова является важной данью памяти этому выдающемуся исследователю, чей неутомимый и плодотворный труд раскрыл целые пласты средневековой истории Западной Сибири. Это не просто публикация, а шаг к возрождению интереса к его наследию и к вопросам, которые он поднимал в своих многочисленных научных работах.

Смеем надеяться, что эта книга станет началом нового плодотворного обсуждения как

проблем, так и целого ряда узловых вопросов истории и археологии региона. Великие первооткрыватели прошлого нашего региона живут в нашей памяти, пока их труды обсуждаются, а их открытия служат отправной точкой для дальнейших исследований. Это издание может вдохновить ученых и исследователей на изучение богатого культурного наследия Сибири и его влияния на сопредельные территории.

Ситдииков А.Г., Саттаров Р.Р.

ВВЕДЕНИЕ

Верхнее Прииртышье и предгорья Алтая представляют юго-восточную часть огромного пояса Великой Евразийской степи, тесно связанную со степными или лесостепными регионами юга Западной Сибири и Казахстана и отделенную с юга и юго-востока от степей Монголии горами Алтая и Саян, а на востоке ограниченную долиной Оби. Последняя вкуче с проходящей вдоль ее правого берега лентой бора шириной до нескольких десятков километров отрывает от Великой степи лежащие к востоку степные районы. К востоку от Оби и Приобского бора степь идет уже не сплошным массивом, а островами, разделенными невысокими облесенными хребтами отрогов Алтае-Саян. Таковы Мариинская лесостепь в Кузнецкой котловине, в междуречье Оби и Енисея, приенисейские степи Красноярского края и Хакасии, высокогорные степные плоскогорья и долины Тувы, Канская степь, степи Прибайкалья и Забайкалья, сливающиеся на юге со степями Центральной и Восточной Монголии и образующие особый этнокультурный регион. Своеобразие географического положения, наличие изолирующих факторов в виде горно-лесных и лесных массивов в значительной мере обуславливали особенности культурного развития и формирование этнического состава, направления и интенсивность внешних контактов. В силу своего географического положения рассматриваемый регион приалтайских степей оказался в орбите разносторонних контактов, но прежде всего ориентированных на запад, в сторону степей Казахстана и юга Западной Сибири. В то же время он был тесно связан с более северными и восточными районами лесостепи Верхнего Приобья и Обь-Иртышского междуречья, оказывая на них интенсивное

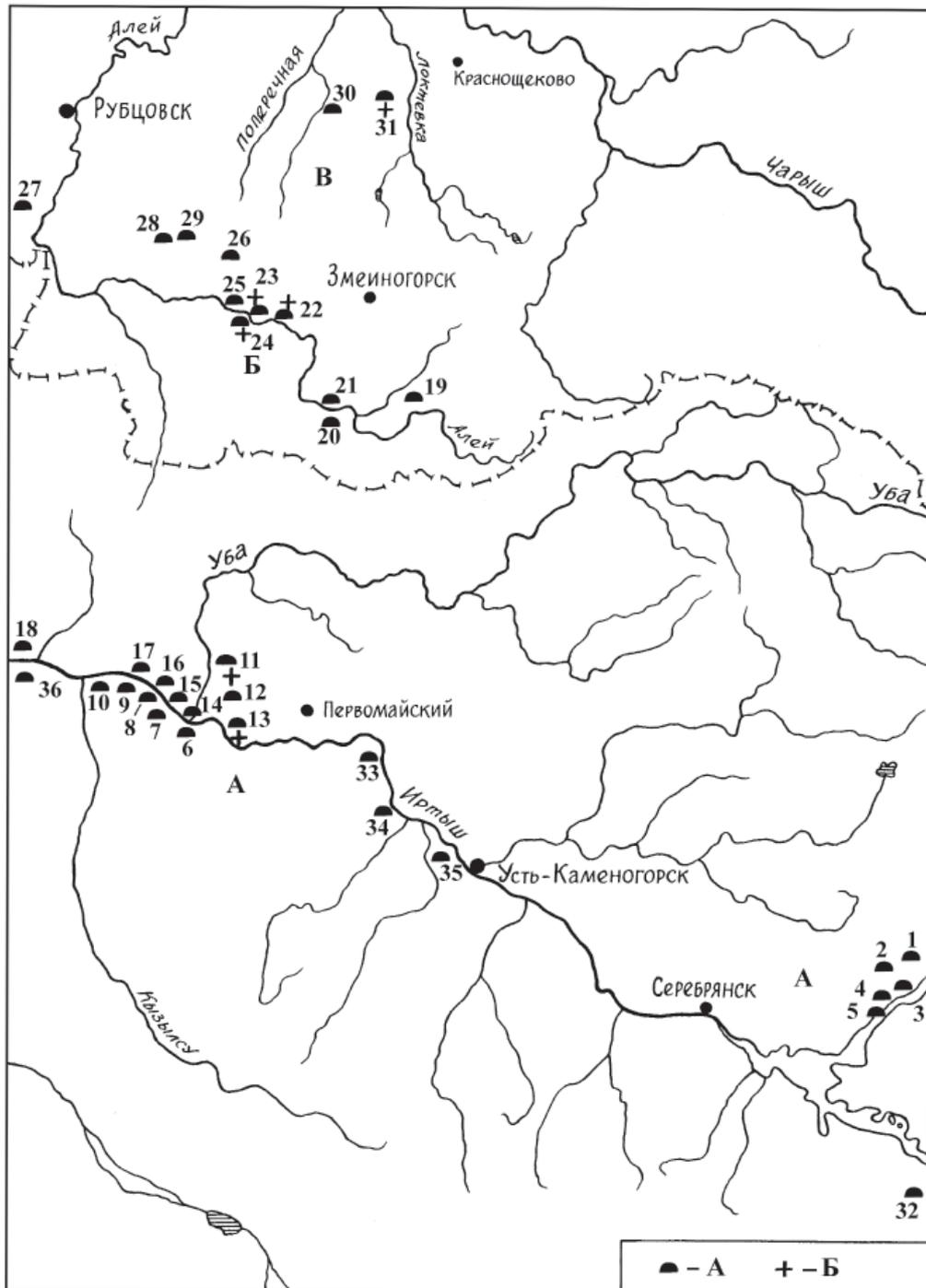
влияние вплоть до культурной и этнической ассимиляции.

Целью настоящей работы является характеристика комплекса материальной культуры населения рассматриваемого региона в его взаимосвязи с соседними территориями. В связи с этим анализируются предметы вооружения, конского снаряжения, орудия труда и предметы быта, украшения, принадлежности туалета и культа, которые в деталях были различны у проживавших здесь народов – кыргызов, огузов, возможно, уйгуров и составлявших большинство кимако-кыпчаков.

На рассматриваемой территории географически, частично в культурном и этническом отношении выделяются три локальных района – Верхнее Прииртышье, верхний Алей и прилежащие к нему районы междуречья Аля и Чарыша, составляющие с Алеем фактически единый регион (карта 1). Принимая во внимание имеющиеся между районами некоторые локальные различия, при рассмотрении различных категорий инвентаря эти различия учитываются и отмечаются, а отдельные виды вещей, к примеру удила, стремяна, расклассифицированы в таблицах по районам. Локальные различия, наряду со сходством, больше фиксируются по погребальному ритуалу. Погребения в глубоких подбоях, хорошо представленные в курганах Прииртышья, не выявлены на Алее и Чарыше, где подбой мелкий и малочисленный. Длинные курганы, насчитывающие до 8–9 погребений, присутствуют на верхнем Иртыше, в то время как на Чарыше и Алее под курганами выявлено не более трех захоронений. Это является показателем этнических и частично хронологических различий, диктующих необходимость учета локального своеобразия в вещевом комплексе.

Хронологические рамки работы охватывают период конца VIII – IX–XI вв., наиболее насыщенный археологическими памятниками, включающий эпоху «Кыргызского великодержавия», завоеваний Кыргызского каганата 40-х гг. IX в., последующего возникновения Кимакского каганата в конце IX в. и его упадка в середине XI в. под давлением монгольских племен Центральной Азии. При этом основное внимание уделено характеристике культуры кимаков, памятники которых наиболее представлены, но еще не подвергались детальному источниковедческому анализу. Их материал существенно дополняет и конкретизирует сведения письменных источников.

Ввиду частого повторения названий ряда памятников в тексте и в таблицах введены следующие сокращения их номинаций: Акч – Акчий, Ахм – Ахмирово, Барч – Барчиха, БЕ – Ближние Елбаны, БК – Белый Камень, Бобр – Боброво, Г – Гилево, Джарт – Джартас, Зев – Зевакино, Ив – Ивановка, Изм – Измайловка, К – Корболиха, Кар – Карашат, Ког – Когалы, Кур – Кураевка, Луг – Луговское, Н.Камыш – Ново-Камышинка, Н-Фирс – Ново-Фирсово, Орл – Орловка, П – Павловка, ПЯ – Пьяный Яр, Санд – Сандыккала, Сиб – Сибирь, Слав – Славянка, Шепч – Шепчиха, Юпит – Юпитер.

Карта 1. Памятники кимаков Верхнего Прииртышья и северо-западных предгорий Алтая.

А – курганы с трупосожжениями с конем и без коня; Б – курганы с кремациями.

- 1 – Кзыл-Ту I; 2 – Свинчатка; 3 – Славянка; 4 – Юпитер; 5 – Пчел; 6 – Джаргас; 7 – Ковалевка; 8 – Темир-Канка II; 9 – Измайловка; 10 – Локаменка; 11 – Камышенка; Новокамышенка; 12 – Орловка; 13 – Зевакин; 14 – Акчий I, II, III; 15 – Карашат I, II; 16 – Сандккала; 17 – Когалы; 18 – Б. Владимировка; 19 – Кураевка I; 20 – Сибирь; 21 – Михайловка; 22 – Корболиха II–X; 23 – Гилево I–IX, XI–XIV, XVI; 24 – Гилево XV; 25 – Павловка I, II; 26 – Шепчиха; 27 – Веселоярск; 28 – Белый Камень; 29 – Черный Камень; 30 – Ивановка III, IX, XVII, XXIV, XXVI; 31 – Нововфисово V; 32 – Чиликты; 33 – Ахмирово I; 34 – Донское; 35 – Меновное VI, VIII, VIIа; 36 – Кондратьевка.

А – Верхнее Прииртышье; Б – верхний Алей; В – междуречье Чарыша и Алея.

Карта 1. Памятники кимаков Верхнего Прииртышья и северо-западных предгорий Алтая.

ГЛАВА 1

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Племенной союз кимаков и возникшее на его основе в конце IX в. государство Кимакский каганат, просуществовавшее до середины XI в., известно главным образом по арабским источникам IX–XII вв., наиболее детально проанализированным Б.Е. Кумековым (Кумеков, 1972). Им же рассмотрена и историография вопроса с привлечением опубликованных результатов археологических исследований, в основном в плане упоминания.

Китайские и арабские известия о кыпчаках и кимаках конца I – начала II тыс. проанализированы также С.М. Ахинжановым (Ахинжанов, 1989). В отличие от Б.Е. Кумекова, считавшего кимаков тюрками, С.М. Ахинжанов усматривает в качестве их предков монголоязычное племя кумохов китайских авторов.

В настоящее время большинство исследователей локализуют основную территорию кимаков IX–XI вв. в Верхнем Прииртышье и в сопредельном регионе северо-западных предгорий Алтая, а также в Семиречье, Среднем Прииртышье и отчасти в Центральном Казахстане. В деталях точки зрения разных авторов расходятся. Если обратиться к историографии, то впервые к проблеме локализации ареала кимаков на основе сравнительного анализа арабских источников обратился В.В. Григорьев (Григорьев, 1872; 1875). Он размещал кимаков в Монголии и идентифицировал с народом кумо-хи китайских источников (Кумеков, 1972, с. 5), предвосхитив позднее дополнительно аргументированное мнение С.М. Ахинжанова (Ахинжанов, 1983). В.В. Григорьев также высказал гипотезу о смешении у ал-Идриси кимаков и киданей. С работами В.В. Григорьева, как отмечает Б.Е. Кумеков (Кумеков, 1972, с. 5), связаны взгляды В.В. Радлова (Радлов,

1893, с. 119), локализовавшего кимаков на Иртыше и Алтае. Н.А. Аристов (Аристов, 1896, с. 312), анализируя письменные источники, отметил этническую близость кимаков с кыпчаками.

Значительное внимание источниковедению и истории кимакских племен уделил В.В. Бартольд. Он перевел и прокомментировал в работе «Кимаки» важнейшие источники по кимакам – главы о тюрках из «Заин-ал-Ахбар» X в. Гардизи (Бартольд, 1897, 1968а), и сделал доступным важный источник того же времени «Худуд ал-Алам» (Бартольд, 1930). По определению Б.Е. Кумекова, В.В. Бартольд создал первую научную историю средневекового Казахстана (Кумеков, 1972, с. 6).

В связи с рассмотрением свода мусульманских сведений о странах Восточной Европы И. Маркварт посвятил теме кимако-кыпчаков специальную монографию и сделал ряд экскурсов в своих исследованиях (Marquart, 1903; 1914; 1920). Работы И. Маркварта подробно разобраны в рецензии В.В. Бартольда (Бартольд, 1968б), осветившего их сильные и слабые стороны, а в последующем широко привлекались при анализе кимако-кыпчакской проблематики Б.Е. Кумековым (Кумеков, 1972) и С.М. Ахинжановым (Ахинжанов, 1989).

Тщательное исследование анонимного сочинения X в. «Худуд ал-Алам» и других источников произведено В.Ф. Минорским (Minorsky, 1937; 1940; 1948).

Различным аспектам истории кимаков и их локализации посвящено также большое количество работ других русских и советских исследователей, анализ которых не входит в задачи данной работы (библиографию см.:

Ахинжанов, 1989; Кумекон, 1972; Савинов, 1984, 1994).

В настоящее время в выявлении особенностей культуры, этнического состава и социальной структуры государства кимаков все большее значение приобретают археологические источники, фонд которых значительно пополнился за вторую половину XX в., особенно в 60–80-е гг. благодаря широким полевым исследованиям, проведенным в Верхнем Прииртышье С.С. Черниковым, Ф.Х. Арслановой, З.С. Самашевым, Ю.И. Трифоновым, А.А. Ткачевым, Ю.П. Алехиным и др., в северо-западных предгорьях Алтая – Ю.П. Алехиным, В.А. Могильниковым, А.А. Тишкиным и др. авторами.

Переходим к истории изучения древностей кочевников IX–XI вв. Верхнего Прииртышья и северо-западных степных предгорий Алтая.

Из ученых-исследователей впервые на курганы степного междуречья Иртыша и Оби и находки из них обратил внимание Г.Ф. Миллер (Миллер, 1937). В его «Истории Сибири» приведены рисунки вещей из бронзы и серебра, найденных в курганах между Обью и Иртышом. Среди них представлены собственные культуре данного региона IX–XI вв. уздечные и портупейные тройники, круглая портупейная бляха-распределитель ремней с четырьмя прорезями, сбруйные бляшки, подпрямоугольная с выступом и ажурные ромбические, обломок парной застежки с изображением птицы, бляха с геральдически сопоставленными фигурками петушков, серьга кимакского типа с полым подвесным шариком, две подвески в виде рыбок, подвеска-личина, фигурка всадника и некоторые другие вещи (Миллер, 1937, рис. 22–24). Все они имеют аналогии в кимакских памятниках и частично в древностях енисейских кыргызов тюхтятской культуры.

В последующее время активизация интереса к древностям Верхнего Прииртышья и юга Западной Сибири в целом приходится на вторую половину XIX в., что было связано с ростом внимания к краеведению местной и центральной общественности, созданием и деятельностью Московского археологическо-

го общества и Императорской археологической комиссии, а также отделений Русского географического общества в Омске и Семипалатинске, организацией на местах первых краеведческих музеев, архивных комиссий и некоторых других учреждений с краеведческой направленностью.

В 1859–1861 гг. чиновник таможенного управления И. Армстронг раскопал два кимакских кургана около Семипалатинска, в ходе чего было обнаружено погребение с интересным инвентарем (Армстронг, 1861).

В 1898 г. священник Г. Васильев исследовал 13 курганов около с. Б. Владимировка севернее Семипалатинска (ОАК за 1898 г., 1901, с. 59–60, 172).

Под курганами диаметром 14–28 м, высотой до 1–1,5 м, в больших прямоугольных ямах, перекрытых бревенчатым накатом, находились захоронения ингумаций, часть которых сопровождалась останками коней со сбруей. Найдены также бронзовые и серебряные пряжки, поясные накладки, железные наконечники стрел, удила, поделки из кости, обломок плоского бронзового зеркала, бусы, фрагменты керамики (Археологическая..., 1960, с. 100, № 1320, 1321). Курганы могут быть датированы концом VIII – IX–X вв.

Начало широких научных исследований курганов различных эпох, в т. ч. средневековых, в Верхнем Прииртышье было положено в 40–50-х гг. С.С. Черниковым (Черников, 1949; 1951; 1952; 1956; 1957; Археологическая..., 1960, с. 123, № 1730, с. 127, № 1781; с. 175, № 2484, с. 177, № 2511). Он вскрыл 11 курганов IX – начала XI вв. в некрополях Кзыл-Ту I (1), Кзыл-Ту II (3), Славянка (2), Пчела (2), Юпитер (3). Под курганами с насыпями из камня и земли находились погребения с ингумациями в сопровождении коня или без такового, уложенными головой на восток в подпрямоугольных грунтовых ямах. В трех курганах могильника Юпитер захоронения были совершены в ямах с подбоями, в том числе во входной яме одного из курганов находилось захоронение коня с той же ориентировкой (Археологическая..., 1960, с. 127, № 1781). В инвентаре представлены предме-

ты вооружения: наконечники стрел, накладки луков, палаши, бляхи и пряжки от поясных наборов и сбруи, удила, стремяна, украшения – серьги, перстни, бусы и др. С.С. Черников первым связал погребения данного типа с племенами кимаков (Черников, 1957, с. 21). С.С. Черников исследовал также впускное погребение VIII–IX вв. в кургане 2 Чиликтинской долины (Савинов, 1984, с. 104; 1994, с. 78–79, 88). При единичности погребений этого времени в Верхнем Прииртышье данное захоронение представляет интерес в связи с решением проблемы происхождения населения и культуры IX–X вв. рассматриваемого региона. К сожалению, материалы раскопок С.С. Черникова опубликованы фрагментарно, преимущественно в виде информационных заметок (Черников, 1949; 1957) или в связи с публикацией отдельных категорий предметов и сводных таблиц (Археологическая..., 1960, табл. IX; Плотников, 1981а; 1981б).

В конце 50–70-х гг. исследование средневековых курганов в Павлодарском и в Верхнем Прииртышье проводила экспедиция Усть-Каменогорского пединститута под руководством Ф.Х. Арслановой. Она провела раскопки курганных могильников Бобровка I, II, Ждановского, кургана у с. Подстепное в Павлодарском Прииртышье (Арсланова, 1963а, 1963б, 1968), курганов Зевакино, Орловка, Новокамышенка, Карашат и др. в Верхнем Прииртышье (Арсланова, 1969; 1972; 1987; 1998; Арсланова, Кляшторный, 1973; Арсланова, Самашев, 1984). При этом наиболее масштабные работы были проведены на разновременном погребальном комплексе Зевакино, где среди памятников IX–XI вв. представлены длинные и круглые курганы, содержавшие ингумации с погребениями коня или без такового, а также захоронения останков кремаций, совершенных на стороне, в неглубоких ямах или на уровне древнего горизонта (Арсланова, 1969; 1972; 1987). Автор раскопок вслед за С.С. Черниковым обоснованно связывает погребения с ингумациями с кимаками, а захоронения кремаций – с енисейскими кыргызами, проникшими на Иртыш в ходе завоеваний Кыргызского каганата в 40-х гг. IX в. Правда,

датировка VIII–IX вв. захоронений с кремациями (Арсланова, 1972, с. 78) представляется несколько заниженной, скорее ее надо ограничить IX в. Следует отметить также, что материал раскопок Ф.Х. Арслановой опубликован не полностью, некоторые комплексы изданы фрагментарно, без рисунков таких важных для хронологии предметов, как удила и стремяна (Арсланова, 1969), а большая статья о длинных курганах (Арсланова, 1987) вообще не содержит иллюстрации, что существенно снижает ее информативность как археологического источника. Значительное место в статьях Ф.Х. Арслановой уделено рассмотрению отдельных деталей культуры и категорий вещей, в частности контактам с более северным угорским населением, находкам пряжек «византийского» типа, рассмотрению украшений киманских женщин – подвесок, застежек, бус и др. (Арсланова, 1980; 1984; 1985; 1987; 1998).

В 1980–1983 гг. на верхнем Иртыше, в зоне затопления Шульбинской ГЭС работала экспедиция Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН Казахской ССР. В ходе работ отрядами под руководством Ф.Х. Арслановой, С.М. Ахинжанова, З.С. Самашева и Ю.И. Трифонова было вскрыто на ряде некрополей 87 погребений IX–X – начала XI в., материал которых опубликован Ю.А. Трифоновым (Трифонов, 1987) с соавторами. В целом описание вскрытых объектов погребального обряда и инвентаря дано по комплексам на достаточно высоком научном уровне с публикацией всех встреченных предметов, что выделяет данную публикацию из предшествующих работ. К недостаткам относится мелкий масштаб рисунков большинства вещей, из-за чего местами сливаются детали насыщенного орнамента на бляхах и пряжках уздечной и поясной гарнитуры, что снижает информативность графики. Работа носит характер публикации. Анализ материала отложен на будущее.

В 80–90-х гг. XX в. ряд курганов кимаков и уйгуров на Верхнем Иртыше, как считает автор публикации, раскопал Ю.П. Алехин. Результаты работ изложены пока в кратких

информационных заметках с рисунками отдельных вещей из комплексов (Алехин и др., 1991; 1992; Алехин, 1998). Ввиду краткости информации установить количество вскрытых погребений трудно.

В 80–90-х гг. раскопки курганов кимаков в районе Усть-Каменогорска, в том числе некрополей Ахмирово I–II проводили Н.А. Суворова, А.А. Ткачев, Н.А. Ткачева. Полученные материалы частично опубликованы в отчетных статьях вместе с материалом вскрытых памятников других исторических периодов (Ткачев, Ткачева, 1998; 1999). По комплексам изданы только материал длинного кургана 7 Ахмирово IX – первой половины XI в., содержащий четыре погребения (Суворова, Ткачев, 1995) и курган-кенотаф Ахмирово II, 2 (Ткачев, Ткачева, 1999). При этом А.А. Ткачев и Н.А. Ткачева отмечают большую древность круглых курганов с одиночными погребениями по отношению к длинным курганам, содержащим по несколько захоронений (Ткачев, Ткачева, 1999, с. 142–144). Они же указывают на более поздний возраст подбойных захоронений по отношению к погребениям в простых широких подпрямоугольных ямах. Ими же подмечена более ранняя ориентация могил в направлении СВ–ЮЗ по отношению к ориентации строго по сторонам света, длинной осью В–З. Однако при этом аргументация отсутствует, а абсолютные даты указанных особенностей ритуала не определены. Количество вскрытых комплексов различных видов по информационным публикациям А.А. Ткачева и Н.А. Ткачевой определить невозможно. Материал в основном не издан, из-за чего выводы непроверяемы, хотя общая тенденция динамики ритуала, судя по опубликованным материалам Верхнего Прииртышья, по-видимому, подмечена верно.

Памятники кимаков в степных северо-западных районах Алтая, смежных с Верхним Прииртышьем, начали активно исследоваться в 70-х гг. (1971–1976 гг.) Алейской экспедицией ИА АН СССР, на верхнем Алее, в Локтевском и Третьяковском районах Алтайского края, в зоне затопления Гилевского водохранилища. В ходе шестилетних работ были

раскопаны более 100 курганов, в которых исследовано около 150 погребений, относящихся главным образом к IX – первой половине XI вв. Среди них представлены захоронения с кремациями IX – начала X в., оставленные кыргызами, захоронения со шкурами, чучелами коней, соотносимые с огузами или уйгурами конца VIII – IX – начала X вв., и погребения ингумаций в сопровождении коня или без такового, связываемые с кимаками. Материал в основном опубликован (Могильников, 2002).

В северо-западных предгорьях Алтая, в междуречье верхнего Алея и Чарыша А.А. Тишкин исследовал некрополи, в 1990 г. Белый Камень, на котором из восьми курганов вскрыто три, в том числе к. 1 с коллективным погребением с чучелами коней, датированный концом VIII – первой половиной IX в. (Тишкин, 1993б, с. 245). В разграбленном к. 2 находилось захоронение мужчины, возможно также с чучелом коня, от которого сохранился лишь череп лошади при отсутствии инвентаря. В к. 3 второй половины IX–X вв. находилось захоронение воина с наконечниками стрел, удилами и заклепками от седла (Тишкин, 1993б, с. 237, 240, рис. 5, 1–14).

В 1991 г. в том же регионе А.А. Тишкин на могильнике Шепчиха 1 раскопал восемь курганов, из которых один (№ 2) относится к эпохе раннего железа, два (№ 5, 7) из-за сильного разграбления и отсутствия инвентаря не датируются, а пять относятся к эпохе Средневековья. Среди последних представлены два кургана с захоронениями мужчины-воина с конем (№ 4, 8), парное захоронение воинов с чучелом или расчлененными останками коня (№ 3), захоронение женщины с удилами и парой стремян (№ 6), погребение мужчины с двумя наконечниками стрел, сильно грабленное (№ 1) (Тишкин, 1993а). Исследованные средневековые погребения автор связал с кимаками, отметив их неодновременность.

На верхнем Алее А.А. Тишкин (Тишкин, 1991) раскопал в 1990 г. два кургана у д. Михайловки, один из которых содержал неполное трупосожжение с конем, а второй – отдельные кости мужчины 35–40 лет и фрагменты железных предметов. Лошадь была уложена голо-

вой на восток со сбруей, от которой сохранились 8-видные удила и Т-образный тройник с растительным орнаментом, ориентировка мужчины из-за ограбления неясна (Тишкин, 1991, с. 16–17, рис. 1). Кроме того, в 2 км на ССВ от Михайловки раскопаны три кургана в могильнике из девяти насыпей на полях колхоза «Сибирь». Под каменно-земляными насыпями находились погребения с конями, сильно разрушенные ограблением, не давшие датированных вещей и предположительно отнесенные к эпохе Средневековья (Тишкин, 1991, с. 17, 18, рис. 1,6,7).

А.А. Тишкин опубликовал также материал из разрушенного карьером могильника у с. Веселоярск Рубцовского района, где обнаружено семь погребений, в т. ч. пять – VII–VI вв. до н. э., два – эпохи Средневековья с находками гладких уздечных блях с двумя Т-образными тройниками (Тишкин, и др., 1996, с. 152–154, рис. 37,1,2), а также сердцевидных блях и наконечников ремней с простым геометрическим орнаментом.

В 1982–1988 гг. ряд курганов IX – начала XI вв. на среднем Чарыше, в Курьинском районе Алтайского края был раскопан Ю.П. Алехиным. К ним относятся два кургана Ивановки III с погребениями взрослого и подростка в сопровождении коней с богатым инвентарем, указывающим на принадлежность погребенных к кимакской знати (Алехин, 1996, с. 60, 64, рис. 12–14), четыре кургана могильника Ивановка IX, один из которых (№ 1) содержал захоронение воина с конем, с десятью наконечниками стрел, обломками палаша, ножа, заклепками седла (Алехин, 1996, с. 65), другой был полностью разграблен, третий содержал захоронение женщины 40–45 лет с грубым глиняным сосудом и ножом, в четвертом, предположительно кенотафе, захоронение отсутствовало. Погребенные во всех курганах были снабжены заупокойной пищей в виде мяса барана (Алехин, 1996, с. 65–66; 1998, с. 141–143, рис. 1). К этому же времени относятся могильники Ивановка XVII, XX, XXIV, XXV, XXVI, в которых в общей сложности раскопано 10 курганов и вскрыто 12 погребений. Девять из них содержали по од-

ному погребению под центром насыпи, а в к. 1 Ивановки XXVI было три погребения мужчин 25–30 лет и двух подростков 8–9 и 9–10 лет. Среди погребений представлены ингумации мужчин и женщин с конем и без коня со сбруей и без нее, а также захоронения подростков (Алехин, 1996, с. 67–72; 1997, с. 133–136, рис. 1). Всего на могильниках Ивановка Алехиным вскрыто 16 курганов с 18 погребениями, в числе которых один кенотаф (Ив. IX, 4).

Помимо этого, в том же регионе на некрополе Новофирсово VII Ю.П. Алехин раскопал два кургана IX–X вв. (№ 3, 4). Центральные погребения этих курганов представляли кремации с непережженным инвентарем, в составе которого железные трехлопастные наконечники стрел, 8-видные перевитые удила с S-видными псалиями, заклепки от седла, нож (Алехин, 1996, с. 84, 85, рис. 15). Впускные захоронения совершены по обряду ингумации. В к. 3 п. 2 – детское, с богато орнаментированным глиняным сосудом, п. 3 – пожилого мужчины 50–60 лет, лежавшего на спине, головой на ВСВ, с наконечником копья, железными трехгранно-лопастными наконечниками стрел, удилами, пряжкой. Все погребенные, кроме ребенка, сопровождалось поясничными и крестцовыми (курдючными) позвонками барана, в одном случае – птицы. В насыпи кургана встречены кости барана и ягненка, как остатки поминальной тризны. В южной части к. 4 находилось детское погребение по ритуалу ингумации, а в насыпи найден фрагмент глиняного сосуда (Алехин, 1996, с. 84–85).

В пограничье со сrostкинской культурой Верхнего Приобья находится некрополь Барчиха в Шипуновском районе Алтайского края, на котором насчитывалось два кургана. В 1997 г. А.Н. Телегин вскрыл курган I, овалтуренный овальным ровиком диаметром 3–В – 32 м. В южном и СЗ секторах кургана находились две могилы, ориентированные СВ–ЮЗ. Погребение в СЗ секторе было перекрыто тремя рядами бревен и рядом досок. Костяк мужчины покоился на дощатом настиле, на спине, вытянуто, головой на СВ. Справа от него лежали череп и кости ног лошади с про-

тивоположной ориентацией. Вероятно, подобная же конструкция была в разграбленной южной могиле, где встречены кости зрелого мужчины и ног лошади. В инвентаре представлены железные трехгранные, трехлопастные и плоский наконечники стрел, обломки палаша, сабли, котла, копье, нож, удила, бронзовые бляшки и пряжки, костяная подпружная пряжка. А.Н. Телегин относит курган к сросткинской культуре и датирует предварительно IX–XI вв. (Телегин, 1998, с. 182, рис. 1). Судя по инвентарю, наиболее вероятная дата – вторая половина IX – X вв., а курган может быть причислен к огузским или уйгурским.

Подводя итог характеристике источниковой базы, можно отметить, что при сравнительно большом количестве раскопанных объектов (вскрыто в общей сложности около 200 погребений), обобщение материала не проведено. Отсутствует сводная характеристика погребального ритуала курганов кочевников IX–XI вв. и вещевого комплекса, учитывающая обширный материал, полученный в 80–90-х гг. Материал, учитывающий результаты работ предшествующего периода, кратко обобщен В.А. Могильниковым в разделе «Кимаки» «Археологии СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья» (Могильников, 1981, с. 43–45, рис. 26), где кимаки Верхнего Прииртышья и северо-западных степных предгорий Алтая рассматриваются отдельно от сросткинской культуры Верхнего Приобья и Барабы. Обобщенная характеристика культуры кимаков как носителей сросткинской культуры в целом дана Д.Г. Савиновым (Савинов, 1984). В другой работе Д.Г. Савинов рассматривает кимаков Верхнего Прииртышья отдельно от комплексов сросткинской культуры северо-западных предгорий Алтая и Верхнего Приобья, считая Верхнее Прииртышье основной территорией расселения собственно кимаков, что представляется более обоснованным (Савинов, 1994). Вместе с тем в этот ареал следует включить и степные северо-западные предгорья Алтая по верхнему и среднему Алею и Чарышу, смежные с Верхним Прииртышьем и характеризующиеся в основном аналогичными погребальным ритуалом и материальной

культурой. Это согласуется с заключением Б.Е. Кумекова (Кумеков, 1972, с. 53–55), локализирующего основную территорию кимаков на верхнем и среднем Иртыше и северном Алтае в середине IX в.

Ряд работ посвящен анализу вещей различных категорий. Помимо упомянутых выше работ Ф.Х. Арслановой, посвященных характеристике украшений, застежек, бус, подвесок и др., следует отметить ряд работ Ю.С. Худякова (Худяков, 1981; 1986; 1993; Худяков, Плотников, 1995), посвященных полностью или частично вооружению кимаков, рассматриваемому на материале сросткинской культуры в ее широком понимании, включая Верхние Прииртышье, Приобье и Барабу. При этом своеобразии собственно кимакских районов Верхнего Прииртышья и степного северо-западного Алтая недостаточно выделено. Рассматриваемые как кимакские костяные наконечники стрел (Худяков, 1986, с. 186–188, 190, рис. 3) фактически не являются кимакскими, поскольку на основной территории расселения кимаков в Верхнем Прииртышье и степных северо-западных предгорьях Алтая они или отсутствуют, или представлены единичными экземплярами (Г XIII, 6) и никак не могут рассматриваться «в качестве вспомогательного средства дистанционного боя кимакских лучников» (Худяков, 1986, с. 190). Распространение их преимущественно в лесостепной Барабе и Приобье указывает на их связь с аборигенным угро-самодийским субстратом населения сросткинской культуры. То же можно сказать в отношении «кимакских» наконечников копий с удлинено-ромбическим пером, предназначенным, как считает Ю.С. Худяков (Худяков, 1986, с. 195–196, рис. 88), «вероятно, для поражения незащищенного панцирем противника». Данные типы наконечников копий происходят из лесостепного верхнего Приобья и также связаны с местным самодийским субстратом. В отличие от этого, как свидетельствует новый материал, для собственно кимаков основной территории их расселения присущи пиковидные наконечники копий с пером треугольного квадратного, ромбического и узкого ланцетовидного линзовид-

ного сечения, рассчитанного на пробивание брони (Могильников, 2002, рис. 7,11; 46,10; Суворова, Ткачев, 1995, рис. 2,16-19; Телегин, 1998, рис. 1). Определяемая численность кимаковской армии в 120–130 тыс. конных воинов (Худяков, 1986, с. 202) представляется сильно преувеличенной, особенно при учете того обстоятельства, что, кроме конницы, предполагается наличие пехоты.

Вызывает сомнение утверждение, что копья входили в состав боевых принадлежностей легко вооруженного конного воина (Худяков, 1986, с. 196). В большинстве комплексов копья находятся вместе с палашами или саблями, что позволяет думать, что копья были в основном в арсенале тяжело вооруженных всадников. На это указывают и бронзовые фигурки конных воинов в панцирях, с копьями и саблями из к. 2 Кондратьевки IV в Верхнем Прииртышье IX–X вв. (Алехин, 1998, рис. 1,1,2).

Вооружение кимаков Верхнего Прииртышья IX – первой половины XI вв. рассматривалось также Ю.А. Плотниковым, опубликовавшим семь палашей и сабель и наконечники стрел из к. 6 Кызыл-Ту I, происходящих из памятников, раскопанных С.С. Черниковым (Плотников, 1981а, 1981б). Автор разделяет мнение Ф.Х. Арслановой, что Восточный Казахстан можно включить в территорию распространения древнейших образцов сабель. Также приведены данные об опубликованных находках из Верхнего Прииртышья – мече из Бобровского могильника, палаше из к. 1 Орловского могильника, прямой сабле из к. 97 Зевакино (Плотников, 1981б, с. 163–166).

Анализ предметов конского снаряжения сроткинской культуры (костяных подпружных пряжек, удила стремян) проведен в ряде статей С.В. Неверовым (Неверов, 1985; 1990; 1992; 1998), куда включен и материал из Верхнего Прииртышья и степных предгорий Алтая, но отдельно особенности и количественные показатели для этих регионов им не рассматривались. Кроме того, представительность выделенных типов удила и стремян в конкретных комплексах не указана, сводных типолого-хронологических таблиц нет, что

сильно затрудняет восприятие материала и использование выводов автора в работе с материалом.

Особенности поясной и уздечной гарнитуры кимаков (пряжек, блях, распределителей ремней) не рассматривались специально. В этой связи можно отметить только статью Е.В. Григорова (Григоров, 1998), посвященную распределителям ремней Южной Сибири VII–X вв. Автор выделяет два отдела тройников. Отдел 1 с центральным полушарием с отходящими от него лопастями с бутонovidными окончаниями он датирует VIII–IX вв. и связывает с тюркской традицией, восходящей к тройникам из Горного Алтая VIII в. (Савинов, 1982). Отдел 2 – уплощенные распределители с выпуклостью посередине или без нее, появляющиеся в Минусинской котловине в IX в. (Кызласов, Король, 1990, с. 96), автор связывает с древними хакасами. В сроткинских памятниках они датируются сер. IX – X вв. и связываются с хакасской традицией. Последнее представляется верным, а в отношении первого безоговорочно говорить трудно ввиду малой представительности материала. На Алее в III тройник отдела 1 встречен в погребении с кремацией. Существенным недостатком статьи является отсутствие количественных показателей анализируемых тройников и указаний, из каких комплексов они происходят. Фактически источниковая база не показана, как и в статьях об удилах и стремянах С.В. Неверова.

Каменные изваяния кимаков Верхнего Прииртышья были предметом исследования Ф.Х. Арслановой и А.А. Чарикова (Арсланова, Чариков, 1974) и А.А. Чарикова (Чариков, 1976; 1979; 1980а; 1980б; 1980в; 1986; 1989). Выделены три группы изваяний: I – VII–IX вв., II – IX–XI вв., III – XI–XIII вв., отмечены их характерные особенности, аналогии на смежных территориях и параллели с половецкими изваяниями (Чариков, 1980а, с. 130–140).

Два каменных изваяния с верхнего Алея опубликованы В.А. Могильниковым. Одно из них стояло около кургана X–XI вв. Павловка II Локтевского р-на Алтайского края, другое находилось в музее школы с. Гилево

того же р-на, куда было доставлено с полей без точного указания местонахождения (Могильников, 2000, рис. 1,2; 2002, рис. 201,2,3). Оба изваяния из темно-серого гранита, стекловидные, с моделированным лицом при отсутствии других деталей и реалий на корпусе, что свойственно изваяниям кимаков IX–XI вв. Следует отметить, что считавшаяся длительное время утраченной из-за пожара в музее г. Горняк каменная баба из Павловки недавно обнаружена и, возможно в скором времени будет еще раз опубликована с выявившимися, при наклонном освещении, слабо проработанными деталями, в частности на верхней части оборотной стороны (Кирюшин, Шульга, 2001, с. 172).

Проблемой, требующей разрешения, являются поиски поселений кимаков. Нарра-

тивные источники говорят о городах кимаков и локализуют столицу каганата Имакию на Иртыше. Однако археологически поселения кимаков до сих пор не обнаружены. Проводимые нами в 1971–1976 гг. разведки на верхнем Алее с шурфовкой мысов дали в единичных случаях малочисленные фрагменты неорнаментированных стенок сосудов, предположительно относящиеся к эпохе Средневековья и указывающие на существование кратковременных стойбищ кочевников и полукочевников. Поиски поселений кимаков также пока не дали результатов (Трифонов, 1987). Связываемые с кимако-кыпчаками остатки городищ с сырцовыми стенами известны пока только в Центральном Казахстане (Маргулан, 1951, с. 38) и исследованы пока только рекогносцировочно.

ГЛАВА 2

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ

Предметы вооружения кочевников Верхнего Прииртышья и северо-западных степных предгорий Алтая включали оружие дистанционного боя – лук со стрелами, оружие ближнего рукопашного боя – палаши, прямые и слабо изогнутые сабли, редко – кинжалы и единично – кистени. К древковому оружию ближнего боя относились копья с железными наконечниками и редко – топоры. Комплекс защитного вооружения включал круглый деревянный, вероятно, обтянутый кожей щит, пластинчатый металлический панцирь, железные пластины от которого чаще находятся в кыргызских погребениях по ритуалу трупосожжения, нежели в захоронениях по обряду ингумации, где находки остатков панцирных пластин редки, что отчасти объясняется плохой сохранностью железа из-за коррозии и ограбленностью захоронений, затрудняющих идентификацию мелких железных предметов. В виде исключения встречены в единичных находках обрывки кольчуги в кургане на Чарыше (Горбунов, Тишкин, 1998) и фрагменты шлема в Ахмирово I/1 (Суворова, Ткачев, 1995).

Рассматриваемые некоторыми исследователями в качестве предметов вооружения топоры-тесла (Нестеров, 1981; Худяков, 1981, с. 120; 1986; и др.) служили главным образом орудиями труда – топорами, теслами, корнекопалками – и как оружие могли использоваться лишь в исключительных случаях. На это, в частности, указывают находки этих изделий в женских погребениях, а также в отдельных мужских погребениях без оружия (Могильников, 2002, с. 107–108).

Наиболее массовым видом вооружения был лук со стрелами. Он служил непременным атрибутом всех захоронений воинов, в том числе захоронений знати, включавших полный комплекс вооружений – лук со стрелами, палаш или саблю, копье, иногда кистень и панцирь. Стрелы встречены в отдельных женских могилах КХШ,6 и др. (Могильников, 2002, с. 103, 107), но без достоверных следов присутствия лука в виде накладок.

Переходим к характеристике различных видов вооружения, рассматривая отдельно оружие из погребений с кремациями и ингумациями как относящееся к разным этносам.

ЛУКИ

Анализ форм луков у кочевников Верхнего Прииртышья и сросткинской культуры производился в комплексе с эволюцией лука в Южной Сибири Д.Г. Савиновым (Савинов, 1981, с. 151–152) и Ю.С. Худяковым при рассмотрении предметов вооружения кимаков и развития сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии (Худяков, 1981, с. 121–123; 1986, с. 181–183; рис. 80, 81; 1993, с. 128–129, рис. 14). К настоящему времени добавился новый материал из Верхнего Прииртышья и

северо-западных предгорий Алтая, который здесь привлекается.

В условиях ограбленности основной массы погребений остатки луков зачастую не сохраняются или от них доходят отдельные фрагменты накладок или часть накладок, которые не всегда позволяют достоверно говорить о конструкции лука. Все выявленные остатки луков относятся к группе сложносоставных. Не исключено, что существовали также деревянные луки, склеенные из нескольких пород

дерева, но от них не осталось следов. Сложные М-образные луки изображены на бронзовых фигурках всадника из ГХП,1, пешего воина – из Кулундинского (Могильников, 1981, рис. 26,87; 27,48).

Всего нами учтены остатки 21 лука, происходившие из 19 погребений. По два лука было в парном захоронении Орловки 1,1 (Арсланова, 1969, с. 52, табл. 1) и в коллективном – ГVII,4,2 (Могильников, 2002, рис. 49, 11–15). По количеству, форме и месту расположения накладок они относятся к пяти типам.

Тип 1. С парой срединных боковых и парой концевых (с одного конца) накладок. 1 экз. из Орловки 1,1 (Арсланова, 1969, с. 52). Ф.Х. Арсланова со ссылкой на А.А. Гаврилову (Гаврилова, 1965, с. 87–88) отмечает, что такая конструкция бытовала на Алтае в VI–VII вв. Это тип асимметричных луков, представленных в берельских и кудыргинских памятниках Горного Алтая (Гаврилова, 1965, с. 55–57, рис. 5,3–6, табл. XVII,4,5, XXIV,8,9, XXXI,11,12). Подобный лук обнаружен в к. 6 Бобровки II VIII–IX вв. Он «имел две срединные (длиной 16,5 см) и две концевые (длиной 18 см) накладки. Судя по сохранившейся кибите, длина лука составляла 1,3 м» (Арсланова, 1968, с. 104, вклейка, рис. 26,30).

Луки данного типа с парой срединных и парой концевых (с одного конца) накладок занимают промежуточное положение между луками хуннскими со срединными и концевыми (с обеих сторон) накладками и тюркскими луками с парой срединных боковых накладок, наиболее ранний экз. которых зафиксирован в VII в. в Таш-Тюбе в Киргизии (Кибиров, 1957, рис. 5) и которые стали господствующими у алтайских тюрков на катандинском этапе конца VII–VIII вв. (Гаврилова, 1965, с. 87; Савинов, 1981, с. 148, 149, рис. 2).

Тип 2. С парой срединных боковых и фронтальной (тыльной) накладкой-вкладышем. 1 экз. Представлен фрагментами боковой и фронтальной накладок, из Джаргас, об. 80 (погребение с кремацией с непережженным инвентарем) (Трифонов, 1987, с. 128, рис. 64,23,24). Данный тип лука является преобладающим в памятниках сросткинской культуры

Верхнего Приобья. Представлен в Сростках, кк. 1, 2, 5 (Гаврилова, 1965, рис. 11,9,10; Савинов, 1998, рис. 8,13; Худяков, 1981, с. 121, рис. 3,1–4,8,9, тип 3; 1986, с. 181, рис. 80,1–4,7,8, тип 2; 1993, с. 128, рис. 14,4–9). Срединные боковые накладки полуовальные со скошенными концами длиной 15–16 см, шириной 2,5–3 см. Фронтальные длиной около 6 см, шириной 1,5 см с полого срезанными концами (рис. 1: 11).

Накладки от подобного лука найдены в к. 6 Бобровки II в Среднем Прииртышье (Арсланова, 1968, с. 104, вклейка, рис. 25). Этот лук, по описанию Ф. Х. Арслановой, имел длину 1,4 м. Между накладками сохранилась деревянная «кибита в виде планки, плотно вставляющейся в виллообразную вторую половину, скрепленную деревянным шпунтом». Т. е. кибита лука состояла из двух половин, соединенных в центре деревянным шпунтом, а место соединения для жесткости закрыто роговыми накладками.

Подобные накладки представлены также в к. 1 Капчалы II в Минусинской котловине (Левашова, 1952, рис. 5,23,24), в к. 4 Тора-Тал-Арты в Туве (Нечаева, 1966, рис. 4,3).

Находка в одном шестом кургане Бобровки II луков первого и второго типов указывает на их частичное синхронное бытование в рамках VIII–IX вв.

Тип 3. С парой срединных боковых накладок. 11 экз. Обнаружены на Аллее в ГVII,4/2 (2 пары от 2 экз.), КП,4, КVIII,3 (Могильников, 2002, рис. 49,11–14; 142,2; 167,7), в Верхнем Прииртышье – Зевакино, к. 38, Орловка 1,1 (Арсланова, 1969, с. 47, 52), Джаргас, 6, Карашат I,9, Акчий III,1 (Трифонов, 1987, с. 21, рис. 64,15, с. 182, рис. 94,10, с. 172, рис. 88,7), Пьяный яр, ограда 1 (Алехин и др., 1991, с. 22), Ахмирово I,7/1 (Суворов, Ткачев, 1995, с. 254, рис. 4,18,20). Накладки полуовальной и трапецевидной с закругленными концами формы длиной 12–14 см, шириной 2,5–3 см со штриховкой на внутренней стороне и у концов для лучшего склеивания с кибитой и берестяной обмоткой (рис. 1: 7–10, 13). Длина лука по кибите в Зевакино, 38, около 1,3 м (Арсланова, 1969, с. 47). Кибита лука из Акчий III,1

была склеена из тонких дощечек и обернута берестой (Трифонов, 1987, с. 172).

Данный тип лука относится к типу тюркских луков, распространившихся у алтайских тюрок в VII–VIII вв. в широком ареале, включавшем Алтай, Туву, Минусинскую котловину, Среднюю Азию, Южный Урал и Приуралье, частично степь и лесостепь Восточной Европы (Худяков, 1986, с. 141, тип. 7; Гаврилова, 1965, с. 87, 88; Плетнева, 1989, с. 69, рис. 32, а; Иванов, 1987, с. 178, 182, 183; Багаутдинов и др., 1998, с. 115, 116, рис. 25,1,5). В сrostкинской культуре Верхнего Приобья луки с парой срединных накладок представлены в Сростках, к. 4 (Савинов, 1998, рис. 4,10), Красноярском, кк. 3/2,5 (Худяков, 1981, с. 121), Восход 1 (Кирюшин, Горбунов, 1998, с. 199, рис. 1, 4), в Новосибирском Приобье – в Красном Яру 1, 10/2 (Троицкая, 1978, с. 104, рис. 3,23).

Кроме того, в к. 5 Сросток центральные боковые накладки сочетались с небольшими плечевыми вкладышами (Савинов, 1998, с. 177, рис. 5,4,5), что указывает на усложнение лука этого типа и вероятности выделения его в отдельный тип 5.

Тип 4. Со срединной фронтальной (тыльной) накладкой. 5 экз. Происходят с северо-западных предгорий Алтая из ГХШ, 5/2 – на Алее (Могильников, 2002, рис. 113,8). Ив. III,1 – на Чарыше (Алехин, 1996, рис. 13), в Верхнем Прииртышье – из Акчий II,2 (Трифонов, 1987, с. 161, рис. 84,4), Ахимово 1,7/2 и 3 (Суворова, Ткачев, 1995, с. 254, 255, рис. 4,17,19).

Роговые или костяные накладки подпрямоугольной формы или с чуть расширенными концами длиной 8–11,3 см, шириной 1,5–2 см, толщиной 0,6–0,8 см, в сечении имеют четыре варианта:

1) трапециевидные – Ахимово I,7/3 (Суворова, Ткачев, 1995, рис. 4,19) (рис. 1: 5) – 1 экз.;

2) в виде сегмента – 2 экз. – Акчий II, I, Г ХШ,15 (рис. 1: 2, 3);

3) в средней части – сегментовидное, у концов трапециевидное – 1 экз. – Ахимово 1,7/2 (рис. 1: 6). Здесь объединены особенности вариантов 1 (у концов) и 2 (в середине);

4) подтреугольно-сегментовидного сечения. – 1 экз. – из Ив. III, I (рис. 1: 4). Фактически это вариация варианта 2.

Отсутствие четкого выработанного стандарта в форме накладок луков типа 4, со срединной фронтальной (тыльной) накладкой, объясняется, вероятно, тем, что данный тип лука распространился сравнительно недавно, сосуществовал с другими типами луков и четкого стандарта в форме этого типа не было. Об этом свидетельствуют различия типов и форм накладок трех луков из к. 7 Ахимово I, который содержал три погребения и две ямы с вещами (кенотафы?) и являлся, очевидно, семейной усыпальницей второй половины X – первой половины XI вв. (Суворова, Ткачев, 1995). В центральном погребении этого кургана находился лук типа 3 с парой боковых срединных накладок (рис. 1: 1). В погребении 2 – лук типа 4 с фронтальной накладкой сегментовидного сечения в центре и трапециевидного – у концов (рис. 1: 6); в погребении 3 – лук с фронтальной накладкой трапециевидного сечения (рис. 1: 5). Отсутствие единого стандарта в форме накладок лука 4 может объясняться также навыками мастера и тем, что форма сечения накладки не имела принципиального значения для боевых качеств лука. Основным ее назначением было обеспечение прочности средней части киби́ты и упругости плеч. При достаточной прочности накладки форма ее сечения существенной роли не играла.

Луки со срединными фронтальными накладками – 4 экз. – представлены в сrostкинской культуре – Иня, п. 3, Сростки (Худяков, 1981, с. 123, рис. 3,17–20). В отличие от луков Верхнего Прииртышья и северо-западных предгорий Алтая накладки здесь единообразны. Они имеют трапециевидное сечение и скошенные концы. Это предопределено происхождением луков типа 4 в сrostкинской культуре от луков типа 2 (с парой боковых срединных и фронтальным трапециевидным в сечении вкладышем). Последний становится более массивным, а боковые накладки утрачиваются. Произошло это, видимо, под влиянием кимаков. Но на Верхнем Иртыше

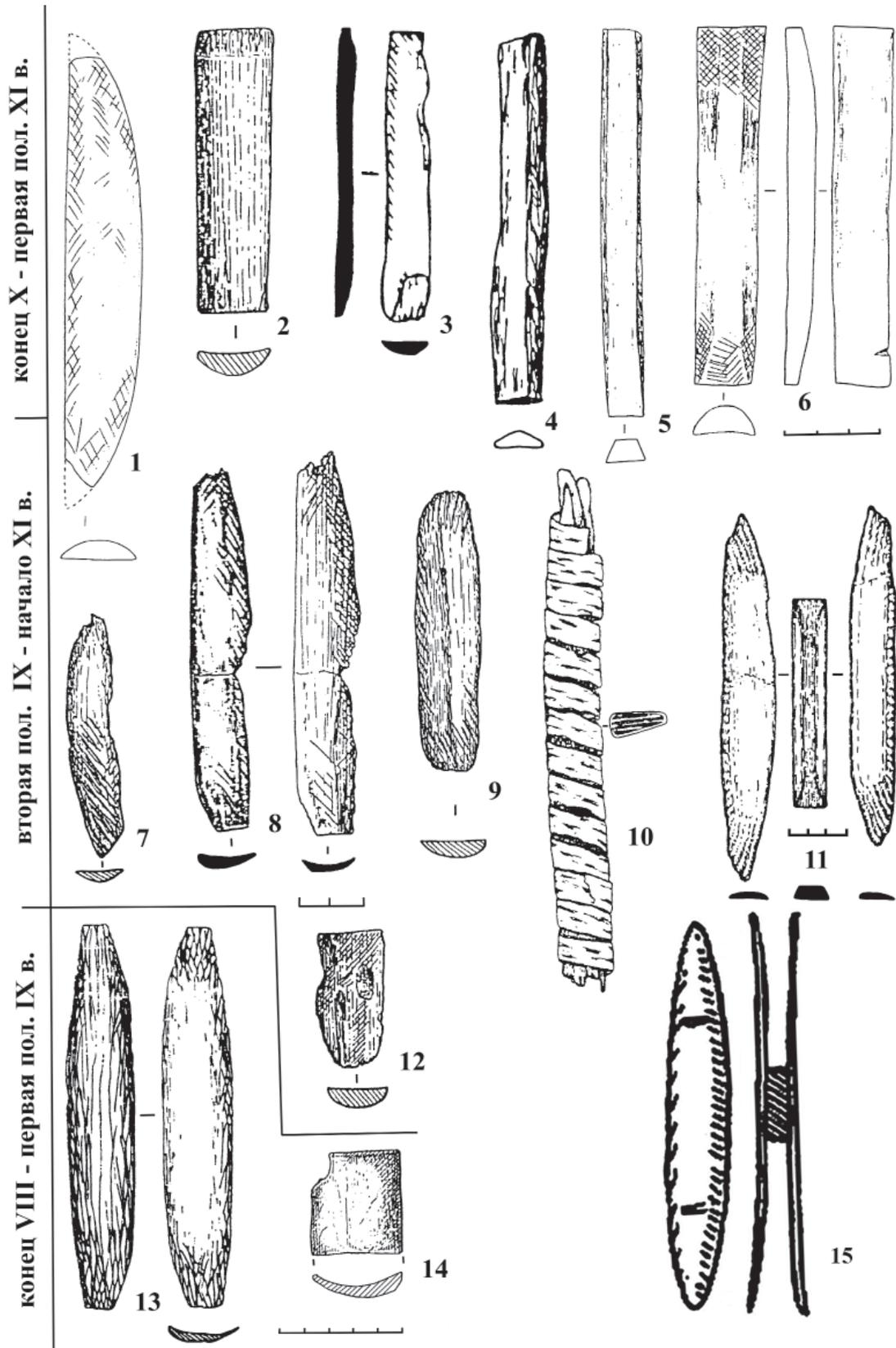

Рис. 1. Роговые накладки луков.

1, 5, 6 – Ахмирово 1, 7 (1 – п. 1, 5 – п. 3, 6 – п. 3); 2 – Гилево XIII, 15/2; 3 – Акчий II, 2;
 4 – Ивановка III, I; 7 – Корболиха VIII, 2; 8 – Гилево VII, 4/2; 9 – Корболиха II, 4; 10 – Акчий III, I (рог
 береста); 11 – Сростки 2; 12 – Гилево XIII, 5; 13 – Орловка, 1; 14 – Гилево V, 6; 15 – Бобровка, 1.
 7–10, 13 – тип 3; 2–6 – тип 4; 11 – тип 2; 15 – тип 1.

и северо-западных предгорьях Алтая ситуация с генезисом лука типа 4 была, вероятно, несколько иной. Находки луков типа 2 здесь единичны (Джаргас, 80) и вряд ли явились исходной формой для луков типа 4. Очевидно, прав Ю.С. Худяков, считающий, что «луки с одной срединной фронтальной накладкой были занесены в земли кимаков из восточных районов Центральной Азии монголоязычными кочевниками» при переселении в Прииртышье племен кумохов и татар (Худяков, 1993, с. 129, 134). Луки со срединными фронтальными накладками во второй половине I тыс. представлены у байэрку в Западном Забайкалье (Худяков, 1991, с. 27, тип 4, рис. 10, 12, 13, 15). Концы накладок здесь чуть расширены, что предвосхищает появление в будущем лука монгольского типа с центральной веслообразной накладкой. В сечении накладки байэрку сегментовидные, что сближает их с кимакскими и отличает от трапециевидных сrostкинских из Верхнего Приобья, сохранивших прежнюю форму трапециевидного срединного тыльного вкладыша. От кимаков луки типа 4 с одной фронтальной накладкой в начале II тыс. распространились к северу, в Барабу и в южно-таежное Прииртышье – Кип, к. 3, Ильчибага, городище Кипо-Кулары X–XII вв. (Конинов, 1987, рис. 3,11; Соловьев, 1987, с. 23, рис. 2,6). В середине XI в. вместе с кыпчаками луки этого типа появились в Подонье, где накладки от них найдены на городище и некрополе Саркела (Флерова, 2001, с. 46, рис. 8,6,7; 9,5,6).

Тип 5. С короткими боковыми плечевыми накладками. 2 экз. Происходят из ингумаций с чучелом коня ГV,6 и с конем ГXIII,5 (Могильников, 2002, рис. 25,12; 109,17). Накладки подпрямоугольной и с закругленной с одного конца формы соответственно размером 3,2×2,8 и 4×2 см, в сечении дуговидной и сегментовидной формы (рис. 1: 12, 14). Находились в ограбленных захоронениях в перемещенном виде по 1 экз., и вероятно, кроме них, были еще накладки, которые не сохранились. Сразу оговоримся, полной уверенности, что накладка из ГV,6 (Могильников, 2002, рис. 25,12) происходит от лука, нет.

Подобные накладки встречены в Сrostках, к. 5 (раск. М.Н. Комаровой) (2 экз.) и к. 1 (раск. С.М. Сергеева) (1 экз.). В первом случае они находились в комплексе с парой срединных боковых накладок, во втором – с двумя боковыми срединными и фронтальной (Савинов, 1998, с. 168, 169, рис. 5,4,5; 7,2). Подобная составная плечевая накладка встречена в Барабе в Базово – 1,1/2, также в сочетании с двумя срединными боковыми и фронтальной накладками (Бараба..., 1988, с. 82–83, рис. 37,1–4). Находки в сrostкинских памятниках коротких плечевых составных накладок в сочетаниях со срединными боковыми (лук типа 3) и срединными боковыми и фронтальной (лук типа 2 – 2 экз.) являются, очевидно, показателем попыток увеличить рефлектирующую силу лука под воздействием внешних образцов, привнесенных в связи с миграциями монголо-язычного населения во второй половине X – начале XI вв. Луки с подобными короткими плечевыми накладками имелись в конце I тыс. у байэрку в Западном Забайкалье (Худяков, 1991, с. 27, тип 6, рис. 10,16–20). В ходе передвижений монголоязычных племен в период экспансии киданей на запад луки с такими накладками могли попасть к кочевникам Верхнего Прииртышья, СЗ предгорий Алтая и сrostкинской культуры Верхнего Приобья и Барабы, предпринявшим попытки усовершенствования распространенных у них типов луков.

Помимо упомянутых, накладки луков обнаружены в ингумациях с конем Пролетарки I,1 и Кондратьевки IV,2/1, но их тип Ю.П. Алехин не указал (Алехин и др., 1991, с. 23; 1998, с. 201). При рассмотрении типов луков кимаков Верхнего Прииртышья и степных северо-западных предгорий Алтая обращают на себя внимание различия в их представительности и хронологии. Доминировали луки с парой боковых срединных накладок (11 экз.), что превышает учтенное количество луков всех остальных типов (10 экз.). Это луки «тюркского типа», генетически восходящие к «катандинским» лукам VII–VIII вв. Такие луки, типа 3 (рис. 1: 1, 7–10), использовались на протяжении всего рассматриваемого нами

периода. Ранний экземпляр встречен в погребении VIII–IX вв. Орловки 1,1 (Арсланова, 1969, табл. 1), поздний – во второй половине X – первой половине XI вв. – в Ахмирово I,7/1 (Суворова, Ткачев, 1995, рис. 4,20). Это является показателем устойчивости тюркской традиции.

Лук типа 1 с парой центральных боковых и парой концевых (с одного конца) накладок, представленный 1 экз. в Орловке 1,1 VIII–IX вв. вместе с луком типа 3 со срединными боковыми накладками (Арсланова, 1969, с. 52), являлся репликой луков кудыргинского типа VI–VII вв. и в рассматриваемом регионе после VIII–IX вв., вероятно, не употреблялся.

Надо полагать, редкими были луки типа 2 с парой срединных и фронтальной накладками. Фрагменты этих накладок, как отмечено, обнаружены только в одном погребении с кремацией с несожженным инвентарем Джарта-с, 80 (Трифонов, 1987, с. 128, рис. 64,23,24), которое по комплексу инвентаря (короткие гладкие и орнаментированные наконечники ремней, луницевидные накладки, полуовальные бляхи оправы, пряжки с овальной рамкой без приостренного носика) (Трифонов, 1987, рис. 64), сохраняющего катандинские и раннесросткинские черты, можно датировать второй половиной IX – началом X вв. Наиболее вероятно здесь связь с луками уйгуров и сросткинской культурой, в которой присутствует уйгурский элемент (Гаврилова, 1965, с. 72; Савинов, 1998, рис. 8,13; Худяков, 1986, с. 170–171, рис. 75).

Луки типа 4 с одной фронтальной (тыльной) накладкой (рис. 1: 2–6) по численности – 5 экз. – следуют за луками типа 3, с парой срединных накладок. В отличие от последних все они происходят из поздних погребений X, скорее второй половины X – первой половины XI вв. Они обнаружены в комплексах с орнаментированными бляхами, пряжками с приостренным носиком и выделенной рамкой приемника, 8-видными удилами с ложновитыми стержнями и железными S-видными псалями, стремянами арочной формы со спрямленной подножкой, 8-видными, и с петель в невыделенной пластине, свойствен-

ных указанному времени (Алехин, 1996, с. 60–64, рис. 12–14; Могильников, 2002, рис. 113,2–4,8,9; Суворова, Ткачев, 1995, рис. 3–5). Такая датировка согласуется с концепцией о восприятии луков этого типа от монголоязычных племен в период их миграции на запад, отмеченной выше. По справедливому замечанию Ю.С. Худякова, выделившего 4 экз. луков с фронтальной накладкой в сросткинских памятниках Верхнего Приобья, «лук последнего типа отличается от луков монгольского времени только меньшими размерами и очертаниями фронтальной накладки» (Худяков, 1986, с. 181, 182). Сосуществуя с луками с парой срединных боковых накладок, луки с одной фронтальной накладкой, очевидно, стали получать все большее распространение ввиду большей простоты их конструкции и, вероятно, не меньшей эффективности.

Луки типа 5, с короткими составными плечевыми накладками (рис. 1: 12, 14), как указано, также восходят к монгольским прототипам. Они также обнаружены в поздних погребениях второй половины X – первой половины XI вв. Это ГХIII,5 на Алее (Могильников, 2002, рис. 104–109). Относительно ранним, конца VIII–IX вв., скорее первой половины IX в., является погребение с чучелом коня ГV,6 (Могильников, 2002, с. 18, рис. 25). Правда, полной уверенности в том, что костяная накладка в этом погребении происходит от лука, у нас нет.

Луки из Сросток, кк. 5, 1, у которых подобные накладки сочетаются соответственно с парой срединных боковых и фронтальным вкладышем (Савинов, 1998, рис. 5,4,5; 7,2), тоже поздние в рамках второй половины X – первой половины XI вв. Они идут в комплексах с костяными пряжками с приостренным носиком, трехлопастными, трех- и четырехгранными бронебойными и плоскими вытянуто-ромбическими наконечниками стрел, крюками на кольце, удилами с кольчатыми псалями (Савинов, 1998, рис. 5,7), что присуще указанному периоду. Д.Г. Савинов (Савинов, 1998, с. 170) считает комплекс вещей из погребений, раскопанных М.Н. Комаровой и С.М. Сергеевым в Сростках, эталонным

для североалтайского варианта сrostкинской культуры и датирует его «от середины XI до начала XI вв. н. э.», скорее всего «вторая половина этого периода». Последнее представляется наиболее вероятным.

Луки с короткими фронтальными плечевыми вкладышами просуществовали до монгольского времени (Худяков, 1991, с. 101–102, рис. 50,5; 52,4, тип 4), но широкого распространения не получили, вероятно ввиду сложности в изготовлении, не компенсировавшейся в полной мере достаточной эффективностью.

Таким образом, можно считать, что основной формой лука у кочевников Верхнего Прииртышья и северо-западных предгорий Алтая в IX – начале XI вв. был лук «тюркского типа» с парой срединных боковых накладок. С середины X – в первой половине XI вв. распространяются параллельно с уже существующими «тюркскими» луки «монгольского» типа с одной срединной фронтальной накладкой, которые стали господствующими в предмонгольское и монгольское время. Другие типы луков здесь, по-видимому, большого значения не имели.

В свете сказанного мы не склонны преувеличивать множественность форм лука кимаков как показатель поиска оптимальной модели этого вида оружия, как это констатирует Ю.С. Худяков (Худяков, 1986, с. 181, 182; 1993, с. 128, 129). В значительной мере разные типы существовали в различное время.

Сrostкинское население Верхнего Приобья отличало от кимаков Верхнего Прииртышья и северо-западных предгорий Алтая

соотношение луков различных типов при общем незначительном преобладании луков тюркского типа. Выше уже отмечена большая доля в Верхнем Приобье луков со срединными боковыми и центральной накладкой-вкладышем. Устойчивое трапециевидное сечение последнего обусловило аналогичное сечение накладки у луков с одной фронтальной накладкой в Верхнем Приобье X–XI вв.

Кроме того, в памятниках сrostкинской культуры Чулым II,28/1 в Барабе, BEVIII,1/5, Сrostки в Верхнем Приобье (Бараба..., 1988, с. 45, рис. 23,6; Грязнов, 1956, с. 146; Худяков, 1993, с. 128, тип 1, рис. 14,1–3) встречены луки с концевыми, срединными боковыми и срединной фронтальной накладками. Срединные боковые накладки полуовальной формы со скошенными концами, фронтальная – узкая, слегка расширяющаяся к концам. Концевые боковые накладки длинные, узкие, с арочным вырезом-ушком. Этот тип луков сохраняет традиции конструкции лука хуннского типа. В Верхнем Прииртышье и степных северо-западных предгорьях Алтая они не обнаружены. Большее разнообразие типов луков у населения сrostкинской культуры Верхнего Приобья по сравнению с кимаками, где преобладали луки двух типов – «тюркские», с центральными боковыми накладками, существовавшие на протяжении всего рассматриваемого периода, и «монгольские», с фронтальной центральной накладкой, в X – первой половине XI вв. объясняется более длительным переживанием архаичных форм при одновременном восприятии инноваций.

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

Наконечники стрел являются наиболее массовой категорией инвентаря. По материалу изготовления распадаются на два класса: железные и костяные. Железные наконечники стрел абсолютно преобладают и относятся к одному отделу – черешковых. Костяные наконечники стрел единичны, но подразделяются на два отдела – втульчатых и черешковых.

Ввиду разграбленности большинства погребений и разрушения железа коррозией установить точно количество стрел, поло-

женных в могилы, в преобладающем числе случаев невозможно. На представительность исследуемого материала влияет также степень информативности публикаций, в которых не всегда указывается количество встреченных вещей. Принимая во внимание разнообразие погребений с кремациями и ингумациями, мы рассматриваем наконечники стрел из погребений с трупосождениями и трупоположениями отдельно. Всего в рассматриваемом регионе в погребениях с ингума-

циями нами учтено 412 железных наконечников стрел, в том числе 142 – в Верхнем Прииртышье, 184 – на Алее, 28 – в междуречье Алея и Чарыша.

При этом данные по Верхнему Прииртышью страдают в большей мере неполнотой, поскольку публикации по целому ряду памятников носят предварительный характер, а наиболее исчерпывающую информацию содержит работа Ю.И. Трифонова с соавторами по памятникам зоны Шульбинской ГЭС (Трифонов, 1987).

Костяные наконечники стрел применялись редко, а в качестве боевых, видимо, вообще не использовались. Учтено 4 экз. на верхнем Алее. Из них один втульчатый происходит из погребения молодой женщины ГХIII,5, где он находился в комплексе с двумя железными наконечниками стрел (Могильников, 2002, рис. 111,1–3). Три трехгранных черешковых наконечника стрел плохой сохранности встречены в коллективном захоронении мужчины с двумя подростками ГП,3, они относились, очевидно, к экипировке северного подростка, поскольку лежали у его левой тазовой кости, тогда как с мужчиной связаны находившиеся в этом же погребении железные наконечники стрел (Могильников, 2002, рис. 7,1–8).

Единичные крупные втульчатые костяные наконечники стрел встречены в древнетюркских погребениях Саяно-Алтая IX–X вв.: Курай IV,2, Даг-Аразы II,14 (Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 62; Овчинникова, 1990, с. 75, рис. 12, тип 13,14; Худяков, 1986, с. 147). Черешковые костяные наконечники стрел также единично встречены у древних тюрок (Кокэль, к. 23), у уйгуров (Чааты 1) и в значительном количестве представлены в памятниках сrostкинской культуры Верхнего Приобья и Барабы (Бараба..., 1988, рис. 3,2,3; 4,4; 17, 9,14,15; 23,11; 29,7,8; 30,1,2; Вайнштейн, 1966, с. 303; Кызласов, 1969, рис. 25,7; 1979а, рис. 130,1; Худяков, 1986, с. 147, 186–188, рис. 83). В последнем случае обилие костяных наконечников стрел у сrostкинцев является наследием самодийского субстрата,

а господство железных наконечников стрел восходит к комплексу вооружения тюрок.

Наличие костяных наконечников стрел только в инвентаре женщин и подростка, скорее всего, объясняется тем, что стрелы с костяными наконечниками мужчинами-воинами обычно не употреблялись. Отнесенные Ю.С. Худяковым к вооружению кимаков костяные наконечники стрел происходят из погребений тюркизируемого угро-самодийского населения сrostкинской культуры Верхнего Приобья и Барабинской лесостепи и восходят к традициям комплекса вооружения местного угро-самодийского субстрата одинцовской и потчевашской культур, где стрелы с костяными наконечниками преобладали, а не к кимакам или тюркам Горного Алтая, где они были единичны (Худяков, 1986, с. 186–188, рис. 83).

При классификации наконечников стрел мы следуем схеме, разработанной для анализа этой категории вещей Ю.С. Худяковым, что позволяет проводить сопоставление материала (Худяков, 1986).

Остановимся на анализе **наконечников стрел из погребений с ингумациями**.

Все железные наконечники стрел, как отмечено, относятся к отделу черешковых. По сечению они делятся на группы, а по форме очертаний пера – на типы. Выделяется 10 групп железных наконечников стрел, в свою очередь разделяющихся на типы (табл. 1).

Группа I. Трехлопастные наконечники. 9 типов. 243 экз., 57,5% от общего количества железных наконечников стрел. В их числе 67 экз. из Верхнего Прииртышья, 125 – с верхнего Алея, 51 – с междуречья Алея и Чарыша.

Тип 1. Удлиненно-ромбические. 96 экз., в т. ч. из памятников Верхнего Прииртышья – 14: Карашат I,15 (9)¹; Когалы I,10/2 (1); Кызыл-Ту, 6 (2); Ахмирово I,7/1 (1); Ахмирово II,2 (1); из курганов на верхнем Алее – 42 экз.: ГП,5 (1); ГIV,1 (2); ГV,5 (9); ГVI,5 (3); ГVII,1 (2); ГVII,4/2, ск. 1 (1); ГVII,4/2, ск. 2 (3); ГVII,9 (1); ГХII,1 (2); ГХII,2 (2); ГХII,4/1 (2); ГХIII,5 (1); КII,4 (1); КX,7 (5); КX,8 (2); П,2 (1); П,3 (2); КурI,1 (2); из междуречья Алея и Чарыша –

¹Здесь и далее цифры в скобках указывают количество наконечников стрел этого типа в данном комплексе.

40 экз.: Белый Камень I,1 (14); там же, к. 2 (2); Ив III,1 (10); Ив XX,1 (1); Новофирсово VII,1 (8); Шепчиха I,3 (5). Имеют остроугольное острие, узкие лопасти и покатые плечики (рис. 2: 1, 2; 3: 10; 5: 10). Длина пера 3,5–4,5 см, ширина 1,4–2 см, длина черешка 2–3 см.

Тип 2. Асимметрично-ромбические. 40 экз., в т. ч. из памятников Верхнего Прииртышья – 9: Ахмирово I,7/1 (4); Кызыл-Ту, 6 (5); верхнего Алея – 30: ГII,3 (6); ГIII,5 (2); GXIII,1 (1); GXIII,5 (1); GXIII,15 (2); KVIII,4 (13); KX,4 (2); KX,7 (3); из междуречья Алея и Чарыша – 1: ИвIII,1 (1). Наконечники с остроугольным острием, широкими лопастями с пологими плечиками. Длина пера 4–5 см, ширина 1,5–2 см, длина черешка 2,5–3 см (рис. 2: 9–11, 13; 3: 4; 4: 19).

Тип 3. Треугольные. 23 экз., в т. ч. из памятников Верхнего Прииртышья – 2: Когалы 1,2 (1); Кызыл-Ту, 6 (1); верхнего Алея – 15: GVII,1 (2); GVII,4/2, ск. 1 (2); GVII,4/2, ск. 2 (1); GVII,9 (1); GXIII,5 (4); GXIII,6 (1); KVIII,3 (1); III,3 (2); из междуречья Алея и Чарыша – 6: Белый Камень 1,2 (2); ИвIII,1 (4). Наконечники с остроугольным острием, узкими лопастями, прямыми или несколько скошенными плечиками. Длина пера 4–5 см, ширина 2–2,3 см; длина черешка около 3 см (рис. 2: 3, 20; 4: 22–29).

Тип 4. Удлиненно-пятиугольные. 8 экз., в т. ч. из памятников Верхнего Прииртышья – 2: Ахмирово I,7,1 (1); Ахмирово II,2 (1); верхнего Алея – 6 экз.: ГIII,5 (1); GVII,4/2, ск. I (2); GXIV,1 (1); III,2 (1). Наконечники с остроугольным острием, узкие или достаточно широкие лопасти, почти перпендикулярно срезанные к черешку. Длина пера 4,3–5 см, ширина 1,3–1,8 см, длина черешка 2–3 см. Выделяется массивный широкий наконечник из III,2 с длиной пера 5 см, шириной 3 см, с черешком длиной 6,5 см с круглыми отверстиями в лопастях (Могильников, 2002, рис. 197,1), а также наконечник из Ахмирово II,2 с круглыми и полулунными прорезями в широких лопастях (рис. 5: 3) (Ткачев, Ткачева, 1998, рис. 4,6).

Тип 5. Удлиненно-шестиугольные. 9 экз., в т. ч. из памятников Верхнего Прииртышья

6 экз.: Ахмирово I,7/1 (2); Ахмирово II,2 (1); Карашат I,15 (1); Карашат I,26 (2); верхнего Алея – 3 экз.: GVII,1 (2); GXIV,1 (1). Длина пера 5,1–5,4 см, ширина 2,5–2,7 см, длина черешка 5–5,3 см. Наконечники с остроугольным острием, узкими трапециевидными лопастями и покатыми плечиками. Наконечник из GXIV,1 был снабжен костяным свистунком с прямоугольными прорезями (рис. 3: 13, 19; 5: 4, 11) (Могильников, 2002, рис. 116,5; Суворова, Ткачев, 1995, рис. 2,11,14; Ткачев, Ткачева, 1999, рис. 4,4; Трифонов, 1987, рис. 97,12; 105,1,2).

Тип 6. Боеголовковые. 17 экз., в т. ч. из Верхнего Прииртышья – 2: Кызыл-Ту, 6 (2); верхнего Алея – 13: GVII,4/2, ск. 1 (2); GVII,4/2, центр (9); GXIII,5 (1); KVIII,3 (1); междуречья Алея и Чарыша – 2: Шепчиха 1,3 (2). Остроугольная боевая головка с пологими плечиками и удлиненной круглой шейкой. Длина пера около 3,5 см, ширина 1,3 см, длина черешка – 3 см (рис. 2: 3; 3: 18, 22, 23) (Плотников, 1981б, с. 113, 114, рис. 9,10; Могильников, 2002, рис. 45,6,8; 49,2–9; 109,6; 167,10; Тишкин, 1993а, рис. 2,3,9).

Тип 7. Крыловидные. 6 экз., в т. ч. из Верхнего Прииртышья – 1: Карашат I,15 (1); с верхнего Алея – 5: GVII,4/2, ск. 2 (1); GXII,1 (1); GXIII,5 (3). Наконечники с удлиненным острием, выступающими крыльями и округлыми плечиками. Длина пера 6–7 см, ширина 2,3–3 см, длина черешка 3 см (рис. 3: 1–3, 9) (Могильников, 2002, рис. 46,1; 82,1 109,1–3; Трифонов, 1987, рис. 97,1).

Тип 8. Листовидные. 13 экз., в т. ч. из Верхнего Прииртышья – 5: Ахмирово I,7/1 (5); с верхнего Алея – 6: GV,6 (6); междуречья Алея и Чарыша – 2: Ив III,1 (2). По очертаниям пера данный тип наконечников сближается с вытянуто-ромбическими, но имеет скругленные углы ребер. Длина пера 6 см, ширина 2,5 см, длина черешка 5 см (Алехин, 1996, рис. 13), два наконечника из Ахмирово I,7 имели круглые отверстия в лопастях (рис. 2: 17–19, 21, 22; 5: 1, 2) (Суворова, Ткачев, 1995, рис. 2,1–4,12; Могильников, 2002, рис. 25,1–6).

Тип 9. С остроугольным острием и вогнутыми лопастями. 6 экз. в т. ч. из Верхнего

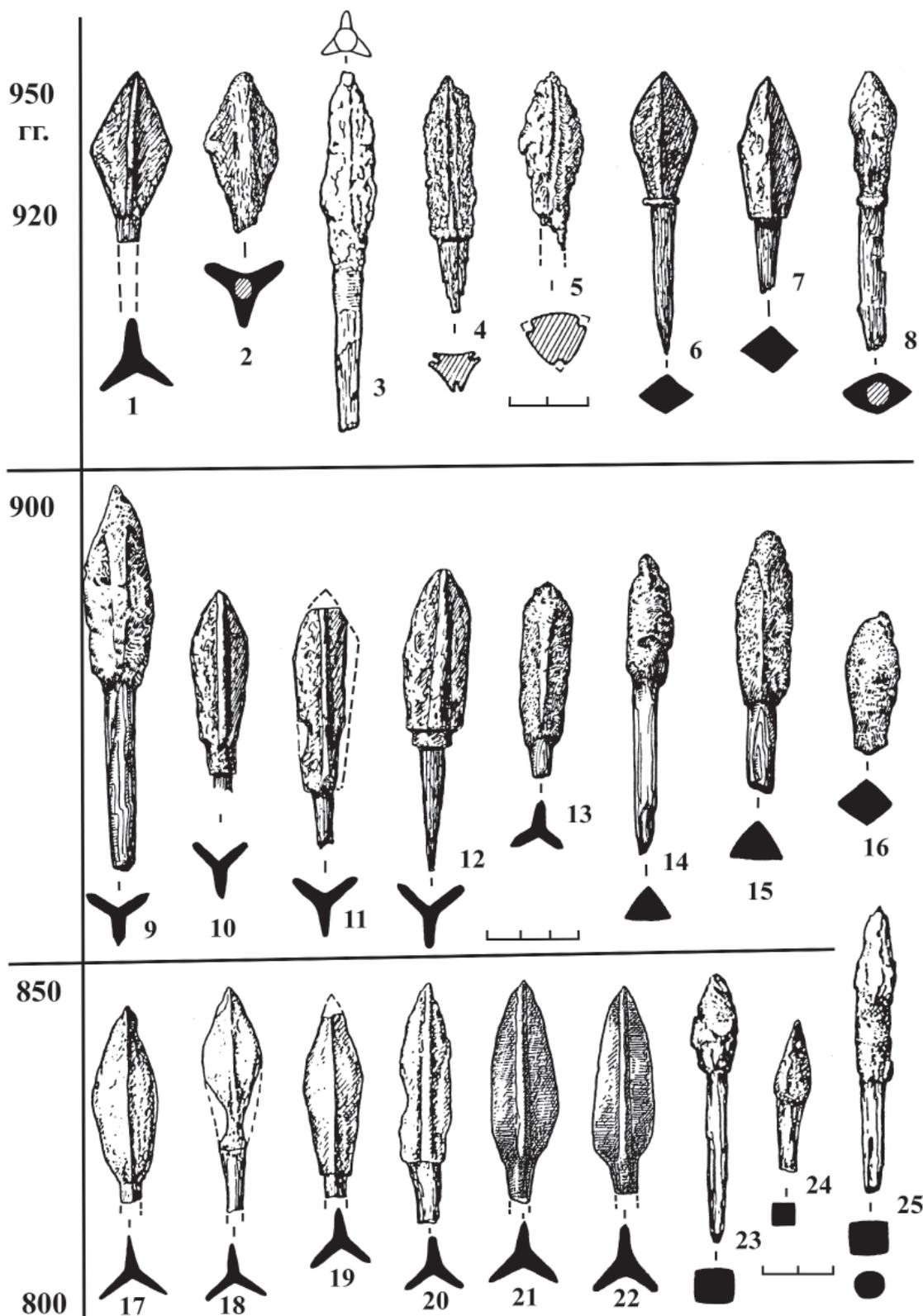
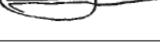
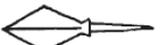
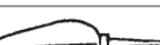
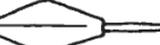
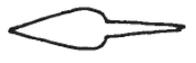
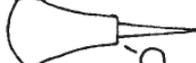

Рис. 2. Наконечники стрел из курганов с ингумациями на верхнем Алее IX – первой половины X вв.
 1, 2, 6–8 – Гилево VI, 5; 3 – Кураевка 1; 4, 5 – Гилево IX, 18; 9, 13–16 – ГШ, 3; 10–12 – Гилево III,
 5; 17–20, 23–25 – Гилево V, 5; 21, 22 – Гилево V, 6. 9, 13–16 – погребения с уздечкой без коня;
 17–25 – погребения с головой и конечностями коня; остальные из захоронений с конем.
 Все железо. 1–25 – по Могильников, 2002.

Таблица 1. Классификация железных наконечников стрел из ингумаций

Группа	Типы	Размер	Кол-во	Местонахождение
I 	1 	5×1,5×3	96	Прииртышье (14), Алей (42), Чарыш (40)
	2 	4×1,5×2	40	Прииртышье (9), Алей (30), Чарыш (1)
	3 	5,5×2,3×3	23	Прииртышье (2), Алей (15), Чарыш (6)
	4 	4,4×1,5×3	8	Прииртышье (2), Алей (6)
	5 	5×2,5×5	9	Прииртышье (6), Алей (3)
	6 	3,5×1,3×3	17	Прииртышье (2), Алей (13), Чарыш (2)
	7 	7×3×3	6	Прииртышье (1), Алей (5)
	8 	6×2,5×5	13	Прииртышье (5), Алей (6), Чарыш (2)
	9 	7×2,5×5	6	Прииртышье (1), Алей (5)
II 	1 	4,5×1,5×3	12	Прииртышье (5), Алей (7)
III 	1 	3,5×1,3×4	24	Прииртышье (8), Алей (14), Чарыш (2)
	2 	3×2×4	46	Прииртышье (18), Алей (7), Чарыш (21)
	3 	3×1,3×3	31	Прииртышье (18), Алей (7), Чарыш (6)
	4 	3,3×1,5×4	16	Прииртышье (10), Алей (3), Чарыш (3)
IV 	1 	3,5×1,5×3,7	7	Прииртышье (3), Алей (3), Чарыш (1)
	2 	3,5×1×3,7	3	Прииртышье (2), Алей (1)
	3 	6×1×6	2	Прииртышье (2)
	4 	5×1,5×4	1	Прииртышье (1)

V 	1		3×1,4×5	1	Алей (1)
	2		3×1,1×3,4	3	Алей (3)
	3		2,5×1,2×2,2	1	Алей (1)
	4		4×1,1×4	1	Алей (1)
VI 	1		4,5×1×4,5	2	Прииртышье (1), Алей (1)
VII 	1		4×1×3	1	Алей (1)
VIII 	1		6×2, 3×3	7	Алей (6), Чарыш (1)
	2		7,5×2,8×8	8	Прииртышье (7), Алей (1)
	3		4,3×1,3×2	1	Алей (1)
	4		4,3×2,4×4,7	1	Алей (1)
	5		6,5×3×7	4	Прииртышье (1), Чарыш (3)
	6		3,5×4,2×7	2	Прииртышье (2)
IX 	1		4,2×2,3×4	1	Алей (1, Барчиха)
X 	1		4×1,2×4	1	Прииртышье (1, Орловка, 1)

Размеры указаны в см. усредненные. Цифры в скобках указывают количество экземпляров. Чарыш включает памятники междуречья Алея и Чарыша, Иртыш – Верхнего Прииртышья, Алей – Верхнего Алея.

Прииртышья – 1: Ахмирово II,2 (1); верхнего Алея – 5: GXIII,5 (1); III,3 (2); Кур,1 (2). По вогнутости лопасти напоминают наконечники стрел тюхтятской культуры (Кызласов, 1969, рис. 37). Длина пера 7 см, ширина 2,3–2,5 см, длина черешка 5 см (рис. 3: 5; 5: 5, 13) (Могильников, 2002, рис. 109,15; 200,3,4; 206,2,6; Ткачев, Ткачева, 1999, рис. 4,5). У двух экземпляров в лопастях имелись следы круглых отверстий.

Помимо перечисленных, 20 трехлопастных наконечников стрел, широко- и узколопастных, происходят из Зевакино, 38, 39, и Орловки 1 (Арсланова, 1969, с. 53), но типы их из-за отсутствия рисунков неопределимы.

Группа II. Трехгранно-лопастные наконечники. 12 экз. (2,9%), один тип.

Тип 1. 12 экз., в т. ч. из Верхнего Прииртышья – 5: Ахмирово II, 2 (1); Измайловка, 14/1 (1); Карашат, 26А,1 (1); Когалы, 1 (1); Кондратьевка IV,2 (1); верхнего Алея – 7: GVII,4/2 (2); GXIII,5 (1); KIII,2 (2); KV,1 (2). Боеголовковые, с монолитной трехгранной головкой, разделяющейся на три лопасти, с выемками между ними и удлиненной круглой шейкой. Длина пера 4,5 см, ширина 1,5 см, длина черешка 2,8–3 см (рис. 4: 14; 5: 6, 8) (Могильников, 2002, рис. 49,2,7; 109,10; 147,1,2; 155,2,3; Ткачев, Ткачева, 1999, рис. 4,2,3; Трифонов, 1987, рис. 73,1; 105,38; 116,12).

Группа III. Трехгранные наконечники. 4 типа. 117 экз. (28,3%), в т. ч. из Верхнего Прииртышья – 54 экз., верхнего Алея – 31, междуречья Алея и Чарыша – 32.

Тип 1. Вытянуто-ромбические. 24 экз., в т. ч. из памятников Верхнего Прииртышья – 8: Белокаменка 1 (1); Зевакино (4); Карашат, 26А (1); Когалы 1,2 (1); Орловка 1 (1); верхнего Алея – 14 экз.: GVII,4/2, ск. 2 (1); GIX,18 (1); GXII,1 (1); GXII,2 (2); GXII,4/1 (1); GXIII,5 (1); GXIII,15 (2); GXIV,1 (1); KVIII,3 (1); KX,5 (3); среднего Алея – 2: Барчиха, 1 (2). Наконечники с остроугольным острием и ровными покатыми плечиками. Длина пера около 3,5 см, ширина 1,3 см, длина черешка 3–4 см (рис. 2: 5, 14; 3: 6, 14, 21) (Арсланова, 1969, с. 45, 47, табл. 1; Трифонов, 1987, рис. 74,2; 105,17; Могильников, 2002, рис. 46,7; 75,2; 82,4; 86,1,2;

91,8; 109,11; 113,4,5; 120,6; 167,11; 188,1–3; Телегин, 1998, рис. 1).

Тип 2. Асимметрично-ромбические. 46 экз., в т. ч. из Верхнего Прииртышья – 18: Джарта, 37 (1); Измайловка, 14/2 (8); Карашат I, к. 15 (3), к. 21/1 (1), к. 21/2 (4); верхнего Алея – 7: GII,3 (3); GIX,18 (1); KVIII,4 (2); KX,8 (1); междуречья Алея и Чарыша – 21: Белый Камень 1,1 (5); ИвIII,1 (5); ИвXX,1 (1); Шепчиха I, к. 1 (2), к. 3 (2), к. 4 (3), к. 6 (1). Наконечники с остроугольным, но более тупым, чем у типа I, острием и ровными покатыми плечиками. Длина пера около 3 см, ширина 2 см, длина черешка 4 см (рис. 2: 4, 15; 3: 20; 4: 12) (Могильников, 2002, рис. 7,5,6; 75,1; 172,4,10; 193,3; Тишкин, 1993а, рис. 1,1,2; 2,1,4; 4,2–4; 6,9; Трифонов, 1987, рис. 66,4; 73,4,5; 97,12–14; 100,9,17–20).

Тип 3. Боеголовковые. 31 экз., в т. ч. из памятников Верхнего Прииртышья – 16: Болокаменка, 1 (1); Измайловка, 14/2 (1); Карашат I, к. 21/1 (1), к. 21/2 (2); Карашат II,3 (1); Когалы 1,2 (5); Ахмирово II,2 (1), Кондратьевка IV,1 (1); верхнего Алея – 7: GVII,4/2, ск. 1 (1); GXIII,4 (1); GXIII,5 (1); GXIV,3 (1); III,2 (3); междуречья Алея и Чарыша – 6: Барчиха 1 (1); Шепчиха 1,3 (5). Наконечники с остроугольной ромбической головкой и удлиненной круглой шейкой. Длина пера 2,3–3,6 см, ширина 1,3 см, длина черешка 3 см (рис. 3: 22; 4: 3, 10, 11) (Могильников, 2002, рис. 45,5; 102,1; 109,9; 120,2; 197,4–6; Телегин, 1998, рис. 1; Трифонов, 1987, рис. 73,7; 74,3; 100,6,21,22; 110,16; 116,8–11). Выделяется малыми размерами трехгранной головки и длинной шейкой с упором наконечник из Ахмирово II,2, рассчитанный на пробивание панциря и раздвижение колец кольчуги (рис. 5: 7) (Ткачев, Ткачева, 1999, рис. 4, 8).

Тип 4. Треугольные. 16 экз., в т. ч. из Верхнего Прииртышья – 10: Измайловка, 14/2 (7); Карашат I,26А (1); Когалы, 10 (2); верхнего Алея – 3: GXII,1 (1); GXIII,5 (1); GXIV,3 (1); междуречья Алея и Чарыша – 3: Белый Камень, 2 (2); Ив.III,1 (1). Наконечники с вытянутой остроугольной головкой и с низкими округленными плечиками с упором у черешка или без него (рис. 4: 13) (Алехин, 1996,

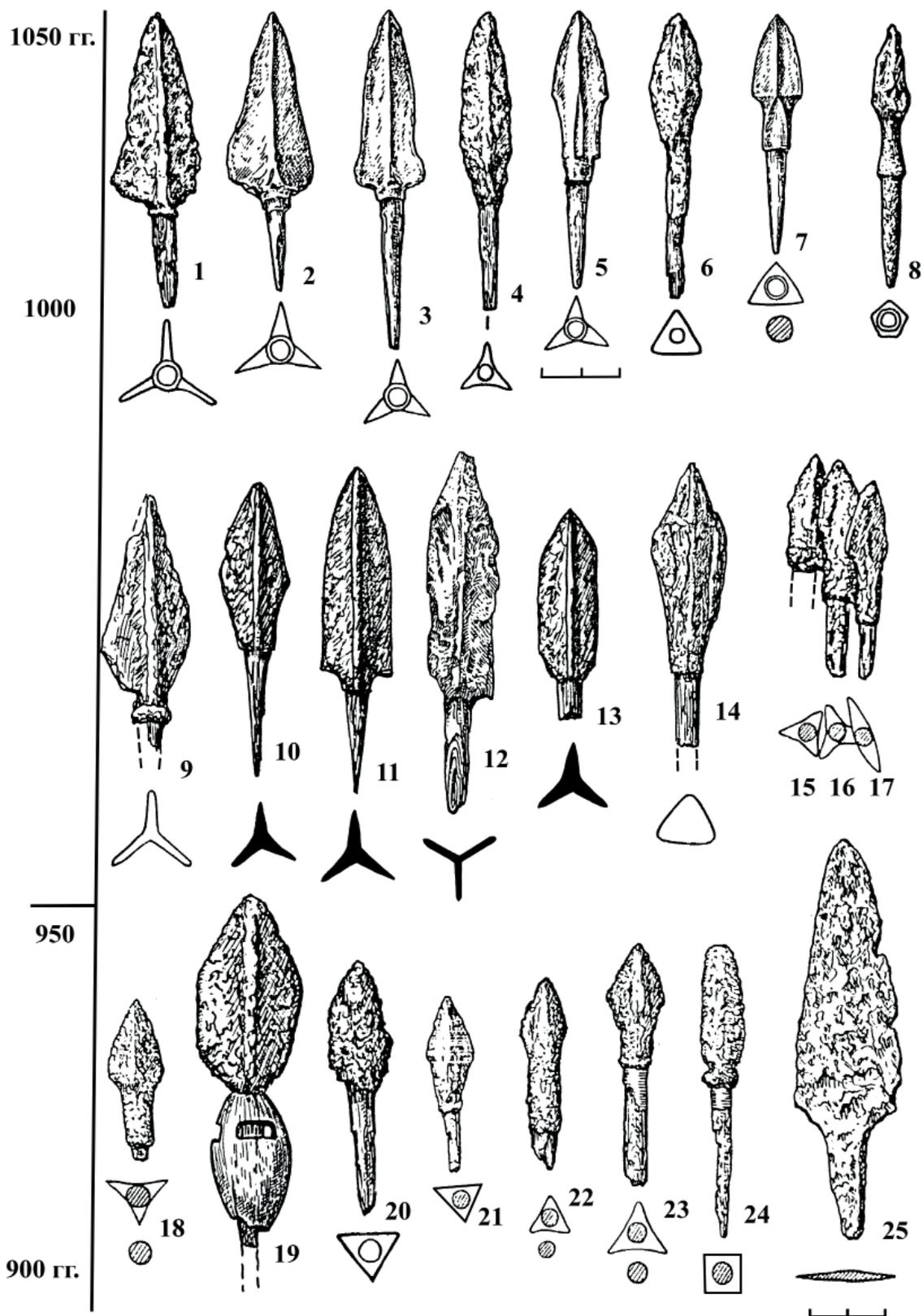

Рис. 3. Наконечники стрел из курганов с ингумациями X – первой половины XI в. на верхнем Алее. 1–8 – Гилево XIII, 5; 9, 14 – Гилево XII, 1; 10, 11, 13 – Гилево VII, 1; 12 – Гилево VII, 9; 15–17, 22, 23 – Гилево VII, 4/2; 18, 21, 24 – Корболиха VIII, 2; 19, 20 – Гилево XIV, 1; 25 – Корболиха IX, 3. Все железо. 1–25 – по Могильников, 2002.

рис. 13; Могильников, 2002, рис. 82,5; 109,7; 120,7; Трифонов, 1987, рис. 73,8–11,13–15; 105,37; 116,13,14; Тишкин, 1993б, рис. 5,3,4). Наконечник из Белого Камня имел костяной свистунок (Тишкин, 1993б, рис. 5,4). Размеры головки около 3,3–3,5×1,5 см, длина черешка 4–6 см.

Группа IV. Четырехгранные наконечники с головкой ромбического сечения. Четыре типа. 13 экз. (3,1%), в т. ч. из Верхнего Прииртышья – 8, верхнего Алея – 4, междуречья Чарыша и Алея – 1.

Тип 1. Вытянуто-ромбические. 7 экз., в т. ч. из Верхнего Прииртышья – 3: Джаргас, 37 (1); Белокаменка 1 (1); Карашат I,23 (1); верхнего Алея – 3: ГП,3 (1); ГVI,5 (2); междуречья Чарыша и Алея – 1: Белый Камень 1 (1). Наконечники с остроугольным острием и ровными покатыми плечиками. Длина пера около 3,5 см, ширина 1,5 см, длина черешка 3,5–3,7 см (рис. 2: 6, 7, 16) (Могильников, 2002, рис. 7,7; 32,4,5; Тишкин, 1993б, рис. 2,10; Трифонов, 1987, рис. 66,6; 74,4; 103,8).

Тип 2. Боеголовковые. 3 экз., в т. ч. из Верхнего Прииртышья – 2: Джаргас, 37 (1); Белокаменка 1 (1); верхнего Алея – 1: ГVI,5 (1). Наконечники с ромбической головкой, остроугольным острием с пологими плечиками и вытянутой круглой шейкой. Длина головки около 3,5 см, ширина 1 см. Длина черешка 3,5–3,7 см. (рис. 4: 4, 8) (Могильников, 2002, рис. 32,6; Трифонов, 1987, рис. 66,5; 74,1).

Тип 3. Шиловидные. Из Верхнего Прииртышья – 2 экз.: Карашат I,21 (1), 26А (1). Наконечники с длинной треугольной головкой, остроугольным острием и почти прямо срезанными плечиками, расположенными под прямым углом к черешку. Длина головки около 6 см, ширина 0,8–1 см, длина черешка 6 см. Наконечники рассчитаны на пробивание панцирей и раздвижение колец кольчуги (рис. 4: 9, 15) (Трифонов, 1987, рис. 100,16; 105,35).

Тип 4. Четырехгранно-лопастные. Из Верхнего Прииртышья 1 экз.: Ахмирово II,2 (1). Наконечник с остроугольной граненой головкой, ребра граней переходят в вогнутые лопасти, отделенные от черешка упором. Длина головки 5 см, ширина 1,5 см, длина черешка

4 см (рис. 5: 8) (Ткачев, Ткачева, 1999, рис. 4,2). Данный тип наконечников сложный в ковке и находит параллель в трехгранно-лопастных наконечниках группы 2, также редких (зафиксировано 12 экз.). Кстати, встречен он в одном комплексе с трехгранно-лопастным наконечником (Ткачев, Ткачева, 1999, рис. 4,2,3). Появление наконечников этих типов вызвано стремлением улучшить баллистические качества трех- и четырехгранных наконечников выделением у них лопастей. Однако ввиду сложности изготовления наконечники этих типов большого распространения не получили.

Группа V. Четырехгранные наконечники с головкой квадратного сечения. Четыре типа. 6 экз. (1,4%) с памятников верхнего Алея.

Тип 1. Вытянуто-ромбические. 1 экз. из ГV,5. Наконечник с остроугольным острием и пологими плечиками. Длина головки 3 см, ширина 1,4 см, длина черешка 5 см (рис. 2: 23) (Могильников, 2002, рис. 23,12).

Тип 2. Боеголовковые. 3 экз. из памятников ГV,5 (1); ГXIII,6 (1); ГXIV,3 (1). Наконечники с остроугольной асимметрично-ромбической головкой и удлиненной округлой шейкой. Длина пера 2,5–3,5 см, ширина 1,1 см, длина черешка 3,4 см (рис. 2: 25) (Могильников, 2002, рис. 23,14; 111,3; 120,9).

Тип 3. Удлиненно-треугольные. 1 экз. из ГV,5. Остроугольная головка с округлыми плечиками. Длина пера 2,5 см, ширина 1,2 см. Длина черешка 2,2 см (рис. 2: 24) (Могильников, 2002, рис. 23,13).

Тип 4. Ланцетовидные. 1 экз. из KVIII,3. Наконечник с вытянуто-треугольным, близким к ланцетовидному пером с упором у основания черешка. Длина пера 4 см, ширина 1,1 см. Длина черешка 4 см (рис. 3: 24) (Могильников, 2002, рис. 167,8).

Наконечники группы 5 с головкой квадратного сечения происходят наполовину (3 экз. из шести) из погребения с чучелами коней ГV,5, которое, наиболее вероятно, относится к концу VIII – середине IX вв. (Могильников, 2002, рис. 23,12–14), а датировка трех других комплексов – ГXIII,6, ГXIV,3, KVIII,3, скорее всего, может быть определена серединой

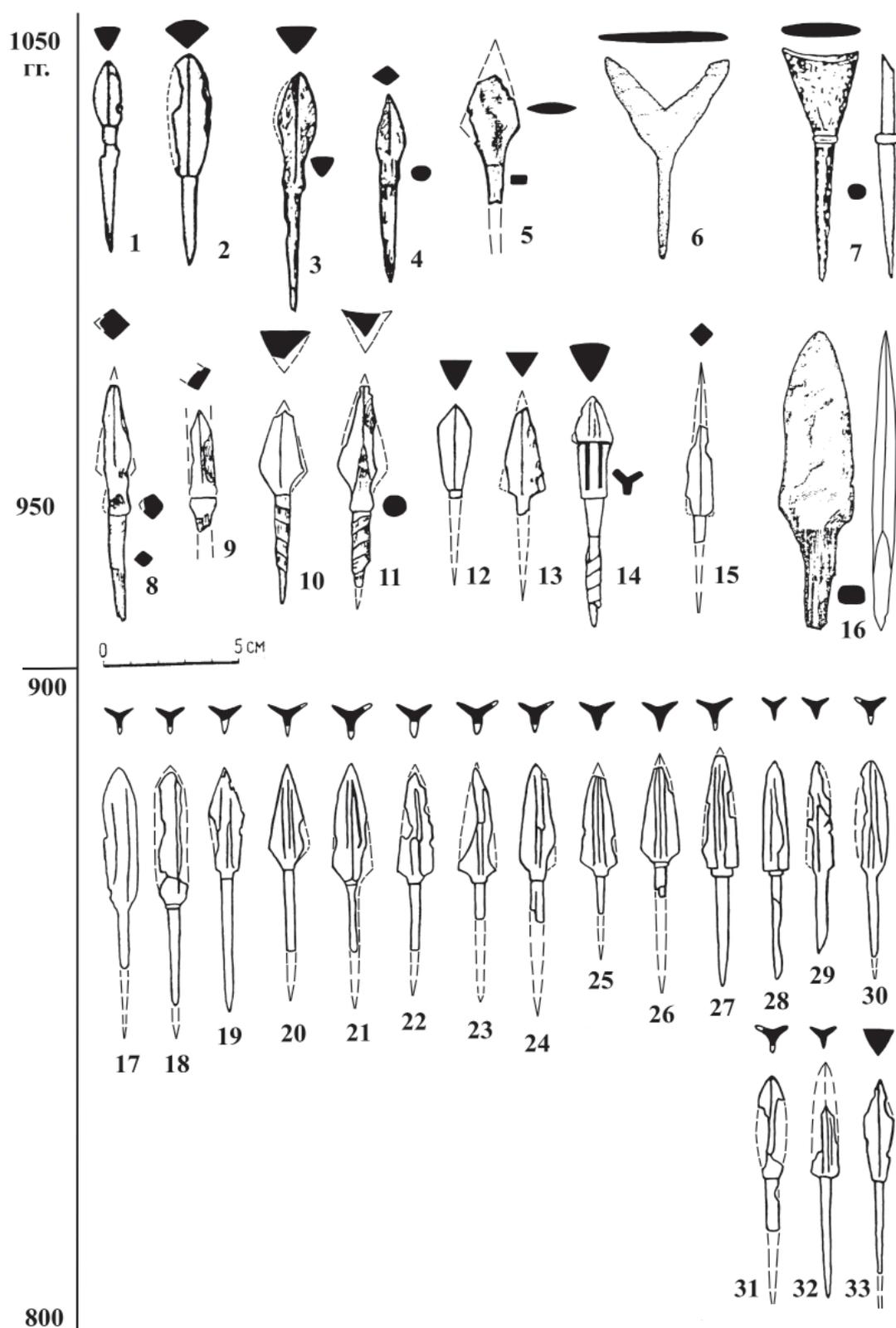

Рис. 4. Наконечники стрел кимаков Верхнего Прииртышья IX – первой половины XI в.
 1, 2 – Акчий III, 2; 2, 4 – Джартас, 37; 5 – Акчий II, 2; 6 – Кызыл-Ту, 6; 7 – Ахмирово I, 7/1;
 8–11 – Белокаменка I, 1; 12–15 – Карашат I, 26А; 16 – Ковалевка; 17–33 – Карашат I, 26;
 34–38 – Орловка I, 1. Все железо. 1–5, 8–33 – по Трифионов, 1987; 6 – по Плотников, 1981а;
 7 – Суворова, Ткачев, 1995; 34–38 – по Арсланова, 1969.

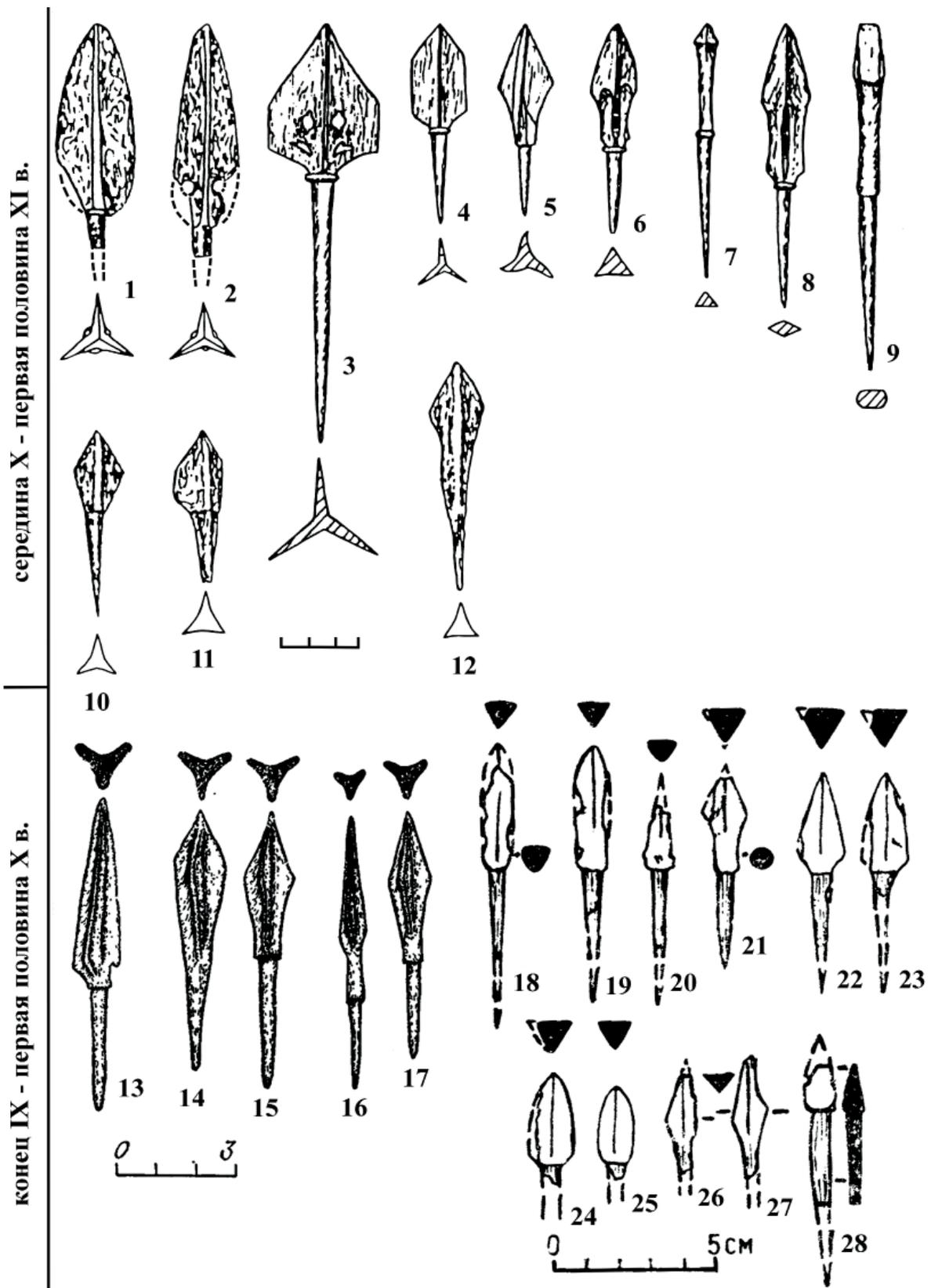

Рис. 5. Наконечники стрел кимаков Верхнего Прииртышья конца IX – первой половины XI в.
 1, 2, 10–12 – Ахмирово I, 7/1; 3–9 – Ахмирово II, 2; 13–17 – Кызыл-Ту, 6; 18–29 – Измайловка, 14/23.
 Все железо. 1, 2, 10–12 – по Суворова, Ткачев, 1995; 3–9 – по Ткачев, Ткачева, 1999; 13–17 – по Плотников, 1981а; 18–29 – по Трифионов, 1987.

IX – первой половиной, серединой X в. В последующее время эти наконечники, видимо, не употреблялись. Использование наконечников этой группы в качестве бронебойных было, очевидно, малоэффективным и вместо них более широко распространяются наконечники группы 4 с головкой ромбического сечения, имеющие, наряду с ударным, более выраженное режущее воздействие за счет острого угла граней, а также наконечники группы 3 с головками треугольного сечения.

Группа VI. С долотовидной головкой прямоугольного сечения. 1 тип. 2 экз. (0,5%).

Тип 1. Боеголовковые наконечники с долотовидной головкой, пологими, чуть выгнутыми плечиками и вытянутой круглой шейкой у основания черешка. 2 экз., в т. ч. 1 – из Верхнего Прииртышья: Ахмирово II,2; 1 – из GXIV,3 на верхнем Алее. Длина пера 3,1–5 см, ширина 0,8–1 см, длина черешка 4,3–4,5 см (рис. 5: 9) (Могильников, 2002, рис. 120,8; Ткачев, Ткачева, 1999, рис. 4,7).

Группа VII. С головкой, пятиугольной в сечении. 1 экз. из GXIII,5 на Алее (0,2%). Один тип.

Тип 1. Боеголовковый наконечник с вытянуто-треугольным остриём с округленными плечиками, плавно переходящими в удлиненную круглую шейку с упором в основании черешка. Длина пера 4 см, ширина 1 см. Длина черешка 3 см (рис. 3: 8) (Могильников, 2002, рис. 109,8).

Группа VIII. Плоские наконечники. 23 экз. (5,6%), в т. ч. из Верхнего Прииртышья – 10, верхнего Алея – 9, междуречья Чарыша и Алея – 4. Шесть типов.

Тип 1. Асимметрично-ромбические. 7 экз., в т. ч. из памятников верхнего Алея – 6: GVII,4/2, ск. 1 (3); GVII,4/2 (1); KX,8 (1); П,3 (1); междуречья Алея и Чарыша – 1: Барчиха 1 (1). Наконечники с остроугольным или прямоугольным острием, пологими плечиками. Длина пера около 6 см, ширина 2,3 см. Длина черешка 3 см. Наконечник из Барчихи имел продольное ребро (Могильников, 2000, рис. 4,1; 8,1,3,9; 2002, рис. 45,1; 49,1; 193,4; 200,7; Телегин, 1998, рис. 1).

Тип 2. Вытянуто-треугольные, копьевидные. 8 экз., в т. ч. 7 из Верхнего Прииртышья:

Зевакино, 126 (1), 146 (1); Ковалевка 1 (1); Акчий II,1/1 (1); Карашат I,21/3 (1), Карашат II,5/1 (1); Когалы 1,9/3(1); верхнего Алея – 1: KIX,1 (1). Крупные, вытянуто-треугольные, копьевидные наконечники с остроугольным острием и крутыми плечиками. Длина пера 6,5 – 8–9 см, ширина 2,8–3 см, длина черешка 5–8,5 см. Ввиду крупных размеров возможно использование их как наконечников дротиков. В связи с этим примечательно, что все они находились в погребениях по 1 экз. (рис. 3: 25; 4: 16) (Арсланова, 1969, с. 48, 53; Арсланова, Кляшторный, 1973, табл. 1,6; Могильников, 2002, рис. 177,1; Трифонов, 1987, с. 131, 132, рис. 66,12, с. 153, рис. 81,6, с. 199, рис. 100,28; 107,17, с. 239, рис. 115,16).

Тип 3. Боеголовковый. 1 экз. из GVII,4/2 на верхнем Алее. Наконечник с подромбической головкой, остроугольным острием и вытянутой округлой шейкой с упором у черешка. Длина пера 4,3 см, ширина 1,3 см, длина черешка 2 см (рис. 3: 17) (Могильников, 2000, рис. 4,10).

Тип 4. Срезень с секторовидным пером и дуговидным режущим краем с пологими плечиками. 1 экз. из GXIV,3 на Алее. Длина пера 4,3 см, ширина 2,4 см. Длина черешка 4,7 см (Могильников, 2002, рис. 120,10).

Тип 5. Вытянуто-ромбические. Наконечники с остроугольным острием и ровными пологими плечиками. 4 экз., в т. ч. из Верхнего Прииртышья – 1: Акчий II,2/5 (1); междуречья Алея и Чарыша – 3: Барчиха 1 (1); Белый Камень, 1 (2). Длина пера 4,5–8 см, ширина 2–3,5 см, длина черешка 5–7 см. Сильно повреждены коррозией (рис. 4: 5) (Телегин, 1998, рис. 1; Тишкин, 1993б, рис. 2,1,2; Трифонов, 1987, рис. 84,23).

Тип 6. Двурогие вильчатые срезни. 2 экз. из Верхнего Прииртышья: Кызыл-Ту, 6 (1); Ахмирово I,7/1 (1). Наконечники с широким раздвоенным пером, с режущими внутренними сторонами развилки (рис. 4: 6). У наконечника из Ахмирово развилка только слабо намечена, в Кызыл-Ту составляет 4 см. Наконечник из Ахмирово имел узор у основания черешка. Длина пера 3,2–3,5 см, ширина 2,5–4,2 см, длина черешков 4,3–7 см (Плотников, 1981б,

с. 114, рис. 11; Суворова, Ткачев, 1995, рис. 2,5). Подобные двуругие стрелы известны в Таксиле в слое I в. н. э., затем в Вревском могильнике VI–VII вв. в Средней Азии, фигурируют в описаниях сцен охоты в поэме Фирдоуси «Шах-наме» X в. (Литвинский, 1965, с. 90–91). В VII–VIII, IX–X и XI–XII вв. они в небольшом количестве представлены в степях и в лесостепи Евразии от Забайкалья до Подунавья, и т. ч. в предшествующих древностях авар (Кызласов, 1981, рис. 35,21; Иванов, 1987, с. 176, рис. 1,18; Мажитов, 1981а, рис. 26,15; 60,16; 64,17; Матвеева, 1997, рис. 69,5; Плетнева; 1981, рис. 36,23; Худяков, 1991, с. 36, 56, рис. 21; 26,21; Федоров-Давыдов, 1966, с. 28, рис. 3,9 (BVI, BXII); Камар, 1945, s. 294), найдены в древнерусских городах XI–XII вв. (Медведев, 1966, с. 73). Подобные вильчатые наконечники стрел употреблялись в Нижнем Приобье в начале II тыс. н. э. (Чернецов, 1957, табл. XLIII,6; Могильников, 1987б, табл. LXXXVII,3; XC,9), а для охоты на птицу в данном регионе использовались до этнографической современности (Соловьев, 1987, с. 48). В героическом эпосе хантов они являлись оружием богатырей (Ратканов, 1900, s. 30, 36).

Группа IX. Двулопастные наконечники. Тип 1. 1 экз. (0,24%) из Барчихи I на Алее. Асимметричный шестиугольный наконечник с остроугольным острием и ребром, разделяющим лопасти. Длина пера 5,7 см, ширина 3,4 см, длина черешка 5,6 см (табл. 1: IX) (Телегин, 1998, рис. 1,6). Подобные двулопастные наконечники известны в IX–X вв. у енисейских кыргызов в Минусинской котловине и Туве (Худяков, 1980, с. 96, 97).

Группа X. Круглые наконечники. Тип 1. 1 экз. из Орловки 1 (0,24%). Удлиненно-треугольный наконечник с остроугольным острием и прямыми плечиками. Длина пера 4 см, ширина 1,2 см, длина черешка 4 см (табл. 1: X) (Арсланова, 1969, табл. 1). Памятник относится к концу VIII – первой половине IX вв. Близкой формы два круглых пулевидных наконечника представлены в Зевакино, 100 (Арсланова, 1972, табл. IV,1,2), с захоронением кремации середины IX в. и в тюркском

к. 4 Кара-Чога в Туве IX–X вв. (Худяков, 1986, с. 186).

Находки костяных свистунков в погребениях со стрелами редки. Они обнаружены в пяти комплексах: Карашат I,26 (2) на верхнем Иртыше, ГVII,6, GXII,2, GXIV,1 на верхнем Алее и Белый Камень 1,3 в Междуречье Чарыша и Алея, всего в количестве 6 экз., все в сочетаниях с трехлопастными наконечниками стрел. Свистунки боченовидной формы с овальными прорезями в Карашат I,26, остальные с подпрямоугольными прорезями. В Карашат I,26 два свистунка приходились на 17 наконечников стрел в погребении с захоронением не менее трех человек (рис. 3: 19) (Могильников, 2002, рис. 52а,1; 86,7; 116,5; Тишкин, 1993б, с. 237, рис. 5,4; Трифонов, 1987, с. 210, рис. 106,26,27).

Подобные свистунки также редки в сrostкинской культуре, где встречены 2 экз. в к. 5 Сrostок (Савинов, 1998, с. 177, рис. 5,2) в комплексе с разнообразными – трехлопастными, трехгранными и плоскими – наконечниками стрел (там же, рис. 5,3). На городищах Седова Заимка и Черный Борок 20 X–XII вв. в Новосибирском Приобье обнаружены похожие на свистунки костяные круглые предметы, но без отверстий (Адамов, 2000, с. 40, рис. 6,11; 14,15). Свистунки с овальными и прямоугольными прорезями представлены в конце I – начале II тыс. также в материале тюхтятской и аскизской культур (Кызласов, 1983, табл. XIX,1,2,5,6; Кызласов, 1969, с. 108; Худяков, 1980, с. 110, 111, табл. XXIV), причем некоторые из них изготовлены из железа вместе с наконечником. Однако ввиду существования обряда кремации степень распространения костяных свистунков у населения тюхтятской и аскизской культур определить трудно. По-видимому, более многочисленными, чем у кимаков и сrostкинцев, стрелы со свистунками были у тюрков горного Алтая. Они известны в Кудыргэ, правда тоже в единичных экземплярах (Гаврилова, 1965, табл. XXII,3), а наиболее многочисленные находки стрел с костяными свистунками происходят из тюркских памятников Алтая конца VII – VIII–IX вв.: Тыткевкенъ 6, к. 10, Кара-Коба, к.

85, Курай IV,I, Узунтал, к. 2, и др. (Кирюшин и др., 1998, рис. 8,10,30–40; Могильников, 1997, рис. 3,4; Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 54; Савинов, 1982, рис. 5,1). В конце VII–VIII вв. в свистунках, помимо доминировавших ранее круглых отверстий, стали делать овальные отверстия, свойственные IX–X вв. В Тыткоскень 6,10 конца VII – середины VIII вв. у свистунков были круглые и овальные отверстия, что свидетельствует о сосуществовании тех и других в данный период. Прямоугольные отверстия в свистунках появляются, очевидно, в конце IX–X вв. и сосуществуют в начале II тыс. с овальными.

Согласно китайским летописям, изобретение свистунков связано с хуннским шаньюем Модэ в конце III в. до н. э. (Бичурин, 1950, с. 46). О назначении свистунков существуют различные мнения. Считается, что шарик с отверстиями при полете стрелы издает пронзительный свист, угнетающе действующий на противника и пугающий лошадей. Ю.С. Худяков полагает, что такой шарик «служил в качестве муфты, соединяющей торцевую часть древка стрелы с черешком наконечника (Худяков, 1986, с. 150). Об этом свидетельствуют находки шариков без отверстий, которые не могли издавать свист в полете». Однако это не согласуется с тем, что диаметры отверстий для насады у свистунков обычно соответствовали только диаметру черешка наконечника или чуть превышали его, вследствие чего свистунок не мог служить муфтой для древка, а занимал промежуточное положение между пером стрелы и древком. М.Н. Хангалов сообщал, что подобные костяные шарики у стрел бурят разрывали рану (Хангалов, 1891, с. 147). Б.Б. Овчинникова свидетельствует, что экспериментально свистящий эффект свистунков не подтверждается (Овчинникова, 1990, с. 73). Из всего разнообразия мнений предпочтительнее, вероятно, заключение о свистящем звуке стрелы со свистунком, который мог воздействовать на противника психологически, а также служить сигналом тех или иных действий. Последним, возможно, объясняется то, что стрелы со свистунками в колчаных наборах обычно составляют меньшую часть

набора или единичны. Ошибочным представляется мнение, что стрелы со свистунками шипели, вращаясь при полете (Левашова, 1939, с. 52; Овчинникова, 1981, с. 134; Худяков, 1986, с. 150). Трехлопастные стрелы, которым, как правило, сопутствуют свистунки, в силу наличия направляющих лопастей летят прямо, не вращаясь.

Всего в десяти группах выделено 32 типа наконечников стрел. Представительность и назначение их неодинаковы. Наряду с массовыми трехлопастными и трехгранными наконечниками, представленными соответственно девятью и четырьмя типами (табл. 1), имеются группы и типы, насчитывающие по одному (группы VIII – пятигранный, IX – двулопастный, X – круглый) или несколько (группы V – четырехгранные квадратного сечения (6); VI – долотовидные (2)) наконечников, что может служить показателем поиска оптимальных форм, подражательного заимствования (круглые двулопастные долотовидные наконечники, заимствованные от кыргызов) или индивидуального творчества мастера-кузнеца (пятигранный наконечник группы VII). С заимствованиями и поисками оптимальных форм связано многообразие (шесть типов) плоских наконечников стрел, входивших в обиход, но еще остававшихся малочисленными (23 экз.; 5,5% от общего количества). При этом ведущую форму среди плоских приобретают асимметрично-ромбические наконечники, около 1/3, 7 из 23 экз., которые стали господствовать в предмонгольское и монгольское время. Достаточно представительные среди плоских крупные вытянуто-треугольные копьевидные наконечники (рис. 3: 25; 4: 16), 8 экз. из 23, входившие в комплексы по одному экз., в дальнейшем теряют свое значение.

В рассмотренном комплексе наконечников стрел кочевников IX – первой половины XI вв. кимаков и огузов, хоронивших по ритуалу ингумации, преобладали трехлопастные наконечники группы I, дающие широкую равную рану и предназначенные главным образом для поражения противника, не защищенного металлическим доспехом, а также для

выведения из строя боевого коня. Трехлопастные наконечники использовались на протяжении всего указанного периода. Их массовость и длительность бытования были, очевидно, обусловлены высокими баллистическими качествами и, вероятно, важностью прицельной стрельбы при военных столкновениях. При этом в погребениях конца VIII – середины IX вв. с чучелами коней ГV,5 и ГV,6 представлены трехлопастные наконечники стрел с вытянуто-ромбическим и листовидным пером типов I.1 и I.8, в ГV,5 в комплексе с тремя бронебойными наконечниками стрел подквадратного сечения группы V (Могильников, 2002, рис. 23,12–14; 25,1–6) при отсутствии наконечников стрел других типов, являющихся более поздними. В основном аналогичное назначение поражения незащищенного металлическим панцирем противника и боевых коней имели плоские асимметрично-ромбические, удлинненно-треугольные, секторные, вильчатые и вытянуто-ромбические наконечники типов VIII.1–3, VIII.5,6 (табл. 1), занимавшие пока очень небольшую долю – около 0,5% в общем арсенале стрелкового вооружения и получившие вскоре широкое распространение в предмонгольское и монгольское время. Плоские боеголовковые наконечники стрел типа VIII.4 (табл. 1) служили, видимо, и для поражения воинов, облаченных в металлические доспехи. Для поражения воинов, прикрытых броней, могли служить также трехлопастные боеголовковые наконечники стрел типа I.6 (табл. 1), распространившиеся с середины – второй половины IX в. и более широко представленные во второй половине X – первой половине XI вв.

В целом, говоря о трехлопастных наконечниках стрел группы I, можно отметить, что они, как и луки типа 3 с парой центральных боковых накладок (рис. 1: 1, 7–9, 13), продолжали линию развития тюркского стрелкового комплекса с господствовавшими в нем трехлопастными наконечниками стрел и луками «тюркского» типа с парой срединных накладок. В отличие от этого, плоские наконечники стрел, начавшие распространяться в основном с X в., отражают воздействие вос-

точной, монгольской традиции, что частично в это время совпадает с возвышением в этот период киданей и началом движения монгольских племен на запад.

Плоские железные наконечники стрел, наиболее простые в изготовлении, наряду с количественно преобладающими трехлопастными, известны у хунну Забайкалья и Монголии в I в. до н. э. – I в. н. э. При этом формы их разнообразны: вытянуто-ромбические, асимметрично-ромбические, шипастые и даже секторные (Коновалов, 1976, табл. I,2–7,10; Худяков, 1986, с. 31–33, рис. 6,2–9). Подобные плоские наконечники стрел известны на востоке Центральной Азии в течение всего Средневековья и широко распространились в монгольскую эпоху (Худяков, 1986, с. 38, 39). В небольшом количестве плоские асимметрично-ромбические наконечники и железные долотовидные срезни представлены в памятниках гуннского времени, конца I тыс. до н. э. – III–IV вв. н. э., Тувы, Алтая, Минусинской котловины (Худяков, 1986, рис. 27,13–18,23; 36,24,25), плоские асимметрично-ромбические – в Верхнем Приобье III–V вв. (Горбунов, 1993, рис. 3,17,18). В основном единичными экземплярами плоские наконечники стрел встречаются у тюрок VIII–X вв., кроме асимметрично-ромбических, насчитывающих 10 экз. (Худяков, 1986, с. 146–149, рис. 64,33–36,37–43,65). Выделенные Ю.С. Худяковым у древних тюрок VIII–X вв. семь типов плоских наконечников стрел частью предвосхищают, частично одновременны типам плоских наконечников стрел IX – первой половины XI в. у кочевников Верхнего Прииртышья и северо-западных предгорий Алтая, рассмотренным выше (Худяков, 1986, с. 146, 147). К сожалению, при характеристике вооружения тюрок Ю.С. Худяков не приводит данных о количестве плоских наконечников в памятниках VIII–IX и IX–X вв., из-за чего нельзя представить динамику их численности с течением времени без проведения специального дополнительного исследования (Худяков, 1986, с. 146–148, рис. 65). В свою очередь, это осложняет выявление степени воздействия монгольскоязычного насе-

ления на распространение плоских наконечников стрел у кимаков.

Наконечники стрел группы II трехгранно-лопастные с усиленной посадкой острия, переходящего в лопасти, занимали промежуточное положение между трехлопастными и трехгранными наконечниками, сочетали качества наконечников I и III групп, высокие баллистические качества лопастных группы I и пробивные возможности трехгранных. Однако из-за сложности в изготовлении широкого распространения они не имели, но встречались на протяжении всего рассматриваемого периода IX – начала XI вв.

Наконечники стрел групп III с сечением в виде равностороннего треугольника, IV – ромбического сечения, V – квадратного, VI – долотовидного, VII – пятиугольного сечения (табл. 1) с цельнокованой, в основном массивной головкой, являлись бронебойными, могли поражать как незащищенного, так и одетого в металлические доспехи противника. Из перечисленного ряда наконечники треугольного сечения группы III (117 экз., 23,3%) доминируют над всеми остальными гранеными наконечниками вместе взятыми и количественно уступают только трехлопастным наконечникам группы I (238 экз., 57,5%). Такое предпочтение объясняется тем, что трехгранные наконечники по своим динамическим и ударно-пробивным качествам превосходили граненые наконечники других групп. При прочих равных условиях (одинаковые масса, угол острия, скорость полета) трехгранные наконечники треугольного сечения проникали глубже в доспехи и тело противника, чем наконечники с другим сечением пера. Это объясняется тем, что, помимо проникающего действия острия, расположенные под углом 60° ребра имели больший режущий эффект, чем ребра наконечников с квадратным сечением с более тупым углом резания в 90° или у наконечников ромбического сечения, где один из углов был острым, а другой тупым, что по проникающим качествам уступало наконечникам треугольного сечения, но превосходили стрелы с квадратным сечением пера. Видимо, это были экспериментальные

формы, которые не получили широкого распространения. Наконечники квадратного сечения группы V (6 экз., 4 типа), представлены единичными находками, кроме упомянутого GVIII,5 с парным захоронением в сопровождении чучел коней конца VIII – первой половины IX вв., содержавшего три наконечника стрел с квадратным сечением (Могильников, 2002, рис. 23,12–14). В поздних погребениях X – первой половины XI в. они отсутствуют, в то время как трехгранные наконечники представлены. Нет их в Верхнем Прииртышье, где представлены в основном памятники второй половины IX – первой половины XI в. Примечательно, что в ранних погребениях GV,1,5,6, GVIII,5 трехгранные наконечники отсутствуют, а имеются только трехлопастные и квадратно-ромбические в сечении наконечники (Могильников, 2002, рис. 9,1–4; 23,1–14; 25,1–6). В курганах с Алея наиболее ранние трехгранные наконечники известны с середины – второй половины IX в. (GII,3, GIV,1, Белый Камень, I), где эти наконечники идут в комплексах с количественно преобладающими трехлопастными наконечниками стрел (Могильников, 2002, рис. 7,5,6,8; 18,5; Тишкин, 1993б, рис. 2,8,12,14,26). В предшествующий период VIII–IX вв. трехгранные наконечники представлены у древних тюрок единичными экземплярами (Худяков, 1986, с. 146, 149, рис. 64,22,25).

Четырехгранные наконечники с головкой ромбического сечения также немногочисленны (13 экз., 3,1%), хотя и представлены единичными экземплярами на всей рассматриваемой территории, тяготея преимущественно к раннему отрезку рассматриваемого периода IX–X вв. Они встречены в GII,3, Белом Камне, 1, вместе с трехгранными и трехлопастными наконечниками (Могильников, 2002; рис. 7,7). Выделяются отмеченные выше узкие длинные шиловидные наконечники типа IV.3, почти квадратные в сечении, из Карашат I,21 и 26А (рис. 4: 15) второй половины IX–X вв., предназначавшиеся, очевидно, для раздвижения колец кольчуги. Функционально к ним весьма близок боеголовковый наконечник с узким длинным остроугольным пером типа

IV.2 из Белокаменки 1 (рис. 4: 8), имеющий более широкие пропорции (Трифонов, 1987, рис. 74,1).

Всего в группах III–VII учтено 139 броневой наконечников стрел, что составляет 33,6% и значительно превышает количество броневой наконечников у древних тюрок, определенное Ю.С. Худяковым как менее 10% (21 экз.) (Худяков, 1986, с. 149). Тот факт, что стрелы с броневыми наконечниками в конце IX – начале XI в. составляли около 1/3 от всех стрел, говорит о достаточно широком распространении защитных доспехов у противников кимаков, хотя находки остатков панцирей в погребениях немногочисленны. Аналогичным образом широкое распространение броневой наконечников стрел Ю.С. Худяков объясняет тем, «что кимакам было необходимо активно бороться на поле боя с защищенным броней противником, вероятнее всего с кыргызами, непосредственно граничившими с землями Кимакского каганата» (Худяков, 1986, с. 188). Согласно его подсчетам, включавшим памятники сросткинской культуры, броневые наконечники также составляли около 1/3 железных наконечников стрел, что вполне объяснимо при учете большого влияния кимаков на сросткинцев Верхнего Приобья. При этом он отмечает, «что подавляющее большинство броневой наконечников стрел всех типов падает на районы Алтая и Приобья. В Восточном Казахстане их значительно меньше, и сами формы наконечников иные». Однако привлечение новых опубликованных материалов Ю.И. Трифонова, Г.И. Суворовой и А.А. Ткачева, А.А. и Н.А. Ткачевых, при известной неполноте наших данных, базирующихся только на опубликованных материалах, показывает иную картину (Трифонов, 1987; Суворова, Ткачев, 1995; Ткачев, Ткачева, 1999). Здесь нами учтено 77 трехлопастных и плоских наконечников стрел групп I и VIII (соответственно 67 и 10 экз.), что составляет 54,6%, и 64 броневой наконечника (45,4%) групп III–VI, X. В северо-западных предгорьях Алтая доля броневой наконечников несколько ниже. На верхнем Алее и в междуречье Алея и Чарыша нами

учтено 266 наконечников, в т. ч. броневой 76 экз. (28,6%), для того и другого регионов. Занимавшие промежуточное положение трехгранно-лопастные наконечники группы II с трехгранным острием в подсчетах не учитывались. Различия в наборе типов имеются, но не столь существенны и касаются преимущественно типов, представленных единичными или малочисленными экземплярами. В Прииртышье присутствуют наконечники типов IV.3, IV.4 с шиловидной и четырехгранно-лопастной головкой, не отмеченные в северо-западных предгорьях Алтая. И, напротив, на Алее имеются наконечники группы V с массивной головкой квадратного сечения, которых нет на Иртыше (табл. 1). Одним экземпляром в Орловке, 1, представлен круглый наконечник (Арсланова, 1969, табл. 1). В северо-западных предгорьях Алтая они не обнаружены, хотя известны у древних тюрок в Туве, правда также в 1 экз., в Кара-Чога, к. 4, IX–X вв. (Худяков, 1986, с. 146, рис. 65).

Большая представительность броневой наконечников стрел у кочевников Верхнего Прииртышья отражает в целом более высокий качественный уровень комплекса вооружения в этом регионе, являвшемся центром Кимакского каганата. Здесь также в большей мере представлены слабо изогнутые сабли, наконечники копий с пиковидным пером, обнаружены фрагменты железного шлема (Суворова, Ткачев, 1995, с. 254). В основном же в ареале кимаков и сросткинцев, как отмечено выше, сохранилась древнетюркская традиция изготовления и использования трехлопастных наконечников стрел, дававших наибольший эффект при прицельной стрельбе по не защищенному металлическим панцирем противнику.

Древки стрел круглые, целые экз. не сохранились. Фрагменты древков обнаружены на ряде памятников, в т. ч. шесть древков стрел со снятыми наконечниками встречены среди остатков колчана в Акчий III,1 (рис. 7: 11) (Трифонов, 1987, с. 170, 171, рис. 88,12). Судя по остаткам фрагментарно сохранившихся колчанов в GVII,4,2, стрелы имели длину 70–80 см. Стрелы выстругивали из дерева. По определению Г.Н. Лисицыной в лаборатории

естественнонаучных методов ИА АН СССР, из шести фрагментов древков из ГVI,5 пять были изготовлены из тополя и один из сосны, древесина обеих пород легко колется вдоль и легко поддается обработке, что было немало важно при изготовлении древков. Тополь до настоящего времени является одной из основных пород в пойменных лесах долины Алея. Сосна сейчас в Гилевском микрорайоне, где расположены курганы ГVI, отсутствует, но насаждения ее хорошо представлены в расположенных в 25–30 км ленточных борах и в низкогорье Алтая. В недавнем прошлом лента реликтового бора шла вдоль Алея, а острова сосновых лесов были, по-видимому, на Алее повсеместно.

В ряде случаев на торцах древков сохранились остатки обмотки тонкими полосками бересты. Такая обмотка служила, очевидно, для предохранения древков от раскалывания при насаживании наконечников или сохраняла от разрушения начавший раскалываться конец древка. Хвостовой конец древка имел арочный вырез для тетивы.

Наконечники стрел из погребений с сожжениями. В захоронениях с кремациями рассматриваемого региона нами учтено 82 наконечника стрел, происходящих из 12 комплексов. В их числе шесть комплексов (47 наконечников), инвентарь которых побывал в погребальном костре (Зевакино, 97 (14), Зевакино, 100 (14), Новокамышенка (4), Такели (3), ГШ,10 (7), ГШ,12 (3)), и шесть комплексов (35 наконечников), инвентарь которых положен в погребения с останками кремаций непережженным (Джаргас, 6 (11), Джаргас, 80 (6), КП,7 (3), КVIII,8 (6), Новофирсово VII,3/1 (8), 4/1 (1)) (Арсланова, 1972, табл. III,5–18; IV,1–14,20–23; Агеева, Джусупов, 1963; Могильников, 2002, рис. 12,1–7; 13,2–4; 142,9–11; 163,1–6; Трифонов, 1987, рис. 64,1–11,25–30; Алехин, 1996, с. 84, рис. 15). В захоронении находилось от трех до четырнадцати наконечников, что в основном аналогично количеству наконечников стрел в погребениях с ингумациями. Относительно малое количество наконечников стрел в захоронениях соотносится также с погребальным ритуалом тухтятской

культуры, енисейских кыргызов, где покойнику, по-видимому, клали часть колчанного набора или у части древков наконечники были сняты (Кызласов, 1983, с. 53).

Все наконечники стрел железные, черешковые. По сечению головки делятся на семь групп: 1) трехлопастные; 2) трехгранно-лопастные; 3) трехгранные; 4) ромбические; 5) долотовидные; 6) плоские; 7) круглые. По форме пера внутри групп выделяются типы (табл. 2).

Группа I. Трехлопастные наконечники (60 экз. (73,2%)). Имели высокие баллистические качества, но довольно трудоемки в изготовлении. Выделяется шесть типов по форме пера.

Тип 1. Асимметрично-ромбические. 22 экз. из памятников: Джаргас, 6 (3); Зев, 97 (6); Зев, 100 (5); Текели (1); ГШ,10 (3); Новофирсово VII,3/1 (4). Наконечники с остроугольным острием, с ровной покатою или прогнутой гранью плечиков, преимущественно с упором у основания черешка, длина пера 4,8–6 см, ширина 1,5–2 см, длина черешка 3–8 см (рис. 6: 23) (Алехин, 1996, рис. 15; Арсланова, 1972, табл. III,6,9–13; IV,3,4,7,10,12; Агеева, Джусупов, 1963; Могильников, 2002, рис. 12,1–3; Трифонов, 1987, рис. 64,9–11).

Тип 2. Вытянуто-пятиугольные. 11 экз. из памятников: ГШ,10 (4); ГШ,12 (3); Джаргас, 80 (2), Текели (2). Наконечники с пером пятиугольных очертаний, остроугольным острием и прямыми плечиками. Часть наконечников имеет вогнутые боковые грани и круглые отверстия в лопастях (рис. 6: 4, 28–30). Длина пера 3,5–4,6 см, ширина 1,3–1,7 см, длина черешка 2–5,5 см (Могильников, 2002, рис. 12,4–7; 13,2–4; Трифонов, 1987, рис. 64,27–28; Агеева, Джусупов, 1963).

Тип 3. Вытянуто-ромбические. 18 экз. из памятников: Джаргас, 6 (3); Новокамышенка (3); КVIII,8 (1); Новофирсово VII,3/1 (4); 4/1 (1) (рис. 6: 1, 2, 4, 9). Все из памятников, инвентарь которых не несет воздействия огня, кроме Новокамышенки, где детально обряд не зафиксирован из-за разрушения кургана, а степень сохранности наконечников допускает предположение, что они не были в погребаль-

ном костре (Арсланова, 1972, табл. IV,20–22; Алехин, 1996, рис. 15; Могильников, 2002, рис. 163,1; Трифонов, 1987, рис. 64,1–3). Длина пера около 5 см, ширина 2 см, длина черешка 5 см. По форме наконечники данного типа аналогичны наконечникам типа I.1 из курганов с ингумациями.

Тип 4. Боеголовковые. 11 экз. из памятников Верхнего Прииртышья: Зев,97 (1), Зев,100 (7); верхнего Алея: KVIII,8 (3). Наконечники с выделенной боевой ромбической головкой, остроугольным острием, покатыми плечиками и выделенной круглой шейкой с упором. Длина пера 3–4,5 см, ширина 1–1,7 см, длина черешка 2–4,5 см (рис. 6: 11–13, 24, 25) (Арсланова, 1972, табл. III,7; IV,5,6,8,9,11,13,14; Могильников, 2002, рис. 163,2–4).

Тип 5. Вытянуто-шестиугольные. 1 экз. из Джартаг, 80 (1). Наконечники с пером шестиугольных очертаний, почти параллельными гранями, покатыми плечиками и остроугольным острием. Длина пера 5 см, ширина 1,7 см, длина черешка 3,5 см (Трифонов, 1987, рис. 64,29).

Тип 6. Удлиненно-треугольные. 3 экз. из памятников Верхнего Прииртышья: Зев,97 (1), Новокамьшенка (1); Джартаг, 6 (1). Наконечники с остроугольным подтреугольным пером и наклонными или прямыми плечиками. Длина пера 4–6,5 см, ширина 1,5–2,5 см, длина черешка 2–5 см. Наконечник из Новокамьшенки имел упор у основания черешка (рис. 6: 3, 34) (Арсланова, 1972, табл. III,5; IV,23; Трифонов, 1987, рис. 64,8).

Группа II. Трехгранно-трехлопастные. 2 экз. из Текели. Наконечники с трехгранным сечением ударных граней и трехлопастным сечением плечиков, с остроугольным пером и упором у основания черешка. Такие наконечники Ю.С. Худяков рассматривает как переходную форму от трехлопастных к трехгранным (Худяков, 1980, с. 88). Длина пера подобных наконечников 2,5–6 см, ширина 1–1,7 см, длина черешка 2–6 см (табл. 2: II, 1).

Группа III. Трехгранные наконечники. Наконечники с трехгранной монолитной боевой головкой с упором у основания черешка. Два типа. 8 экз.

Тип 1. Асимметрично-ромбические. 5 экз. из памятников Верхнего Прииртышья: Джартаг, 6 (2), Джартаг, 80 (3). Наконечники с остроугольным острием, пологими плечиками с упором. Длина пера 2,8–5 см, ширина 1,2–1,5 см, длина черешка 2–5 см (рис. 6: 5) (Трифонов, 1987, рис. 64,4,11,25,26,30).

Тип 2. Боеголовковые. 3 экз. из Джартаг, 6 (3). Наконечники с монолитной головкой, остроугольным острием, пологими плечиками, переходящими в круглую удлиненную шейку с упором. Длина пера 4,3–5 см, ширина 1,2–1,5 см, длина черешка 5–7 см (рис. 6: 6) (Трифонов, 1987, рис. 64,5–7). Наконечники группы III происходят из кремаций, инвентарь которых не был в огне погребального костра. По форме они подобны наконечникам типов III.2, III.3 из погребений с ингумациями (рис. 3: 22; 4: 3).

Группа IV. Четырехгранные, ромбические в сечении. Характеризуются монолитной четырехгранной боевой головкой с упором, 7 экз. Четыре типа.

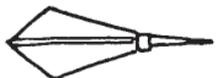
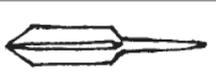
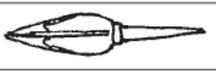
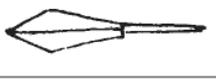
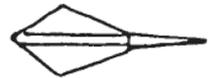
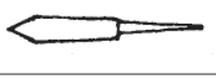
Тип 1. Асимметрично-ромбические. 2 экз. из Верхнего Прииртышья: Зев,97 (2). Наконечники с остроугольным острием и ромбической головкой с упором у черешка. Длина пера 3,5–4,5 см, ширина 1,1–1,5 см, длина черешка 4,5–5 см (рис. 6: 37) (Арсланова, 1972, табл. III,14,15).

Тип 2. Боеголовковые. 3 экз. из Верхнего Прииртышья: Зев,97 (3). Наконечники с асимметрично-ромбическим пером, остроугольным острием и удлиненной круглой шейкой с упором. Длина пера 4–4,5 см, ширина 1–1,2 см, длина черешка 4,5–5 см (табл. 2: IV, 2) (Арсланова, 1972, табл. III,16–18).

Тип 3. Удлиненно-треугольные. 1 экз. из Зев,97. Наконечник с удлиненно-треугольной боевой головкой, остроугольным острием и почти прямыми плечиками с упором. Длина пера 4 см, ширина 1 см, длина черешка 5 см (рис. 6: 36) (Арсланова, 1972, табл. III,8).

Тип 4. Четырехгранно-четырехлопастной. Один тип, 1 экз. из КП,7. Наконечник с четырехгранной головкой и четырехлопастными плечиками. Сохранился фрагментарно из-за

Таблица 2. Классификация наконечников стрел из погребений с сожжениями

Группа		Тип	Размеры	Количество	Местонахождение
I 	1		5×1,5×5	22	Прииртышье (15), Алей (3), Чарыш (4)
	2		4×1,5×5	11	Прииртышье (4), Алей (7),
	3		5×2×5	12	Прииртышье (6), Алей (1), Чарыш (5)
	4		4×1,5×4	11	Прииртышье (8), Алей (3),
	5		5×1,7×3,5	1	Прииртышье II; Джартас, 80
	6		6×2,5×5	3	Прииртышье (3)
II 	1		5×1,5×5	2	Текели (2)
III 	1		3×1,3×5	5	Прииртышье (5; Джартас, 6; 80)
	2		4,3×1,2×5	3	Прииртышье (3; Джартас, 6)
IV 	1		4,5×1,5×5	2	Прииртышье (2; Зев. 97)
	2		4×1,2×5	3	Прииртышье (3; Зев. 97)
	3		4×1×5	1	Прииртышье (1; Зев. 97)
	4 		3×1,2×3	1	Алей (1, КП, 7),
V 	1		5×0,9×3	2	Текели (1), Алей (1, КУШ, 8)
VI 	1		5×4×2	1	Алей (1, КУШ, 8)
VII 	1		5×0,7×5	2	Прииртышье (2, Зев. 97)
Итого:				82	

коррозии, вследствие чего точная форма пера и размеры не устанавливаются. Ориентировочно длина пера около 3 см, ширина 1–1,2 см, длина черешка 3 см (табл. 2: IV, 4) (Могильников, 2002, рис. 142,11). Данный тип соединяет черты четырехгранного и четырехлопастного наконечников.

Группа V. Подпрямоугольно-долотовидные с тупым (томары) или приостренным (долотовидные) концом. 2 экз.: Токели (I); KVIII,8 (1).

Тип 1. Прямоугольный в сечении долотовидный наконечник из KVIII,8. Длина пера 5 см, ширина 0,8–0,9 см, длина черешка 3 см. Почти прямое острие, как у долота (рис. 6: 14) (Могильников, 2002, рис. 163,5).

Группа VI. Плоские. 1 экз. Один тип.

Тип 1. Широко ромбическое перо с намеченной шейкой и упором у черешка. 1 экз. из KVIII,8 (Могильников, 2002, рис. 163,6). Длина пера 5 см, ширина 4 см, длина черешка 2 см (рис. 6: 15).

Группа VII. Круглые, пулевидные, с округлым в сечении удлинённым пером. Один тип. 2 экз.

Тип 1. Вытянуто-пятиугольные. Наконечники с вытянуто-цилиндрическим пером с упором и остроугольным острием. 2 экз.: Зев,97 (2). Длина пера 5 см, ширина 0,7 см, длина черешка 5 см (рис. 6: 22) (Арсланова, 1972, табл. IV,1,2).

Подводя итог характеристике наконечников стрел из погребений с кремациями, можно отметить доминирование трехлопастных асимметрично-ромбических, пятиугольных и боеголовковых наконечников, которые подобны наконечникам стрел тюхтятской культуры IX–X вв. и частично восходящих к наконечникам VIII–IX вв. (Кызласов, 1969, табл. II,19; III,16; 1979б, рис. 6,2; Кызласов, 1983, с. 38; Худяков, 1980, с. 79–84, 99, табл. 9). В тюхтятской культуре представлены аналоги ромбических и части трехгранных наконечников групп II–IV, а также долотовидных и плоских широко ромбических наконечников (Кызласов, 1969, табл. III,10–13,23; 1978, рис. 6,6–13; 7,5,6,10; Кызласов, 1983, с. 38; Худяков, 1980, с. 88–94, табл. XXXI–XXXIV). Однако от-

дельные наконечники стрел из более поздних погребений с кремациями, сопровождавшихся инвентарем, не побывавшим в погребальном костре, подобны наконечникам стрел из погребений с ингумациями. Это трехгранные асимметрично-ромбические и боеголовковые наконечники типов III.1, III.2 из курганов Джаргас, 6 и 80 (рис. 6: 5, 6) (Трифонов, 1987, рис. 64,4–11,25,26,30), плоский широко ромбический наконечник из KVIII,8 (рис. 6: 15) (Могильников, 2002, рис. 163,6). При этом в отдельных погребениях (KII,7, KVIII,8) сочетались стрелы, свойственные как для кремаций, так и ингумаций (Могильников, 2002, рис. 142,9–11; 163,1–6). Данное явление, наряду с некоторыми другими элементами культуры (помещение с кремированным прахом покойного непережженного инвентаря, единичные сопутствующие захоронения коня с устройством деревянного перекрытия (GI,2, Могильников, 2002, рис. 3), отражает процесс аккультурации, смешения и последующей этнической ассимиляции пришлых кыргызов в среде кимаков и других этнических групп, хоронивших по ритуалу ингумации. В инвентаре этих погребений сохраняются элементы культуры предшествующего периода VIII–IX вв., в частности в деталях поясных наборов – свойственные катандинскому комплексу полукруглые бляхи-оправы, короткие широкие наконечники ремней, лунницевидные бляшки (Джаргас, 80; Трифонов, 1987, рис. 64,40,41,43–45). Это позволяет датировать данные захоронения кремаций с непережженным инвентарем из Джаргас, 80, наиболее вероятно, последней третью IX – первой половиной – серединой X вв. С этой хронологией согласуются представленные в захоронениях этого типа трехгранные асимметрично-ромбические и боеголовковые бронебойные наконечники стрел (рис. 6: 5, 6) (Трифонов, 1987, рис. 64,3–7,25,26,30), распространяющиеся преимущественно с середины IX в. и бытующие во второй половине IX – первой половине XI в.

При сравнении в целом комплексов наконечников стрел из ингумаций и кремаций обращает внимание меньшая доля бронебойных

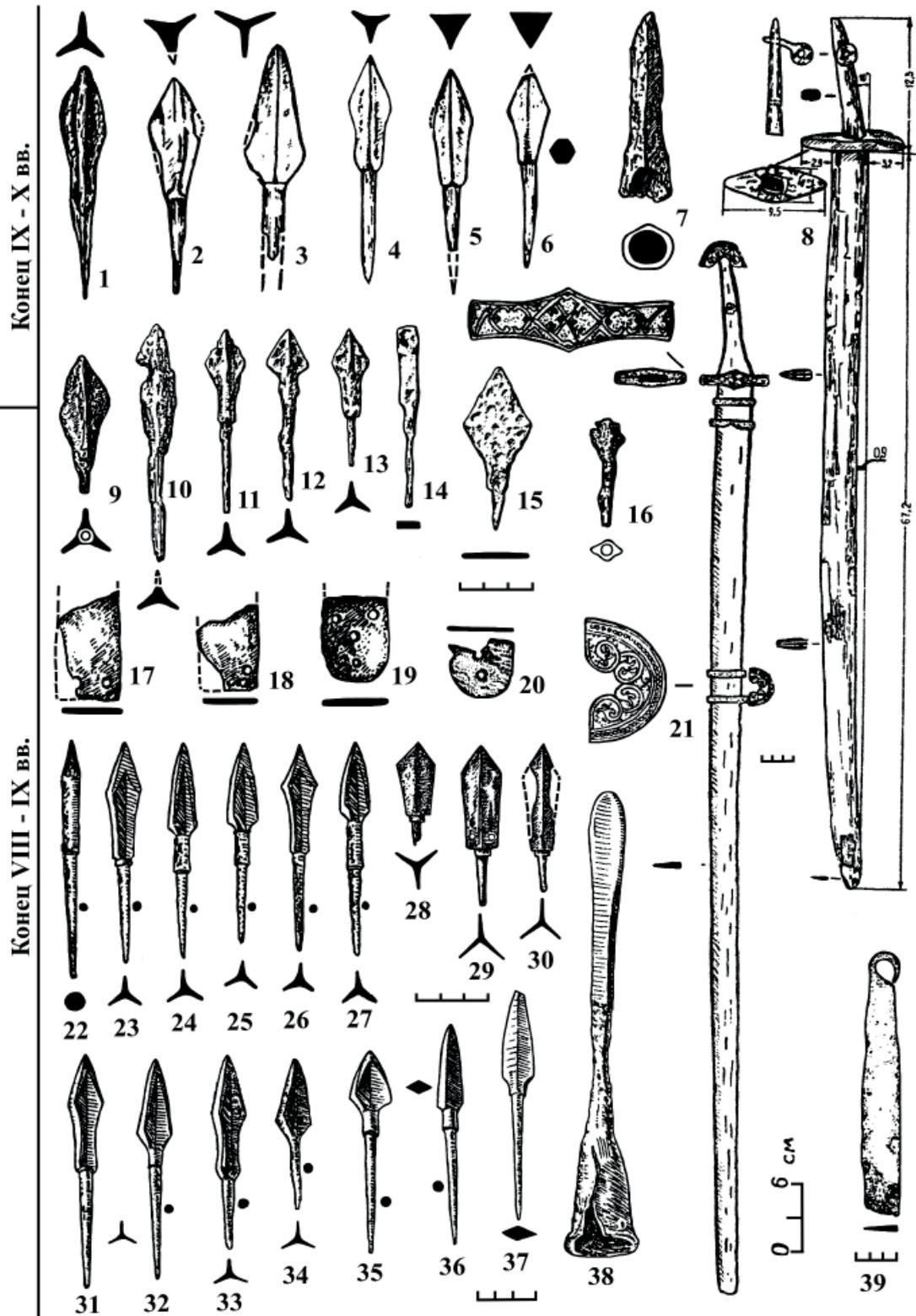

Рис. 6. Комплексы вооружения кыргызов конца VIII-X вв.

I – Новифирсово VII, 3, 1; 2–6, 8, 40 – Джартас (2–6, 8–0.6; 40–0.80); 7, 9, 16 – Корболиха II, 7; 10–15 – Корболиха VIII, Ia, 8; 17–20 – Гилево III, 10; 21, 31–38 – Зевакино, 97; 22–27 – Зевакино, 100; 28–30 – Гилево III, 12; 39 – Гилево I, 2. 1–20, 22–39 – железо, 21 – железо с медными накладками перекрестия, скоб, рукояти и навершия. 1 – по Ю.И. Алахину, 1996; 2–6, 8, 40 – по Трифионов, 1987; 7, 9–20, 28–30, 39 – по Могильников, 2002; 21–27, 31–38 – по Арсланова, 1972.

наконечников стрел в погребениях с сожжениями; где суммарная доля бронзобойных наконечников составляет около 22% от всего комплекса учтенных наконечников из погребений с сожжениями, в то время как среднее суммарное из ингумаций около 1/3. И это несмотря на то, что панцирные пластины находятся преимущественно в кыргызских погребениях. Такое явление объясняется, по-видимому, двумя обстоятельствами. Первое это то, что кыргызам противостояла конница кимаков, в основной массе не имевшая металлических доспехов, и второе – кыргызский комплекс в Верхнем Прииртышье и северо-западных предгорьях Алтая ранний, относящийся в основном к периоду от 40-х гг. IX в., периода кыргызского завоевания Алтая и степей предгорий и Верхнего Прииртышья, и до середины, а скорее даже до первых двух десятилетий X в., когда оставшиеся в завоеванных землях в составе гарнизонов кыргызские воины и их потомки подверглись аккультурации и этнической ассимиляции в процессе смешения с местным населением, хоронившим по ритуалу ингумации. Одним из главных факторов, способствовавших развитию этих явлений, были межэтнические браки, существование которых отражает ряд курганов Зевакино на Иртыше и Новофирсово VII на Чарыше, когда под одной насыпью находилось центральное захоронение главы семьи – мужчины-воина с оружием по ритуалу кремации, а боковыми были ингумации женщин и детей (Арслано-

ва, 1972, с. 75; Алехин, 1996, с. 84). В пользу вышеуказанной даты говорит также то, что в курганах с кремациями найден только один плоский наконечник стрелы (табл. 2). При этом он встречен в относительно позднем захоронении с сожжением KVIII,8, где инвентарь был уже не пережженным, а само захоронение было совершено в яме, подобной погребениям ингумаций (Могильников, 2002, рис. 163), что отражает воздействие культуры кимаков. К тому же курган находился в цепочке кимакских курганов, замыкая ее с севера. Круглый наконечник стрелы, обнаруженный в ингумации с тремя конями Орловки I (Арсланова, 1969, табл. 1), подобен двум круглым наконечникам из Зевакино, 100, с кремацией (Арсланова, 1972, табл. IV,1,2), что также, возможно, свидетельствует о контактах кыргызов с кимаками, в пользу чего указывает и хронологическая близость курганов в рамках конца VIII – середины IX вв.

Наконечники с головкой треугольного сечения группы III происходят из курганов Джартас, 6,80, с инвентарем, не побывавшим в ритуальном костре, и, видимо, несколько позднее наконечников плоскоромбического сечения из Зев,97, покрытых огневой патиной. Это подобно временному соотношению наконечников названных групп из погребений с ингумациями. Часть трехлопастных пятиугольных наконечников имеют в лопастях круглые отверстия (Могильников, 2002, рис. 12,4; 13,3).

КОЛЧАНЫ

В рассматриваемом регионе Верхнего Прииртышья и северо-западных степных предгорий Алтая IX–XI вв. целых колчанов не обнаружено, но в 17 курганах встречены остатки бересты и те или иные предметы – накладки, декоративные бляшки, петли, прядки, которые могут быть отнесены к конструктивным деталям и украшению колчанов, а также к ремням портупей для его подвешивания.

Ю.С. Худяков, характеризуя колчаны кимаков на материале сrostкинских памятников Верхнего Приобья из Ближних Елбан и Сrostок, относит колчаны к одной группе I – с

цилиндрическим приемником, в которой выделяет два типа (Худяков, 1986, с. 190).

Тип 1. Закрытые – 1 экз. из BEVI,1/1. Длина колчана около 1 м, ширина внизу 20 см,верху 10 см. Колчан закрывался костяной овальной пластинкой размером 17×5 см. В колчане остриями вверх лежали две стрелы с костяными и не менее трех стрел с железными наконечниками, длина стрел около 90 см (Грязнов, 1956, с. 147, табл. LVI, мог. 1).

Тип 2. С карманом. 7 экз. из памятников: BEV/6, BEVII/78, BEVIII/2/2, Сrostки, кк. 1, 2 (Грязнов, 1956, с. 146, 148, 149, табл. LVI,

мог. 78; Савинов, 1998, с. 177–179; Худяков, 1981, с. 127–129, рис. 5,2–4). Длина приемника 85 см, ширина горловины 11 см, днища 17 см, высота кармана 12 см. Д.Г. Савинов указывает длину колчана из к. 1 Сросток – 85 см, ширину сверху 18 см, внизу 35 см (Савинов, 1998, с. 178). Стрелы в колчанах из Сросток лежали наконечниками вверх, в БЕ – стрелы были уложены в колчаны наконечниками вверх и вниз. Расстояние между наконечниками 75–80 см, что соответствует длине стрел.

Стрелы наконечниками вверх и вниз были уложены также в Карашат I,15 в Верхнем Прииртышье, причем большинство из них были обращены наконечниками к устью (Трифонов, 1987, с. 188). Аналогичное положение стрел отмечено и в ряде других случаев (Адамов, 2000, с. 42; Неверов, Горбунов, 1996, с. 176, 177).

Два хорошо сохранившихся колчана с «карманом» обнаружены в Бобровском могильнике в Павлодарском Прииртышье (Арсланова, 1968, с. 103, 104, вклейка, 27–29). Корпус их был свернут из 2–3 слоев бересты и базировался на деревянных планках. Колчаны имели суженую горловину, слегка расширенное дно и в поперечном сечении были полукруглыми. На полукруглую или овальную форму колчанов указывают также дуговидно изогнутые костяные накладки у устья и дна колчанов в Джаргас, 37, и Акчий II,2 (рис. 7: 1, 2) (Трифонов, 1987, с. 124, 161, рис. 66,3; 84,3а,з). Появившиеся в VII–VIII вв. колчаны с «карманом» преобладали. «Карман» колчана из Бобровки был закрыт шелковой тканью, сшитой в виде трезубца.

Изображение колчана с карманом дано на бронзовой фигурке всадника из GXII,1 (Могильников, 1981, рис. 26,87) и, судя по расширенной верхней части, на бляшке с фигурой стреляющего лучника из с. Кулундинского (там же, рис. 27,48).

Колчаны изготовлялись из свернутой в 2–3 слоя бересты, крепившейся внутри на деревянных планках – каркасе. Дно овальное, вставное, из дощечки. В верхней и нижней частях для большей прочности пускали сверху дополнительное кольцо бересты, а поверх

швов вдоль внутренних планок каркаса крепились в отдельных случаях узкие костяные или роговые накладки с гладкой заполированной поверхностью или украшенные циркульным орнаментом (рис. 7: 1а–е). Накладки колчана из погребения ребенка 6–8 лет с палашом из Акчий II,2 завершались протомами разнонаправленных головок коней (рис. 7: 1в–д) (Трифонов, 1987, с. 161, рис. 84,3). В основании, в средней части и у верхнего края данного колчана находились костяные накладки арочной формы, украшавшие и укреплявшие каркас колчана. Верхняя была украшена полосой циркульного орнамента, средняя двумя рядами циркульных узоров, разделенной зоной мелких взаимопроникающих треугольников, нижняя – гладкая (рис. 7: 1б) (Трифонов, 1987, рис. 84,3). В рассматриваемом регионе украшение колчанов узкими вертикальными накладками прослежено нами в трех комплексах – GVII,4/2, GXIII,5 (Могильников, 2002, рис. 50; 108,А,1–6), в вышеописанном Акчий II,2 и, возможно, в GVII,7, где из-за сильного разграбления сохранился только фрагмент накладки (Могильников, 2002, рис. 54,7). При этом около первоначального положения лежали только накладки в Акчий II,2, в остальных они были перемешаны грабителями. Следует отметить также, что, кроме арочных накладок из Акчий II,2, костяная накладка арочной формы была у основания колчана в Джаргас, 37. Она фиксировала ширину колчана 17 см в нижней части при высоте (ширине внутри) не менее 6,5 см (рис. 7: 2) (Трифонов, 1987, с. 124–126, рис. 66,3). К бересте, а через нее к планкам каркаса, костяные накладки крепились металлическими и костяными гвоздиками и клеем. Подобные узкие костяные наклейки, часть которых украшена геометрическим орнаментом, известны вдоль края колчанов кочевников Восточной Европы (Федоров-Давыдов, 1966, с. 31, рис. 4, 5). В колчане находилось от 3 до 13–15 стрел (Трифонов, 1987, с. 139, 188).

Вследствие плохой сохранности трудно определить точно форму колчанов и провести их классификацию. Как отмечено, можно говорить о существовании колчанов двух типов

(согласно классификации Ю.С. Худякова): тип 1 – со срезанным верхом, или закрытые, и тип 2 – с карманом (Худяков, 1981, с. 127; 1986, с. 190).

К типу 1, закрытых колчанов, Ю.И. Трифонов относит колчан из Джаргас, 37 (Трифонов, 1987, с. 126). Длина колчана немногим более 68 см, ширина в основании 17 см. Судя по костяной арочной накладке в основании колчана, упомянутой выше (рис. 7: 2), высота лицевой стороны основания была не менее 6,5 см.

Тип 2. Колчаны с карманом. Не менее 7 экз. К этому типу относились колчаны из ГV,6, ГVII,4/2, ск. 2 (Могильников, 2002, рис. 24,2/4; 45,13; 46,11 – предположительно), Орловка 1,1, Зевакино, кк. 38, 39 (Арсланова, 1969, с. 47, 48, 53), Измайловки 14/2, вероятно, Акчий II,2 и Акчий III,1 (Трифонов, 1987, с. 139, 161, рис. 84,3, с. 170, 171, рис. 88,12,12а). Размеры колчанов в длину около 70–80 см, ширина в верхней части 13–14 см, у основания 17–19 см, ширина внутреннего пространства 7–9 см (судя по высоте сегмента арочной накладки из Джаргас, 37). Из-за плохой сохранности размеры карманов не установлены.

Неясны типы колчанов из памятников: Кызыл-Ту 1,6, где сохранились только остатки бересты, 13 железных наконечников стрел, направленных остриями вверх, и два круглых железных тройника для подвешивания колчана (Черников, 1957, с. 18; Плотников, 1981б, с. 112–114); Белый Камень I,1 (Тишкин, 1993б, с. 233); ГII,3; ГIV,1; ГV,1; ГV,5; ГVIII,5; ГXIII,5; Джаргас, 6, где встречены только фрагменты бересты, отдельные пряжки, кольца, бляшки, накладки и наконечники ремней, которые, вероятно, служили украшением колчанов или представляли гарнитуру портупей для их подвешивания, (рис. 7: 3–10, 12–13) (Могильников, 2002, рис. 6,2–4; 18,7; 20,3,4; 22,12; 54,7; 108,А,1–6; Трифонов, 1987, с. 119, 188, рис. 64,14,16–18; 97,18,22–27,32).

Не совсем ясна форма колчана, лежавшего вдоль левой ноги скелета 1 в ГVII,4,2 (Могильников, 2002, рис. 41,7/31; 45,13/3). Он имел длину около 70–75 см при ширине в рас-

плющенном виде 20–25 см. Судя по выступавшим наконечникам стрел, скорее может быть отнесен к типу 2, с карманом.

В более богатых погребениях колчаны украшались в отдельных случаях накладными бляшками и орнаментировались. Правый боковой край колчана в захоронении юноши в ГVII,4,2 (костяк 2) был украшен крестовидными бляшками, вырезанными из тонкого серебряного листка и наклеенными на бересту, якорьковыми штампованными бляшками (рис. 7: 12, 13) (Могильников, 2002, рис. 41,7/24; 45,13/5). Отдельными розетковидными бляшками, вероятно, были украшены колчаны в ГIV,1, ГV,6 (рис. 7: 6) (Могильников, 2002, рис. 18,7; 25,8), треугольными накладками из листового серебра – в ГII,3 (Могильников, 2002, рис. 6,2,3). На бересте колчана из Зевакино, 38, был оттиснут орнамент «в виде пересеченных волнистых линий, образующих ромбы, расположенные в шахматном порядке» (Арсланова, 1969, с. 53). Фрагмент берестяного колчана с орнаментом из кривых и перекрещивающихся линий обнаружен в кургане VIII–IX вв. Бай-Даг, 16, в Туве, в раскопках С.А. Теплоухова (Овчинникова, 1990, с. 76, рис. 13).

Неясно назначение довольно крупных костяных накладок, покрытых циркульным орнаментом из КII,4 (Могильников, 2002, рис. 142,3), Шепчихи 1,4 (Тишкин, 1993а, рис.4, 9), Ахмирово I,7/1 (Суворова, Ткачев, 1995, рис. 4,18). Все они происходят из ограбленных погребений воинов с наконечниками стрел и смещены с первоначального положения. Размеры накладок: длина 15–20 см, ширина 3–4 см (рис. 8: 4–6). Наиболее крупная накладка из Шепчихи 1, 4, размером около 20×4 см с циркульным орнаментом по периметру и отверстиями для крепления (рис. 8: 6), по мнению А.А. Тишкина, могла иметь три назначения: служить декоративной накладкой колчана, ножен меча, вытасченного при ограблении, или седельной луки (Тишкин, 1993а, с. 94). Наиболее вероятно последнее, поскольку она лежала возле ребер коня, а форма ее чуть дуговидна в соответствии с контуром луки седла. Накладку из Ахмирово

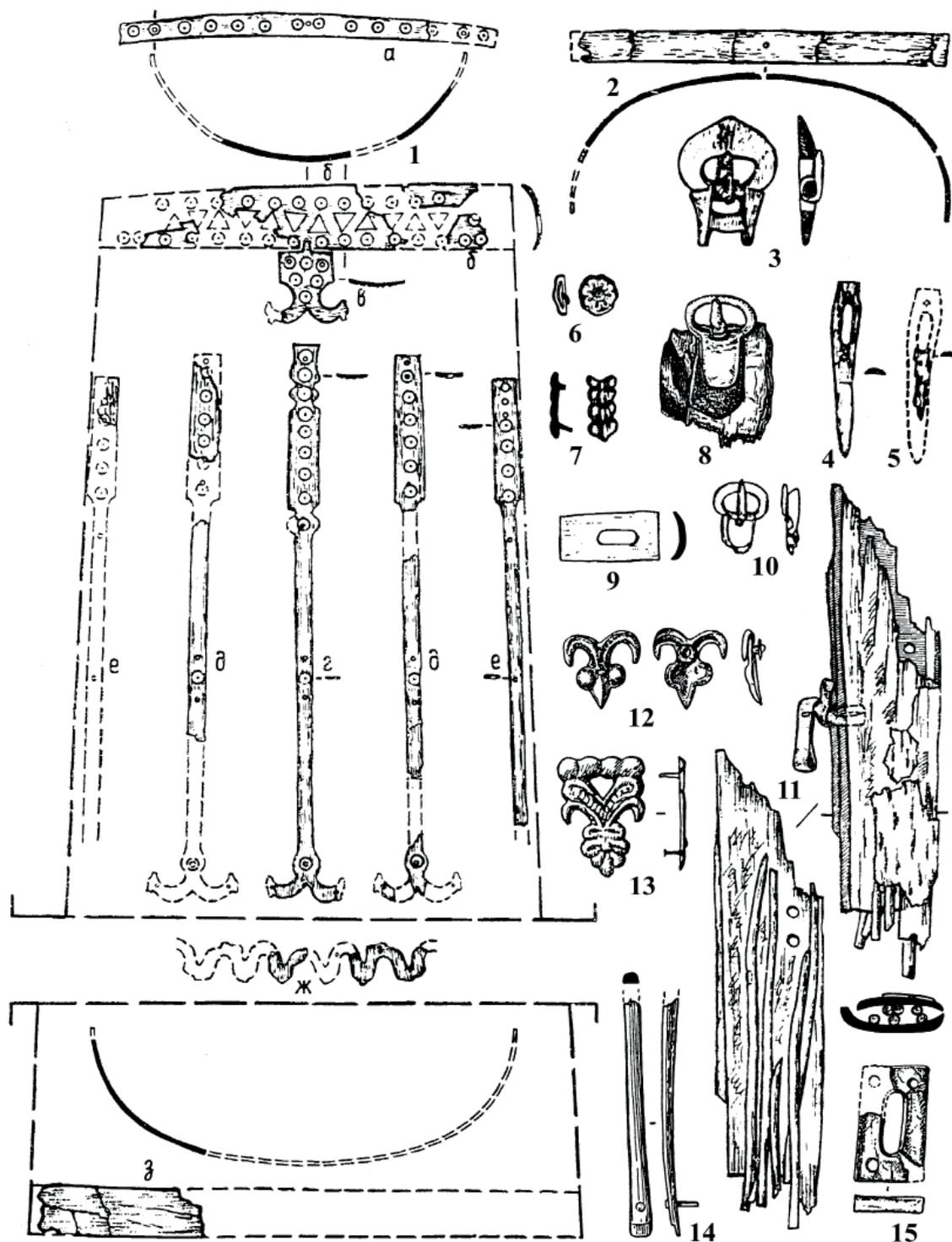

Рис. 7. Детали и фрагменты колчанов.

1 – Акчий II, 2. Расположение роговых накладок на остатках колчана: а – накладка верхнего края б, в – накладки вдоль верхнего края приемника и нижнего края кармана; д–е – вертикальные накладки вдоль приемника; ж – фрагмент накладки вдоль нижней части приемника; з – обломок накладки вдоль нижнего края колчана; 2–5 – Джаргас, 37 (2 – накладка на основание колчана, 3–5 – пряжка и обоймы для подвешивания); 6–8 – Гилево V, 6; 9, 10 – Джаргас 6 (кремация); 11 – Акчий III, I; 12–15 – Гилево VII, 4/2. 1, 2, 4, 5, 9, 14, 15 – кость, рог; 3 – рог, железо; 6, 7 – медь, серебро; 8 – медь, кожа, береста; 11 – дерево, береста, кожа; 12, 13 – серебро. 1–5, 9–11 – по Трифионов, 1987; 6, 8, 12–15 – по Могильников, 2002.

I,7/1 (рис. 8: 4) Г.И. Суворова и А.А. Ткачев считают «обкладкой лука» (Суворова, Ткачев, 1995, с. 254, рис. 4,18). Однако вряд ли это так, поскольку имеющаяся в этом погребении типичная срединная накладка лука подтрапцевидной формы с округленной спинкой (рис. 1: 1) (Суворова, Ткачев, 1995, рис. 4,20) не симметрична данной орнаментированной накладке с округленными концами. Возможно, что это была накладка колчана, как и фрагмент накладки с циркульным узором из КII,4 (рис. 8: 5). В таком случае можно предполагать, что эти накладки были прообразом широких орнаментированных накладок колчанов монгольского времени (Федоров-Давыдов, 1966, с. 31, рис. 4,1,2).

К поясу колчаны подвешивали в наклонном положении на двух ремешках, фиксирующихся бронзовыми, железными и костяными пряжками, которые, наряду с наконечниками ремней, находятся около остатков колчанов, где они не были нарушены грабителями. Бронзовая пряжка с остатками ремня и бронзовый гофрированный наконечник находился на колчане в GV,6 (рис. 7: 7, 8) (Могильников, 2002, рис. 24,2/7,11; 25,7,10), По мнению Ю.И. Трифонова, в Джартаc, 37, колчан мог пристегиваться к седлу с помощью роговой пряжки (рис. 7: 3), лежавшей у основания колчана (Трифонов, 1987, с. 125–126, рис. 66,7). Эта пряжка могла также служить для крепления колчана к портупее или поясу. Возможно, для крепления колчана служили маленькие бронзовые и железные пряжки в Джартаc, 6, и Акчий II,2 (Трифонов, 1987, с. 119, рис. 64,14; 84,5,8). В указанных случаях портупее были, очевидно, без тройников.

В качестве распределителей ремней служили кольца, а также круглые портупейные бляхи с тремя или четырьмя прорезями, разделенными перемычками соответственно под углом в 120 или 90 градусов (рис. 9: 3–6, 8) (Археологическая..., 1960, табл. IX,259; Могильников, 1981, рис. 24,16; 26,52,58,79; Суворова, Ткачев, 1995, рис. 5,22; Черников, 1957, с. 18). При пользовании бляхой с тремя прорезями к двум прорезям, очевидно, шли подвесные ремешки от колчана, а третья про-

резь служила для подвесного ремешка к поясу. При использовании блях с четырьмя прорезями и к поясу, и к подвешиваемому предмету шли по два ремешка, что делало конструкцию более удобной и более прочной. Бляхи с четырьмя прорезями являются более поздней усовершенствованной моделью в сравнении с бляхами с тремя прорезями. Последние появляются во второй половине VIII–IX вв., а с четырьмя прорезями, очевидно, не ранее второй половины IX в. Те и другие сосуществовали до середины XI в. Использование блях с тремя прорезями в качестве разделителей поясного садового ремня, как предлагает Г.В. Кубарев, представляется менее вероятным (Кубарев, 1998, рис. 2,4). В качестве блях-оправ на поясе, к которым крепились подвесные ремешки, в GVII,4,2 служили бляшки крыловидной формы (рис. 9: 1) (Могильников, 1981, рис. 26,54). Подобные бляхи-оправы представлены в IVIII,1 (Алехин, 1996, рис. 12).

Каких-либо приспособлений для крепления колчана к ремням портупее типа костяных петель, крючков в рассматриваемом регионе Верхнего Прииртышья и северо-западных предгорий Алтая IX–XI вв. не обнаружено. Только у дна колчана из Зевакино, 38 находилась железная скоба с остатками древесины на ней (Арсланова, 1969, с. 38). Находки колчаных петель и скоб редки также в памятниках сросткинской культуры Верхнего Приобья. Железная скоба встречена в погр. 5 второй половины X–XI вв. Сросток (Савинов, 1998, с. 177, рис. 5,6), а костяные петли – в Березовый Остров 1,4/1 конца X–XII вв. в Новосибирском Приобье (Адамов, 2000, с. 42, рис. 35,9), Беково XI–XII вв. в Кузнецкой котловине (Илюшин, 1993, рис. 48,4; 49,2,3). Петля этого типа найдена на городище Кипо-Кулары X–XII вв. в Омском Прииртышье (Конилов, 1987, рис. 3,1). В Минусинской котловине подобная петля встречена в погребении конца X – первой половины XI в. Узун-Хая (Кызласов, 1986, рис. 5). Аналогичные костяные петли более широко представлены у кочевников Восточной Европы в XI–XII вв. (Медведев, 1966; Плетнева, 1958, рис. 3,9; 1981, рис. 82,53; Смирнов, 1981, рис. 78).

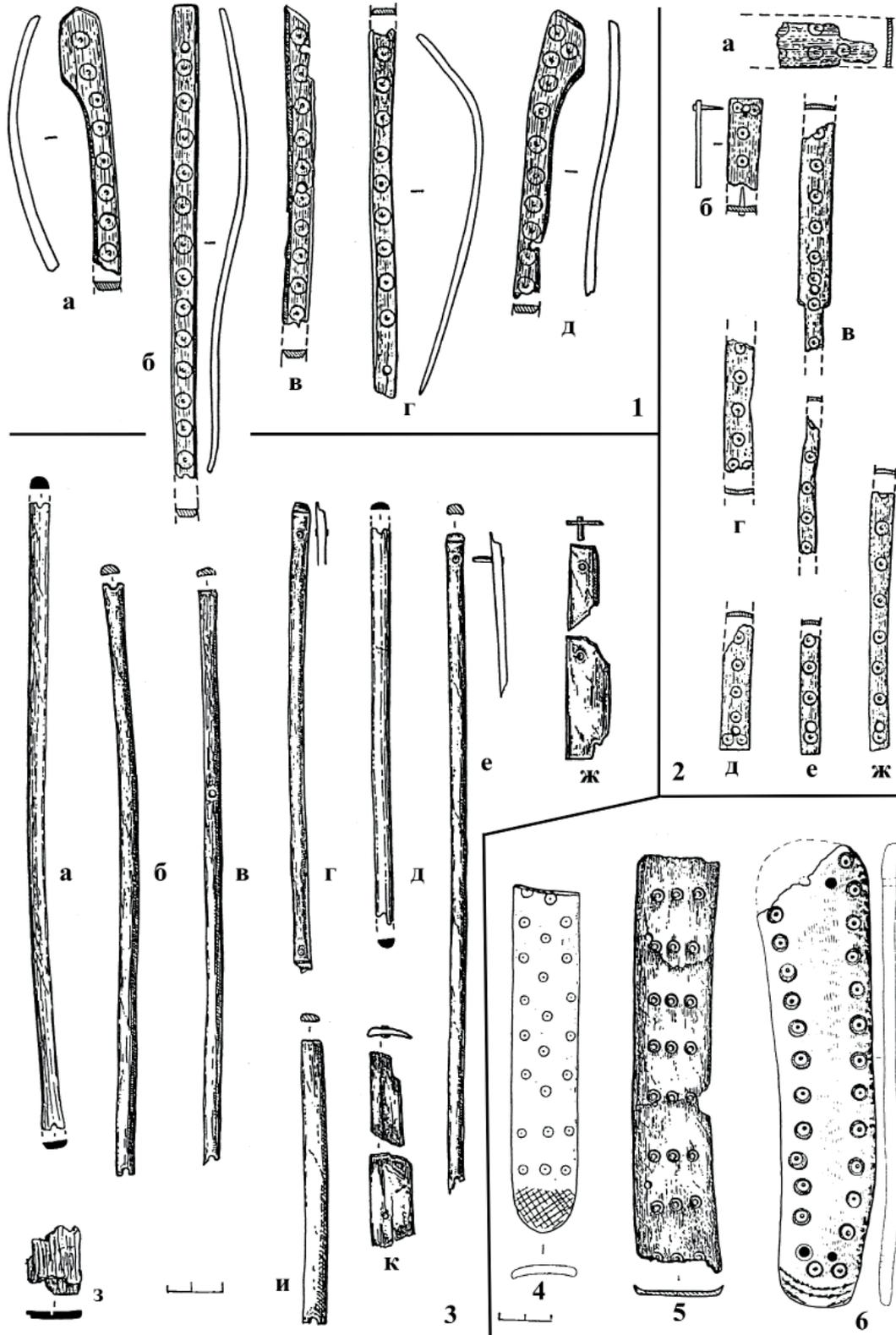

Рис. 8. Накладки колчанов.

1, 2 – Гилево XIII, 5, колчаны I, 2; 3 – Гилево VII, 4/2; 4 – Ахмирово I, 7/1; 5 – Корболиха II, 4; 6 – Шепчиха, 4. 1 а–д – фрагменты окантовок боковых краев кармана; 3 ж, з, к – обломки планок колчана; остальные – накладки на корпус приемника. 1–3, 5 – по Могильникову, 2002; 4 – по Суворова, Ткачев, 1995; 6 – по Тишкин, 1993а.

При редкости или отсутствии находок костяных петель на памятниках Южной Сибири, приалтайских и верхнеиртышских степей в особенности, можно предполагать, что пользовались деревянными петлями, наподобие реконструируемых для колчана VIII–IX вв. из Монгун-Тайги в Туве А.М. Савиным и А.И. Семеновым (Савин, Семенов, 1990, с. 84, рис. 1,4). Кроме того, вероятно, что колчаны имели ременные петли или петлю, ремень которой пропускался через бересту приемника колчана и базировался на планке каркаса. Очевидно, такая петля сохранилась на фрагменте колчана из Акчий III,1 (рис. 7: 11) (Трифонов, 1987, с. 170, 171, рис. 88,12). У колчанов с карманом второй ремень, оканчивавшийся петлей, мог охватывать горловину колчана. В ГVII,4/2, ск. 2, такой ремень у горловины колчана был, видимо, украшен V-образными серебряными бляшками (рис. 7: 12, 13) (Могильников, 2002, рис. 46,11; 47,24; 48,14). Подобные бляшки встречены в ИВIII,1 (Алехин, 1996, рис. 12). Для предохранения бересты в прорезях от разрушения могли служить костяные прямоугольные бляшки-оправы подпрямоугольной формы, встреченные в ГVII,4/2 и в Джартас, 6 (рис. 7: 5, 15) (Могильников, 2002, рис. 50,12; Трифонов, 1987, с. 119–121, рис. 64,12,13), которые приклепывались или приклеивались к приемнику. Подобные бляшки-оправы встречены в сrostкинских памятниках Восход 1 в Верхнем Приобье (Кирюш-

ин, Горбунов, 1998, с. 199, рис. 1,5,) и Третье Отделение 1/1 на юге Барабы (Бараба..., 1988, рис. 30,5). Данная система крепления близка к предлагаемой для древнетюркских колчанов реконструкции Б.Б. Овчинниковой, согласно которой «ремень колчана продевался сквозь отверстия в бересте и привязывался к деревянной планке внутри колчана (Овчинникова, 1990, с. 78). К ней же, очевидно, прикрепляли и костяные петли для подвешивания колчана» (Овчинникова, 1990, рис. 36,1–4).

Вероятно, только в редких случаях (Зевакино, 38) один из подвесных ремешков мог крепиться за железную скобу на дне колчана или цепляться за нее крючком. Железный крючок с кольцом встречен в Большие Луки 1,1/1 на юго-западе Барабы (Бараба..., 1988, рис. 30,6), но в этом регионе это также единичная находка.

В заключение можно отметить, что остатки колчанов встречены в погребениях мужчин-воинов и юношей. В Акчий II,2 колчан лежал в захоронении мальчика 6–8 лет (Трифонов, 1987, с. 158). Колчаны располагались преимущественно с правой стороны, реже поверх погребенного или слева. Это соответствует ношению колчана преимущественно с правого бока (Трифонов, 1987а, с. 195–196). Конструктивно колчаны кимаков были подобны колчанам тюрко-язычного населения Южной Сибири.

ПАЛАШИ И САБЛИ

Палаши и сабли были важнейшими предметами вооружения кочевников Верхнего Прииртышья и степных северо-западных предгорий Алтая IX–XI вв. Большинство находок происходит из мужских погребений с конем, чучелом коня, реже со сбруей без останков коня. Единичные находки (ГVII,4,2; ИВIII,2) происходят из погребений подростков с конем. В женских погребениях находки палашей и сабель неизвестны.

Палаш характеризует прямой однолезвийный клинок трехгранного сечения с прямо продолжающей его рукоятью. В отличие от палаша рукоять сабли для усиления рубящего

удара и придания эффекта резания отогнута от линии спинки клинка в сторону лезвия. Конец клинка, как и большая часть полосы, может быть треугольным в сечении или обоюдоострым для нанесения колющего удара. Подобно палашам ранние сабли имели прямые клинки, которые затем стали изогнутыми, сначала слабо, позже более сильно для увеличения режущего воздействия.

При характеристике клинкового оружия кимаков мы придерживаемся классификации Ю.С. Худякова, рассматривая отдельно в виде аналогий оружие сrostкинской культуры Верхнего Приобья и Барабы как связанное в

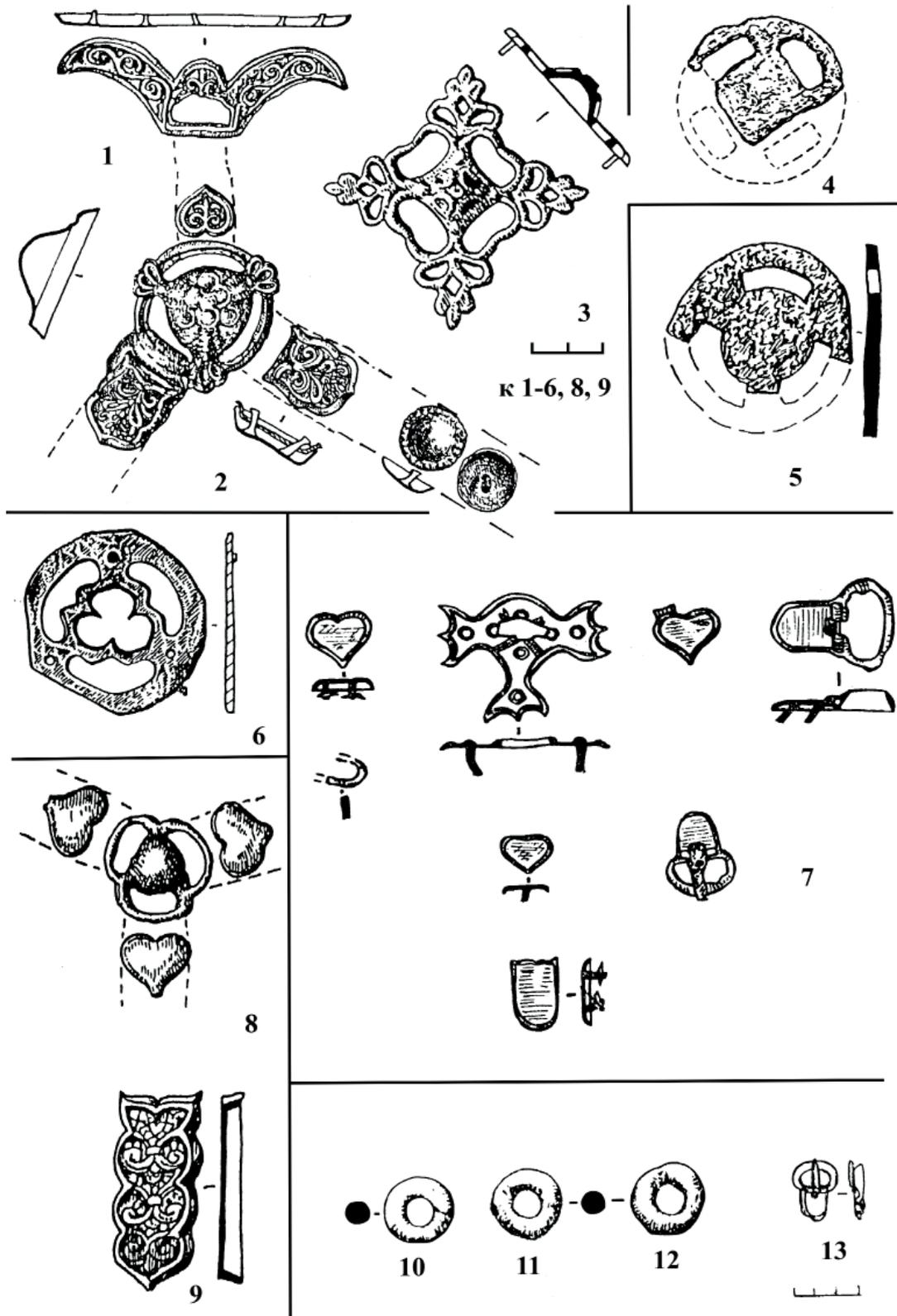

Рис. 9. Детали португей.

1-3 – Гилево VII, 4/2; 4 – Корболиха X, 8; 5, 6 – Гилево V, 1; 7 – Карашат I, 15 (стрелковый пояс – ?); 8, 9 – Гилево II, 3.; 10-13 – Джаргас, 7 – из кремации; остальные – из ингумаций. 4, 5, 10-12 – железо; остальные – медь, медно-серебряный сплав, 9 – с позолотой. 1-6, 8, 9 – по Могильников, 2002; 7, 10-13 – по Ю.И. Трифионов, 1987.

основном с иной этнической средой, хотя оно, бесспорно, во многом следовало кимакским образцам, частично сохраняя старые традиции (Худяков, 1986).

При классификации палаши, сабли делятся на группы по форме клинка. Внутри группы подразделяются на типы по форме перекрестия. Особенности оформления перекрестия выделяют варианты внутри типа.

В рассматриваемом регионе Верхнего Прииртышья и северо-западных предгорий Алтая нами учтено 18 находок палашей (в т. ч. 10 типологически определимых) и 20 находок сабель (в т. ч. 15 определимых типологически). Кроме того, в трех погребениях (ГХII,5; KVIII,3; АкчийIII,1) обнаружены остатки ножен без клинков (рис. 10: 9–11).

Палаши относятся к одной группе с прямым трехгранным клинком треугольного сечения. По форме перекрестия выделяется пять типов.

Тип I. С ладьевидным перекрестием. Включает 3 экз. из памятников: Луговское 1,1 на Алее (Горбунов, Ситников, 2000, с. 226, 227, рис. 1,1), Зевакино (случайная находка, сообщение И.Л. Кызласова); Солонювка, Приобье (Худяков, 1986, с. 191, рис. 85,2). Длина клинка около 70 см, ширина 3 см, высота рукояти 5 см. Палаш из Луговского обнаружен в выкиде из грабительской воронки и сохранился фрагментарно (рис. 11: 1). По найденным здесь же поясным цельнолитым бронзовым пряжкам с овальной дужкой и небольшим прямоугольным накладкам датирован второй половиной IX – первой половиной X вв. (Горбунов, Ситников, 2000, с. 226, рис. 1,2–5). Не исключена дата IX – первая половина X в. Конек клинка и завершение рукояти у палаша из Солонювки обломаны (рис. 11: 2).

В памятниках сrostкинской культуры палаши с подобным ладьевидным перекрестием происходит из к. 4 Сrostок раск. М.Н. Комаровой, 1925 г. (Савинов, 1998, рис. 4,11; Худяков, 1981, рис. 1,4; 1986, с. 191), к. 10/3 Рогозихи I (Неверов, 1990, с. 113). Подобные палаши найдены также в Минусинской котловине (Черная, к. 12), в Туве (Тора-Тал-Арты, к. СХ-59,4) (Худяков, 1980,

с. 36, 37, табл. V,2,3). Близкой формы палаши с ладьевидным перекрестием присутствуют в салтовской культуре (Плетнева, 1967, рис. 43,2; Винников, Плетнева, 1998, рис. 71,А; Мерперт, 1955, рис. 2,4а; 3,8; 4,1), в южном Приуралье (Мажитов, 1981а, рис. 20,30).

Тип 2. С прямым брусковидным перекрестием. Насчитывает 4 экз. из памятников: ГV,6, Акчий 11/2, Кызыл-Ту, 2, Юпитер, 4 (рис. 11: 3, 6; 12: 7, 8) (Могильников, 2002, рис. 25,19; Трифонов, 1987, с. 161, рис. 84,9; Плотников, 1981а, с. 164, рис. 1,1,2). Прямые клинки, слегка сужающиеся к концу, распавшиеся на части из-за коррозии, со следами дерева от ножен. Формы концов не установлены. Рукояти частично обломаны. Перекрестия напускные, довольно массивные, расширяющиеся к концам у палашей из Кызыл-Ту, 2, и Юпитера, 4 (рис. 12: 7, 8). Длина клинков 67–84 см, ширина 3,5–4 см, высота рукояти 10 см. Длина перекрестий 8,5–10,5 см. Ножны палаша из ГV,6 заканчивались железным наконечником (рис. 11: 3). Рукоять палаша из к. 4 Юпитера имела золотое ажурное навершие, а ножны – аналогичный наконечник с растительным орнаментом (Археологическая..., 1960, табл. IX,280). По сообщению Ю.А. Плотникова, аналогичный узор имело навершие сабли (Плотников, 1981а, с. 164), обнаруженной у г. Екимавцы в Молдавии (Кирпичников, 1966, с. 68).

К данному типу в сrostкинских памятниках Ю.С. Худяков (Худяков, 1986, с. 192) относит палаш из к. 5 Грязново II в восточной Кулунде. Правда, палаш из-за коррозии распался на части и его точные размеры не фиксируются (Могильников и др., 1980, с. 115).

Подобные палаши с обоюдоострым острием клинка с крестообразным (прямым с расширяющимися концами) перекрестием встречены на Алтае в Сrostках (Киселев, 1951, табл. VIII,5) в к. 1 Яконура и в Туве в Тора-Тал-Арты, к. СХ-59,4 (Худяков, 1980, с. 36, табл. V,1), а с прямым перекрестием, близким к пластинчатому, в гроте Узун-Хая начала XI в. в Минусинской котловине (Кызласов, 1983, с. 37, рис. 19,1).

Тип 3. С шипастым перекрестием. 1 экз. из к. 1 Орловки (рис. 11: 4) (Арсланова, 1969,

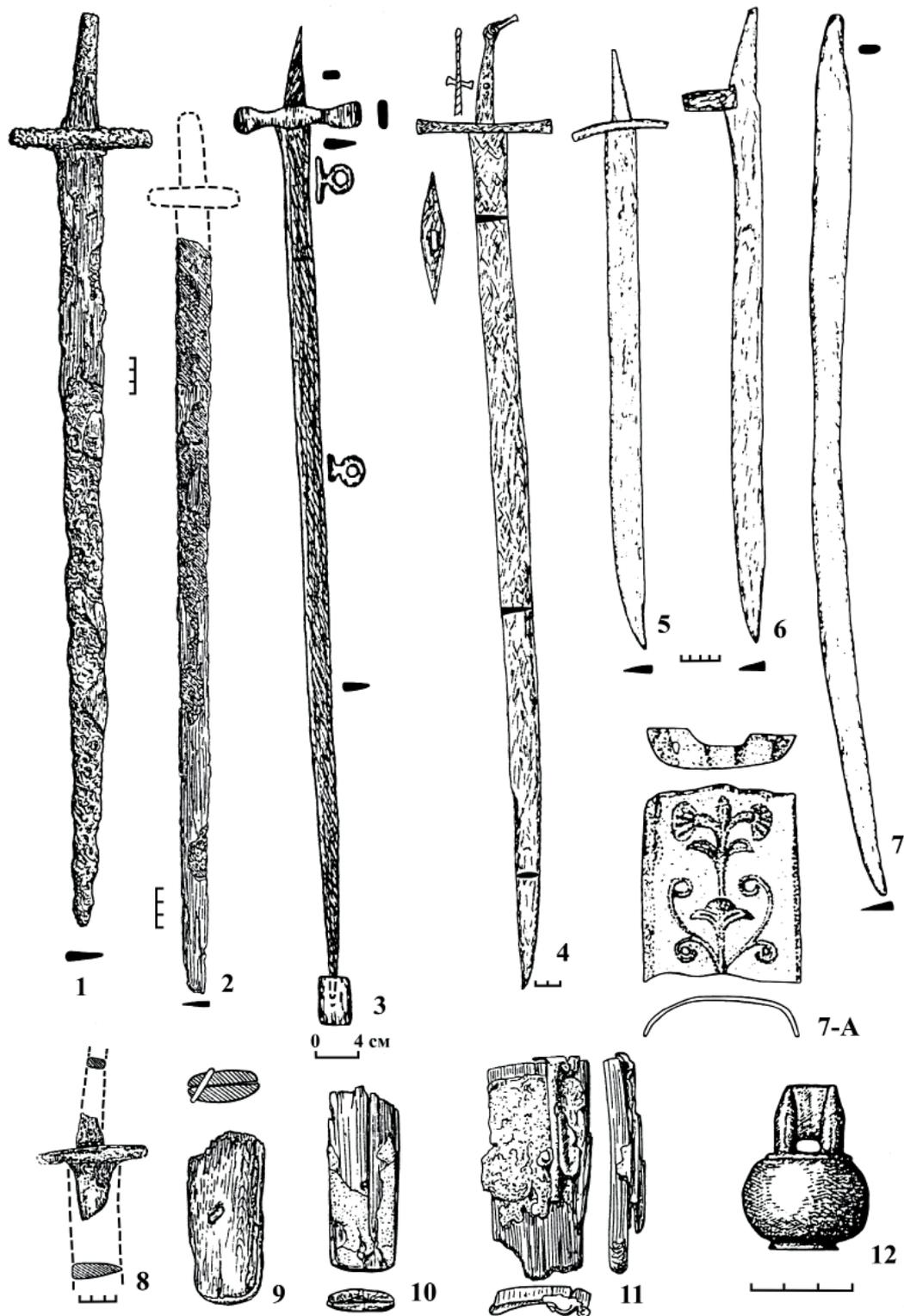

Рис. 10. Сабли, фрагменты ножен и кистень кимаков X – первой половины XI вв.
 I – Корболиха X, 8; 2, 12 – Гилево VII, 4, 2; 3 – Ивановка III, 1; 4 – Ахмирово II, 2; 5–7 – Ахмирово I, 7
 (5 – яма 2; 6 – яма 1; 7 – п. 1; 7а – медная накладка на ножны сабли из п. 1); 8, 9 – Гилево XII, 2;
 9 – Корболиха VIII, 3; 10 – Гилево XII, 4; 11 – Гилево XII, 5.
 1–8 – железо; 7а, 12 – медь; 9 – дерево; 10, 11 – дерево, кожа.
 1, 2, 8–12 – по Могильников, 2002; 3 – по Алехин, 1996; 4–7 – по Суворова, Ткачев, 1995.

Таблица 3. Классификация палашей и сабель (неопределимые до вида обломки не учтены) Верхнего Прииртышья и северо-западных предгорий Алтая.

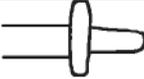
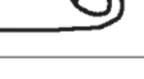
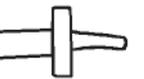
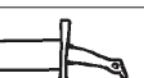
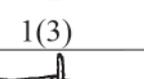
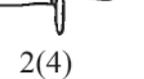
Вид	Группа	Тип	Размеры	Кол-во	Местонахождение
Палаш	Прямые	1 	70×34+4,6	3	Солоновка; Луговское I,I; Зевакино
		2 	84×4+10	4	Гилево V, 6; Кзыл-Ту, 2; Юпитер, 4; Акчий II, 2
		3 	68×3+15	1	Орловка I,I
		4 	85×4+9	1	Усть-Козлуха
		5 	6×3+15	1	(Гилево I,2; клинок обломан)
		6 неопред.		8	Гилево IV,I,V,5,VII,4,2; Шепч. I,4; Ив. IX,I; Барч. I,I; Кондр. I,3/I
		Всего	18		
Сабли	Прямые	1 	70×3+12	1	Карашат I,15, конец обоюдоострый
		2 	70×3+9	5	Гилево XII,2; КорболихаX,8; Кзыл-Ту, 5; Славянка 2; Гилево VII, 4, 2,2;
		3 	90×3+12	2	Ивановка III, 1, 2
		4 	78×3+8	1	Ахмирово II,2, конец обоюдоострый
		1(3) 	84×3,5+12	1	(Зевакино, 97)
		2(4) 	77×3x11	3	Кзыл-Ту, 6; Славянка, 9; (Джаргас, 6)
		3(5) 	74×3+7	1	Верхнее Прииртышье
	Слабо изогнутые	4(6) 	80×3+10	1	Ахмирово I, 7, I
7. неопред.		5	Гилево XII,I. XII,4; Ив. XXIV,I		

Таблица 4. Соотношение типов перекрестий с видами клинкового оружия

Тип	Палаша	Кол-во	Сабли прямые	Кол-во	Сабли слабо изогнутые	Кол-во	Итого
					Верхнее Прииртышье	1/	1/
	Усть-Козлуха, БЕVII/78, Сростки	1/2	<u>Чудым II,29</u>	/1	Ахмирово I,7/1	1/	2/3
	БЕVIII, 1/5	/1	Ахмирово II, 2 (Дмитро-Титово)	1/1	Кызыл-Ту, 6; Славянка, 9 (Джаргас, 6)	3/	4/2
	Сростки	/1	Ив. III, 1; Ив. III, 2 <u>Шадринцево, I</u>	2/1	(Зев. 97)	1/	3/2
	ГV,6; Кызыл-Ту,2; Юпитер,4; Акчий II,2; <u>Грязново II,5</u>	4/1	ГХII,2; ГVII, 4/2; КХ,8; Кызыл-Ту,5; Славянка, 2 <u>Берез. Остров I,8</u>	5/1	<u>Берез. Остров I,4</u>	/1	9/3
	Зев./ сл.н.; Луговское; Солоновка; <u>Сростки, 4;</u> <u>Рогозиха;</u> <u>Берез. остров I,3</u>	3/3	Карашат I, 15; (Сростки,2); БЕV/6	1/2	<u>БЕVIII, 2/2</u>	/1	4/6
	Орловка- I,1	1/					1/
	(ГI,2)	1/					1/
	Всего:	10/8		9/6		6/2	25/15

Подчеркнуты памятники сrostкинской культуры; в скобках – из кремаций: остальное – ингумации Верхнего Прииртышья и степных предгорий Алтая. В числителе – из Верхнего Прииртышья и степных предгорий Алтая; в знаменателе – из сrostкинских памятников Верхнего Приобья. ГV,6 – ингумация с чучелом коня.

с. 47, табл. I). Длина клинка 68 см, ширина 3 см, высота рукояти 15 см. Клинок прямой, однолезвийный, рукоять чуть отогнута в сторону лезвия, что позволяет считать этот экз. переходным типом от палаша к сабле. Перекрестие прямое, плохо сохранившееся, концы которого выступают в виде шипов. Концы рукояти и ножен, остатки которых сохранились на клинке, украшены серебряными парными бляхами с растительным орнаментом типа вьющейся лозы. Подобный орнамент покрывал две парные серебряные обоймы для крепления ремней, посредством которых ножны с палашом подвешивались к поясу (рис. 11: 4). Ножны были обернуты листовым серебром. Почти аналогичные деревянные ножны, покрытые берестяными накладками, с бронзовым двустворчатый наконечником с растительным орнаментом и двумя обоймами для подвешивания с подобным же узором (рис. 11: 5) обнаружены в подбойном погребении мужчины с конем к. 1 Акчий III в Верхнем Прииртышье, но сабля или палаш в них отсутствовали (Трифонов, 1987, с. 170–172,

рис. 88,2,3). Погребение к. 1 Орловки может быть датировано концом VIII–IX вв., к. 1 Акчий III – IX–X вв.

Тип 4. Без перекрестия, которое, вероятно, было из несохранившегося органического материала, возможно дерева. 1 экз. из Усть-Козлухи. Длина клинка около 85 см, ширина 4 см, высота рукояти 9 см (Худяков, 1986, с. 192). Ю.С. Худяков к этому типу относит в сrostкинской культуре палаша из Сросток и БЕVII, м. 78 (Худяков, 1986, с. 192). Клинки прямые с остроугольным острием и упором при переходе к черешку рукояти. Подобные палаша без перекрестия с IX в. известны у кыргызов (Худяков, 1980, с. 36–39, табл. IV,5).

Тип 5. Без перекрестия с плавным переходом от клинка к рукояти, завершающейся кольцом (рис. 6: 39). Клинок прямой, обломан, сохранилась только небольшая часть, прилежащая к рукояти, длиной 6 см, шириной 3 см. Высота рукояти 15 см. Ширина рукояти равна ширине лезвия. 1 экз. из погребения с кремацией ГI,2 (Могильников, 2002, рис. 5,7).

Палаши с загнутым крюком кольчатый навершием с прямым перекрестием или без перекрестия появляются в конце первой четверти I тыс. н. э. Одним из ранних экземпляров является палаш с кольцевым навершием из уезда Шань-Си в Китае, датируемый концом династии Восточная Хань – рубеж II–III вв., где он не характерен и является, как считает А.И. Соловьев, скорее всего привозным. Подобные формы представлены в раннем Средневековье Японии (Соловьев, 1987, с. 70, 71). В последующее время кольчатые навершия известны на Алтае в Берели V–VI вв. (Гаврилова, 1965, рис. 4,12), у населения лесной полосы Западной Сибири в могильнике Релка, Парабельской, Ишимской и Елыкаевской коллекциях VI–VIII вв. (Могильников, 1968, рис. 2,1,2; 1987, табл. ХСVI,38; Соловьев, 1987, рис. 12,2,3; 13,5; 14,7; Чиндина, 1977, рис. 6,1). Палаши с кольчатыми навершиями изображены на бронзовых фигурках всадников релкинской культуры из Релки, Шутова и Собакиной (Чиндина, 1991, рис. 30,10,12,13), а также у фигурки стоящего воина из Тимирязевского I могильника VI–VIII вв. под Томском (Чиндина, 1991, рис. 30,4). По-видимому, в лесном Приобье с его архаикой в облике культуры палаши и мечи с кольчатыми навершиями сохранялись наиболее долго и обломок палаша из Г1,2 отражает контакты проникших на Алтай енисейских кыргызов с более северным населением, хотя не исключено, что это изделие местных мастеров, возможно передававшееся по наследству.

Типы семи палашей из ГIV,1, ГV,1, ГV,5, ГVII,4,2, Шепчиха 1/4, ИвIX,1, Барчиха 1/1 не определены, т. к. от них сохранились только обломки прямых однолезвийных клинков без перекрестий (Могильников, 2002, рис. 18,11; 20,1; 23,15; 49,17; Тишкин, 1993а, рис. 4,1; Алехин, 1996, с. 65; Телегин, 1998, с. 182). Рукоятки их не дошли до нас, и, возможно, часть из них были прямыми саблями или имели перекрестия иной формы, чем описанные выше типы. В сrostкинской культуре Верхнего Приобья к таким не упомянутым выше типам относятся палаш с пластинчатым перекрестием из BEVIII,1/5 (Грязнов, 1956, табл. LI,1;

Худяков, 1986, с. 192, тип 3) с клинком длиной 85 см, шириной 4 см, высотой рукояти 15 см. Клинок прямой с остроугольным острием. На полосе сохранились остатки дерева и обойма от ножен.

Из Сrostкинского могильника происходит также палаш с крестообразным перекрестием из парных бронзовых пластин с зооморфным орнаментом с изображением львов. Длина клинка 86 см, ширина 4 см. На клинке от ножен сохранились две пары бронзовых обоим, соединенных петлями и наконечник украшенные зооморфным декором. С.В. Киселев полагал, что этот палаш попал на Алтай с Переднего Востока (Киселев, 1951, с. 556, табл. LVIII,5; Худяков, 1986, с. 191, тип. I).

Кроме того, в отличие от территории кимаков в Верхнем Прииртышье и степных предгорьев Алтая, на северо-востоке ареала сrostкинской культуры в Кузнецкой котловине в к. 2/1 Тарасово VIII–IX вв. обнаружен меч с прямым двулезвийным клинком линзовидного сечения с брусковидным перекрестием, с остроугольным острием. Сильно корродирован, в обломках. Длина сохранившейся части клинка около 60 см, ширина 2 см, высота рукояти 10 см (Бородкин, 1977, рис. 2,12; Худяков, 1986, с. 191). Данная находка меча может объясняться двумя обстоятельствами. С одной стороны, это сохранение форм орудия предшествующего времени в раннем сrostкинском комплексе, с другой – в условиях лесной зоны и лесостепи, каковой является Кузнецкая котловина, возможности применения такого рубящего оружия, как палаши и сабли, были ограничены древесной растительностью, что вело к использованию в ближнем бою колющего оружия. Исходя из вышеизложенного, представляется недостаточно точным заключение Ю.С. Худякова, что «в конце I тыс. н. э. у кимаков были на вооружении все виды рубяще-колющего оружия: мечи, палаши, сабли» (Худяков, 1986, с. 194). У кимаков мечи уже вышли из употребления, и все большее распространение, очевидно, со второй половины IX–X вв. получают сабли.

К случайным находкам относится китайский палаш, обнаруженный в 1959 г. при

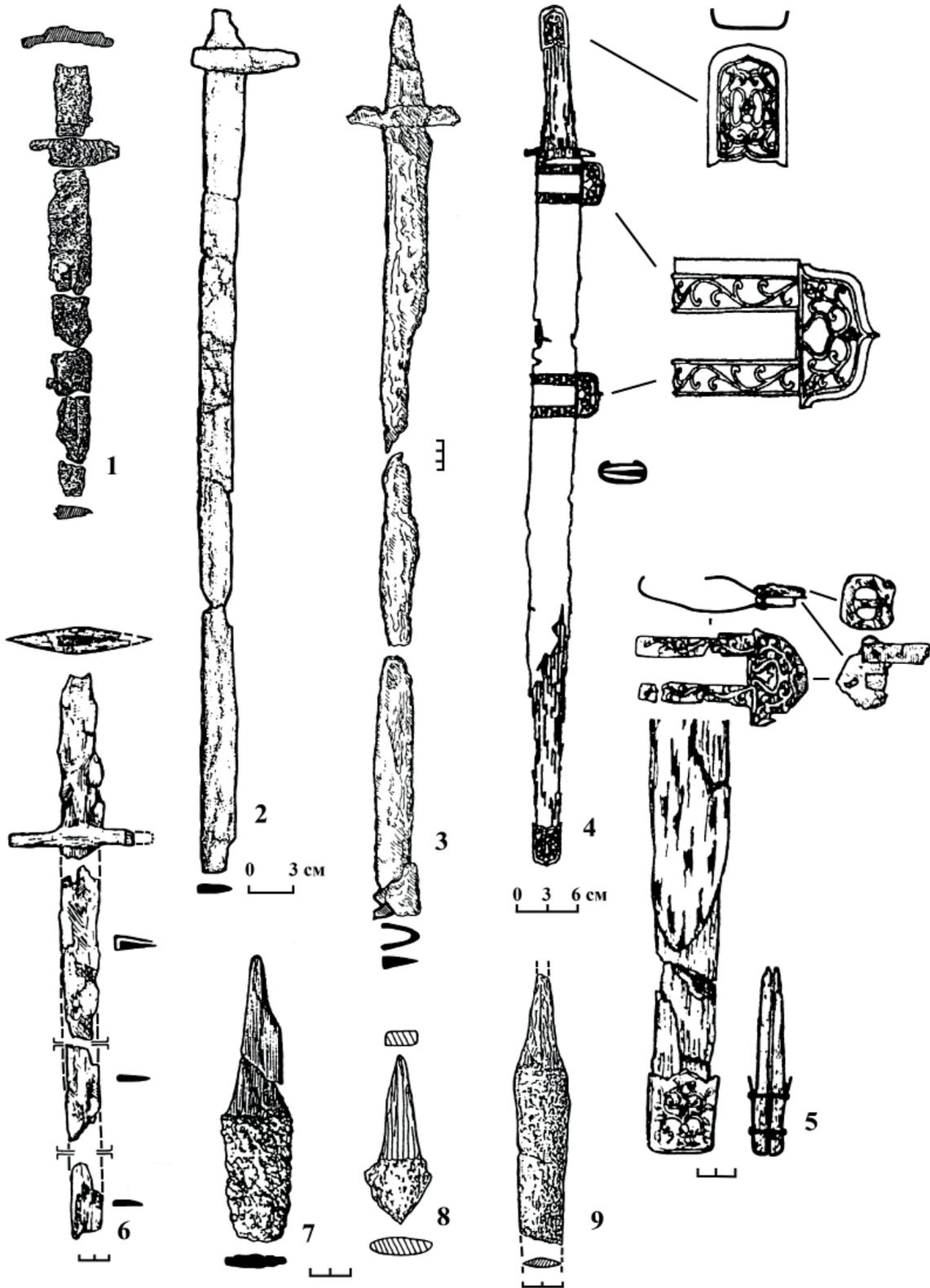

Рис. 11. Палаши, ножны, кинжалы из погребений с ингумациями.
 1 – Луговское 1, 1; 2 – Солоновка; 3 – Гилево V, 6; 4 – Орловка I, 1; 5 – Акчий III, о.1; 6 – Акчий II, 2;
 7 – Гилево VII, 4, 1; 8 – Гилево VIII, 5; 9 – Гилево XII, 1. 4 – железо, бронза; 5 – дерево, бронза;
 остальное – железо. 1 – по Горбунов, Ситников, 2000; 2 – по Худяков, 1981; 3, 7–9 – по Могильников,
 2002; 4 – по Арсланова, 1969; 5, 6 – по Трифионов, 1987.

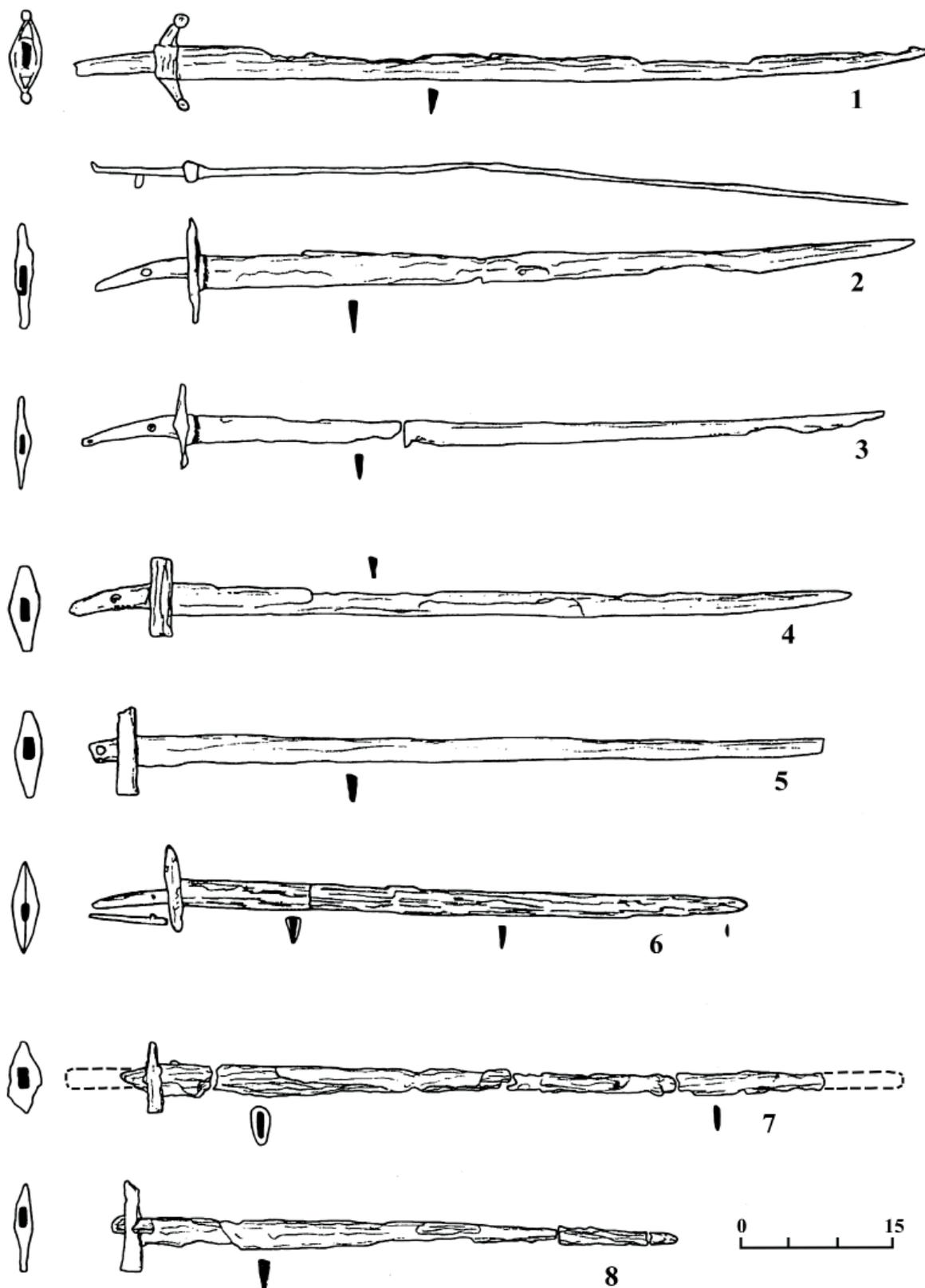

Рис. 12. Палаш и сабли кимаков Верхнего Прииртышья IX–XI вв.
 1 – Верхнее Прииртышье; 2, 4 – Славянка (2 – к. 9; 4 – к. 2); 3, 5, 8 – Кзыл-Ту (3- к. 6; 5 – к. 5; 8 – к. 2);
 6 – Карашат I, 15; 7 – Юпитер, 4. 1–5, 7, 8 – по Плотников, 1981б (раскопки С.С. Черникова);
 6 – по Трифионов, 1987).

вспахке огорода в д. Кабаково на левобережной террасе низовий Алея. Общая длина палаша 90 см. Клинок длиной 75 см, шириной 3,4–3,7 см, слабо изогнут, конец косо срезан, рукоять чуть наклонена к лезвию, что свойственно переходной форме от палаша к сабле. Рукоять палаша длиной 14,5 см, шириной 1,5–2 см имела в верхней части два отверстия для крепления деревянных обкладок рукояти, которые в нижней части, у перекрестия, стягивались медной обоймой. Перекрестие медное пластинчатое овальное с максимальным диаметром 6,5 см с загнутыми вниз краями. Навершие в виде яблока со срезанным внизу краем, диаметром 3,7 см, покрыто медной оковкой. Палаш, по-видимому, помещался в деревянных ножнах, от которых сохранилась медная обойма размером 4,5×2 см, при ширине пластины 1,3 см. Все медные части – обоймы, перекрестие, оковка навершия – были украшены сложным гравированным орнаментом, изображавшим вероятно, сильно стилизованную сцену нападения грифона на горного козла. На Алей этот палаш мог попасть через енисейских кыргызов, поддерживавших связи с Китаем (Уманский, 1991, с. 132, 133, 137, рис. 2).

Сабли в памятниках кочевников верхнего Прииртышья и степных северо-западных предгорий Алтая представлены 20 находками, в т. ч. 15 типологически определимыми. По форме клинка сабли делятся на две группы – прямые и слабо изогнутые, которые по форме перекрестия подразделяются на типы (табл. 3, 4).

Группа 1. Трехгранные прямые, с острым концом. Четыре типа. 9 экз.

Тип I. С ладьевидным перекрестием. 1 экз. из Карашат I/15 (Трифонов, 1987, с. 188, рис. 97,20). Клинок почти прямой с раскованным на два лезвия острым донцом, в нижней трети чуть изогнут. На поверхности интенсивные следы деревянных ножен. Длина клинка 70 см, ширина 3 см, высота рукояти 12 см (рис. 12: 6).

Прямые сабли с ладьевидным перекрестием и отогнутой рукоятью представлены в БЕУ/6 (Грязнов, 1956, с. 148, табл. LVII,2) и в к. 2 Сросткинского мог., раск. С.М. Сергеева

1930 г. (Гаврилова, 1965, с. 69, рис. 11; Савинов, 1998, с. 179, табл. VII,6,8,9; Худяков, 1981, с. 118, рис. 1,2; 1986, с. 192, рис. 86,1). Длина клинка 80 см, ширина 6 см, высота рукояти 8 см. Острие обломано. На клинке следы ножен, оклеенных берестой. Данное погребение А.А. Гаврилова считает одним из наиболее ранних в Сросткинском могильнике (Гаврилова, 1965, с. 69, 70), поскольку формы инвентаря сохраняли особенности вещей катандинского этапа конца VII – VIII вв., а нижний хронологический предел определяют встреченные в могиле две тюргешские монеты (когана Мохэ-Дагана (740–742 гг.) и вторая – 766–780 гг.). В целом по комплексу инвентаря дата погребения может быть определена концом VIII – серединой IX в., скорее первой половиной – серединой IX в., что важно для определения времени появления сабель на Алтае.

Тип 2. С брусковидным перекрестием. 6 экз. из памятников Кызыл-Ту, к. 5; Славянка, к. 2, Ахмирово I/7 – Верхнее Прииртышье (Плотников, 1981а, рис. 1,1,4; Суворова, Ткачев, 1995, рис. 2,23; Худяков, 1986, с. 192, 193, рис. 86,23); ГVII,4/2,2; GXII,2; KX,8 (Могильников, 2002, рис. 46,8; 86,5; 193,15). Длина клинка около 70 см, ширина 3 см, высота рукояти 9 см. Клинок прямой с остроугольным концом. Черен рукояти снабжен заклепками для крепления деревянных накладок. Перекрестие и рукоять в ГVII,4,2/2 утрачено при расчистке, у GXII,2 сохранился только фрагменты клинка и рукояти, прилежавшие к перекрестию, но они позволяют представить тип оружия, кроме степени изгиба клинка и формы его окончания (рис. 10: 1, 2, 8; 12: 4, 5). Следует отметить, что грань между ладьевидным и брусковидным перекрестием не всегда четко определяется. К примеру, перекрестия сабель из GXII,2 и KX,8 могут рассматриваться как брусковидные и ладьевидные (рис. 10: 1, 8).

Прямая сабля с брусковидным перекрестием происходит из могильника сросткинской культуры Березовый Остров I X–XI вв. в Новосибирском Приобье (к. 8/2). Ее клинок длиной 80,7 см, шириной 3 см. На клинке ча-

стично сохранились следы ножен, оклеенных берестой (Адамов, 2000, с. 43, рис. 42,9). Прямые сабли «хазарского типа» с брусковидным перекрестием представлены также у кочевников степей Восточной Европы (Плетнева, 1981, рис. 36,31; Мерперт, 1955, рис. 2,4а; 3,8; 4,1; Корзухина, 1950, с. 75, табл. II, III), у ранних болгар на Среднем Поволжье (Багутдинов и др., 1998, рис. 23,2; Богачев, 1998, рис. 14,11; Генинг, Халиков, 1964, рис. 16,12), в Южном Приуралье (Мажитов, 1981а, рис. 24,18).

Тип 3. С крестовидным перекрестием. 2 экз. из ИвIII,1, 2. Прямой клинок длиной около 90 см, шириной 3 см, высота рукояти 12 см, с плавно сужающимся в нижней трети острым концом. На клинке у перекрестия имеется небольшой уступчик (рис. 10: 3). Перекрестие с небольшим ромбическим расширением в центре и округленными расширениями у концов. От ножен сохранились две бронзовые антапки и наконечник. Второй экземпляр распался на части (Алехин, 1996, с. 60–64, рис. 13).

Прямая сабля с крестовидным перекрестием известна среди случайных находок в Минусинской котловине (Худяков, 1980, с. 40, табл. VII,1). Ножны с двумя антапками и оковкой на конце представлены у изогнутых сабель кочевников степей Восточной Европы X–XIV вв. (Федоров-Давыдов, 1966, с. 23).

Тип 4. С пластинчатым перекрестием. 1 экз. из Ахмирово II,2 (Ткачев, Ткачева, 1999, с. 143, 144, рис. 4,16). Прямой клинок длиной 78 см, шириной 3 см, в нижней четверти обоюдоострый, раскован с обеих сторон. Длина перекрестия 10 см. Рукоять высотой 8 см имеет заклепку для крепления деревянной накладки и завершается колечком с продетым шарниром для крепления темляка(?) (рис.10: 4).

Прямые сабли с пластинчатым перекрестием, с острым двухлезвийным концом найдены в кургане с кремацией Дмитро-Титово IX–X в. на чуме (Кирюшин, Неверов, 1991, рис. 1,11) и близ с. Аскиз в Минусинской котловине (Худяков, 1980, с. 40, табл. VII,2).

В конце VII–VIII вв. они известны у ранних болгар (Матвеева, 1997, рис. 114,2), в VIII–IX вв. в салтыковской культуре, в Крюково-Кужковском могильнике и в Приуралье (Корзухина, 1950, табл. II, III; Мерперт, 1955, рис. 5).

Группа 2. Трехгранные, слабо изогнутые сабли. Четыре типа. 6 экз.

Тип 1. С крестообразным перекрестием. 1 экз. происходит из погребения с кремацией к. 97 Зевакино, которое датировано Ф.Х. Арслановой VIII–IX вв. (Арсланова, 1972, с. 64, 65, 70, рис. 2). По описанию Ф.Х. Арслановой (Арсланова, 1972, с. 64, 66), «сабля длиной 95 см, шириной 3,5 см имеет слегка изогнутую полосу и скошенную в сторону лезвия рукоять с надетым на нее бронзовым навершием в виде полуовала. В середине рукояти имеется шип с надетой на него шестилепестковой бронзовой шляпкой» (рис. 6: 8). Бронзовое литое двусоставное перекрестие с ромбическим расширением в центре и чуть – у концов. От ножен на клинке сохранились две пары овальных бронзовых обойм с несомкнутыми концами. К нижней обойме приклепана бляха-скоба, аналогичная навершию. Перекрестие, бляха и навершие украшены ажурным растительным орнаментом.

Пока это одна из наиболее ранних сабель среди известных сабель со слабо изогнутым клинком у кочевников Саяно-Алтая. По мнению Ф.Х. Арслановой (Арсланова, 1972, с. 66), по форме данная сабля наиболее близка раннесредневековым саблям Восточной Европы (Корзухина, 1950, с. 75, табл. II, III, Мерперт, 1955, с. 3, 10, 12), Алтая (Евтюхова, 1952, рис. 67) и Поволжья (Генинг, Халиков, 1964, рис. 16,1). К данному типу Ю.С. Худяков (Худяков, 1980, с. 42, табл. VIII,1) относит саблю с крестовидным перекрестием, найденную случайно в Минусинской котловине. В отличие от Зевакинской сабли эта сабля имеет оковку, спускающуюся язычком по лезвию на 8 см. Подобные оковки встречены у ряда образцов клинкового оружия из Минусинской котловины (Худяков, 1980, табл. IV,1,6; V,1,2; VI,1; VII,1,3; VIII,1) и не свойственны палашам и саблям с Алтая.

Тип 2. С пластинчатым перекрестием. 3 экз. из памятников Славянка, 9, Кызыл-Ту, 6, Джаргас, 6 – все из Верхнего Прииртышья (Плотников, 1981а, с. 166, рис. 2,1,2; Худяков, 1986, с. 192, рис. 86,5,6; Худяков, Плотников, 1995, с.96, рис. 3,6,8; Трифионов, 1987, с. 119, рис. 63). Курган Джаргас, 6, содержал останки кремации с непережженным инвентарем, остальные – ингумации с конем. Клинки треугольного сечения полого сужаются в нижней трети к приостренному концу. Экземпляры из Кызыл-Ту, 6, и Славянки, 9, имеют у перекрестия небольшие уступчики. Рукояти снабжены шипами для крепления деревянных обкладок. Длина клинков 67,2–77 см, ширина 3–3,4 см, высота рукоятей до 12,3 см, длина перекрестия до 9,5 см (рис. 6: 8; 12: 2, 3). Сабли из Кызыл-Ту, 6, и Славянки, 9, рассматривались Ю.А. Плотниковым и Ю.С. Худяковым как прямые. Однако имеющийся у них небольшой прогиб спинки клинка дает основание относить их к слабо изогнутым.

Несколько более изогнутая сабля с пластинчатым перекрестием обнаружена в к. 9 у ст. Минусинск. Конец ее острый, двулезвийный (Худяков, 1980, с. 44, табл. VIII,3). В конце VIII–IX вв. прямые и слабо изогнутые сабли с пластинчатым перекрестием известны в Южном Приуралье (Мажитов, 1981, рис. 42,13; 50,9; 1981а, рис. 55,28,30), в праболгарских могильниках конца VII–VIII вв. Среднего Поволжья (Богачев, 1998, рис. 14,10), в VIII–IX вв. в салтовской культуре, в Крюково-Кужновском могильнике мордвы (Корзухина, 1950, табл. II, III; Мерперт, 1955, рис. 4,5; Плетнева, 1967, рис. 43,1), в лесостепном Заволжье (Халикова, 1976, рис. 4,21).

Тип 3. С фигурным перекрестием с отогнутыми вниз концами. 1 экз. из раскопок С.С. Черникова в Верхнем Прииртышье (Плотников, 1981а, с. 166, рис. 2,3; Худяков, 1986, с. 193, рис. 86, 4; Худяков, Плотников, 1995, рис. 3,5). Длина клинка 74 см, ширина 3 см, высота рукояти 7 см, длина перекрестия 9 см. Однолезвийный клинок с остроугольным концом. Напускное перекрестие состоит из двух пластин, соединенных на концах шариками. Концы опущены вниз, что делает

перекрестие более совершенным, не позволяющим при фехтовании клинку врага соскользнуть на руку (рис. 12: 1). Спинка клинка имеет очень небольшой прогиб, из-за чего эта сабля рассматривается Ю.А. Плотниковым и Ю.С. Худяковым как прямая.

Данная сабля, скорее всего, импортная из Средней Азии. Ближайшей аналогией является сабля с арабской надписью из к. 2 X–XI вв. Эйлиг-Хем III в Туве. Шляпка заклепки на рукояти этой сабли имеет вид четырехконечной розетки (Грач и др., 1998, табл. X,1; Худяков, 1980, с. 42, табл. VII,4).

Сабли с подобными перекрестиями хорошо известны в венгерских древностях начиная с периода овладения родины, конец IX в., и позднее – в X – начале XI вв., в т. ч. встречен экземпляр с четырехконечной бронзовой розеткой на заклепке рукояти (Fodor и др., 1996, Pl. 69, 87, 119, 121, 253, 363, 374, 397, 398, 411). Сабли с перекрестием близкой формы с шариками на концах представлены в IX–X вв. в Приуралье (Мажитов, 1981а, рис. 55,29), а с перекрестиями с опущенными вниз концами – у кочевников Восточной Европы X–XII вв. (Плетнева, 1958, рис. 4,11; Федоров-Давыдов, 1966, с. 23, тип. II).

В этот период сабли с перекрестиями с опущенными вниз концами, заканчивающимися шариками, были на вооружении дружинников древней Руси (Кирпичников, 1966, табл. 5, рис. 13). Аналогичное перекрестие имела так называемая «сабля Карла Великого», датируемая А.Н. Кирпичниковым рубежом X–XI вв. – 80-ми гг. X – 20-ми гг. XI вв. (Кирпичников, 1965, с. 272, рис. 1).

Тип 4. Без перекрестия, 1 экз. из Ахмирово I,7/1 (Суворова, Ткачев, 1995, рис. 2,24). Однолезвийный, треугольный в сечении клинок с острым концом длиной 80 см, шириной 3–3,5 см. Рукоять длиной 10 см четко не отделена от клинка и является продолжением лезвия (рис. 10: 7). Сохранился фрагмент бронзовой оковки ножен с растительным орнаментом (рис. 10: 7а).

Сабли без перекрестия, но с уступами со стороны спинки и лезвия при переходе от клинка к рукояти известны в к. 29 Чулым II

IX–X вв. в Барабе (Бараба..., 1988, рис. 26,8), в Минусинской котловине (Худяков, 1980, с. 44, табл. VIII,4–7), у кочевников степей Восточной Европы (Федоров-Давыдов, 1966, с. 22, 23, тип АII). Перекрестие их или утрачено, или было из органических материалов.

Из BEVIII/2 происходит также слабо изогнутая сабля с ладьевидным перекрестием. Длина клинка 80 см, ширина 3 см, высота сохранившейся части рукоятки 3 см. Клинок полого сужается к острию. Степень изгиба клинка больше, чем у вышеописанных сабель (Грязнов, 1956, табл. LIII,2; Худяков, 1986, с. 193, рис. 86,6).

Кроме того, в сроткинском к. 4 X–XI вв. Березовый Остров 1 в Новосибирском Приобье обнаружена слабо изогнутая сабля с брусковидным перекрестием, рукоятка которой почти не имела наклона в сторону лезвия. Длина клинка 80 см, ширина 3 см (Адамов, 2000, с. 43, рис. 35,13).

Наличия у слабо изогнутых сабель в сроткинских памятниках архаичных брусковидного и ладьевидного перекрестий отражает, вероятно, сохранение старых традиций у лесостепного населения Верхнего Приобья, в то время как у кочевников степи эти формы выходят из обихода (табл. 3, 4).

Примечательно сравнительно малое количество находок палашей и сабель в сроткинских памятниках Барабы. Здесь они обнаружены в кк. 22, 23, 28, 29 Чулым-2. В первых двух были обломки однолезвийных клинков, а в к. 29 – обломки прямой сабли (?) без перекрестия из общего количества 37 вскрытых курганов (Бараба..., 1988, с. 37, 45, 63, рис. 22,14; 26,8). В соседней северо-западной Кулунде обломки палаша или сабли обнаружены вместе с неподвижно-щитковой пряжкой в разрушенном погребении с ингумацией IX–X вв. (Уманский, 1991, с. 129, рис. 1), а разломанный палаш с ладьевидным перекрестием встречен во впускном погребении 1 IX–X вв. Куриловки III,1, содержащем разграбленное захоронение воина с конем (Могильников, 1986, с. 194), но воздействие кимаков в Кулунде было более интенсивным.

Боевые ножи или короткие палаши. Относятся к группе I, с прямым клинком. 2 экз. из Ахмирово I,7 (рис. 10: 5, 6). По форме перекрестия относятся к двум типам.

Тип I. С брусковидным перекрестием. 1 экз. из Ахми,7/яма 1 (Суворова, Ткачев, 1995, рис. 2,23). Прямой клинок треугольного сечения с чуть горбатой спинкой и острым концом длиной 50 см, шириной 3–3,4 см. Стержень рукоятки клиновидной формы высотой 9 см. Перекрестия сохранилось частично и первоначально было длиной около 10 см. Рукоять четко не отделена от клинка, со стороны спинки имеет небольшой пологий уступчик, а со стороны лезвия является его продолжением, что аналогично форме рукоятки у вышеописанных слабо изогнутых сабель без перекрестия из Ахми,7/1 и BEVI,6 (рис. 10: 7). Слабый прогиб лезвия клинка, очевидно, является следствием сточенности (рис. 10: 6).

Тип 2. С пластинчатым перекрестием. 1 экз. из Ахми,7/яма 2 (Суворова, Ткачев, 1995, рис. 2,22). Прямой клинок треугольного сечения с острым концом длиной 51,5 см, шириной 3,4 см с клиновидным стержнем рукоятки длиной 8 см. Перекрестие длиной 9 см слегка дуговидное с концами, опущенными к клинку (рис. 10: 5). Слегка прогнутые пластинчатые перекрестия были позднее у сабель монголов (Худяков, 1991, с. 130, рис. 72,5). Известны они и у кочевников степей Восточной Европы (Федоров-Давыдов, 1966, с. 23, рис. 3,Б1).

Авторы публикации, Г.И. Суворова и А.А. Ткачев, квалифицировали и то, и другое изделия как палаши (Суворова, Ткачев, 1995, с. 254, 255). Однако из-за сравнительно короткого для палаша клинка они служили в основном для колющего удара, который при достаточной массивности клинка мог пробить и металлические доспехи. Наиболее вероятно, это оружие пехотинцев.

По величине данные экз. ножей близки боевым рубильным ножам населения лесного Приобья развитого и позднего Средневековья, с XIII–XIV до XVI–XVII вв., которые достигали длины 50 см, насаживались на массивную длинную деревянную рукоять и могли служить универсальным рубящим и колющим

оружием, применявшимся как на войне, так и для охоты на крупного зверя, медведя (Соловьев, 1987, с. 88–90). Черешки ножей из Ахмирово I рассчитаны на подобные массивные рукояти, в которых они могли держаться без заклепок. Перекрестия сабельного типа говорят за использование их в качестве оружия. Возможно, это ранние прообразы рубильных ножей более позднего времени. Появление у таких ножей в XIII–XIV вв. втульчатого насада способствовало более прочному креплению их с деревянной рукоятью.

На смежной территории Хакасско-Минусинской котловины боевые ножи появляются в тюхтятской культуре IX–X вв., затем известны в аскизской культуре. Из случайных находок в Минусинском музее хранятся экземпляры длиной почти 0,5 м (Кызласов, 1983, с. 38, табл. XVIII, 8, 9). В XIII–XIV вв. боевые ножи, пальмы, представлены также в комплексе вооружения монголов (Худяков, 1991, с. 136, рис. 75), правда, они несколько отличаются от вышеописанных ножей-палашей из Ахмирово.

Подводя итог, можно отметить, что у кочевников Верхнего Прииртышья и северо-западных предгорий Алтая в IX – первой половине XI в. были на вооружении палаша, прямые и слабо изогнутые сабли, и, очевидно, со второй половины X – первой половины XI вв. начинают распространяться крупные боевые ножи за счет трансформации – уменьшения длины и придания большей остроты концу клинка палаша. Таким образом, палаш послужил исходной формой в первую очередь прямой сабли и, вероятно, в известной мере боевых ножей. При этом палаша и сабли весьма длительное время, включая весь указанный период, применялись параллельно. Но все же наметилась тенденция все большего распространения сабли, особенно у кочевников степи. В вышеуказанном регионе степных предгорий Алтая и Верхнего Прииртышья нами учтено 25 экз. типологически определимого рубяще-колющего оружия (кроме двух боевых ножей из АхмI, 7). В их числе 10 палашей и 15 сабель, в т. ч. девять прямых и шесть слабо изогнутых. Из них один палаш (Г1, 2) и две слабо изогнутых сабли (Джаргас, 6, Зев, 97) происходят из

погребений с кремациями, остальные – из ингумаций. В сrostкинских памятниках Верхнего Приобья в этот же период доминировали палаша. Там нами учтено восемь палашей и семь сабель, в т. ч. пять прямых и две слабо изогнутых. Из них две прямые сабли были в погребениях с кремациями (табл. 3, 4). Примечательно, что более архаичный комплекс вооружения сочетается здесь с традиционными формами деталей оружия. Так, более архаичные ладьевидное и брусковидное перекрестия представлены у слабо изогнутых сабель из БЕVIII, 2 и Березовый Остров 1, 4 в Верхнем Приобье (Грязнов, 1956, с. 146, табл. 1, 3, 2; Адамов, 2000, с. 43, рис. 35, 13; Худяков, 1981, с. 118, рис. 1, 6). В отличие от этого в степном Верхнем Прииртышье в это время в связи с общим облегчением клинкового оружия и ориентации его функции на рубку, а не на фехтование, у слабо изогнутых сабель идут более легкие пластинчатые перекрестия (Кызыл-Ту, 6, Славянка, 9, Джаргас, 6), клинки без перекрестия (АхмI, 7/1) и с фигурным перекрестием с опущенными вниз концами (рис. 10: 4, 7; 12: 1–3). Только один, наиболее ранний экземпляр (Зев., 97) имеет крестовидное перекрестие (рис. 6: 21). У более архаичных прямых сабель еще преобладали присущие мечам брусковидное и ладьевидные перекрестия (табл. 3, 4). Очевидно, у кочевников Верхнего Прииртышья шел постепенный процесс перехода от палаша к прямой, а затем и слабо изогнутой сабле с облегченным перекрестием при длительно сохранявшемся сосуществовании разных форм рубяще-колющего оружия. Это указывает на выработку новых форм оружия в местной среде, что не исключает присутствия и возможного влияния импортных образцов с запада (сабля с фигурной гардой с опущенными вниз концами (рис. 12). Такой характер эволюции согласуется с мнением исследователей (Грязнов, 1930, с. 11; Киселев, 1951, с. 521; Арсланова, 1972, с. 66, 67), допускавших возможность местного алтайского или более широко – южно-сибирского происхождения палаша и сабли. Пока это безоговорочно утверждать нельзя, но можно говорить о местном алтайском регионе генезиса этого

вида оружия, которому было присуще длительное переживание архаичных форм.

По вопросу о времени появления сабли на Алтае существуют различные мнения. С.В. Киселев (Киселев, 1951, с. 521) и Л.А. Евтюхова (Евтюхова, 1952, с. 111) относили появление сабель на Саяно-Алтае к VII–VIII вв., базируясь главным образом на изображениях слабо изогнутых клинков на древнетюркских каменных изваяниях, которые они датировали тем же временем. Материалом из погребений это не подтверждалось, поскольку сабли в захоронениях этого периода не обнаружены, а находки мечей или палашей редки: меч в Кудыргэ, к. 9, – конец VI–VII вв. (Гаврилова, 1965, табл. XVII,13), палаша – в могильниках VIII–IX вв. Аймырлыг I,V,5, Аймырлыг III,V,1 (Овчинникова, 1981, с. 138, рис. 2,1; 1990, с. 180), Шестаково, 3/А (Мартынов и др., 1971, рис. 27,1), Ибыргыс-кисте, 4 (Худяков, 1985, с. 248; Худяков, 1986, с. 153, 154). Тогда был известен только меч из Кудыргэ. С.В. Киселев считал, что мечи и сабли не были массовым оружием и принадлежали знатным войнам (Киселев, 1951, с. 520). Из-за редкости и дороговизны это оружие не клали в могилы. Д.Г. Савинов писал о постепенном, длительном пути формирования сабли, завершившемся не ранее X в. (Савинов, 1974, с. 12). Это мнение разделяли Ю.С. Худяков и А.И. Соловьев (Худяков, 1981, с. 118; Соловьев, 1987, с. 75). Правда, в другой работе Ю.С. Худяков, рассматривая изображения оружия на каменных изваяниях, утверждает, что «вероятнее всего, мечи были распространены у тюрков в период Первого каганата, палаша на всем протяжении второй половины I тыс. н. э., а сабли в VII–X вв.» (Худяков, 1986, с. 156). В отличие от этого Б.Б. Овчинникова считает, что «с VII по XII в. палаша в Туве не претерпели существенных изменений, и ни тюрки, ни кыргызы не перешли к изготовлению классической сабли, известной в Средней Азии» (Овчинникова, 1981, с. 138). Правда, надо сказать, что классические сабли в Средней Азии этого времени неизвестны, а судя по росписям Афрасиаба (Альбаум, 1975) и другим находкам, в Средней Азии были

прямые и слабо изогнутые сабли. Скептически Б.Б. Овчинникова относится и к изображениям сабли на каменных изваяниях, считая, что «ни один изображенный на каменных изваяниях клинок нельзя категорично считать саблей»..., «все вышеназванные тюркские клинки – и найденные при раскопках, и изображенные на изваяниях – можно отнести к палашам» (Овчинникова, 1990, с. 81). С такой категоричностью утверждения согласиться все же нельзя. При всей условности изображений оружия показанная на некоторых изваяниях кривизна клинков, отогнутость рукоятей и манера наклонной подвески оружия под небольшим углом, не более 45°, к поясу, а иногда почти горизонтально, заставляют видеть в переданных реалиях сабли. По данным Ю.С. Худякова со ссылкой на Л.А. Евтюхову и А.Д. Грача, сабли с прямым и изогнутым клинком присутствуют на четырех изваяниях с Алтая, четырех – из Тувы и двух – из Монголии (Худяков, 1986, с. 154; Евтюхова, 1952, рис. 67; Грач, 1961, с. 64). В.Д. Кубарев отмечает, что сабли с крестообразными перекрестиями изображены на 12 изваяниях с Алтая (Кубарев, 1984, с. 40). Однако для типолого-хронологического анализа пригодны лишь немногие из них. К таковым относятся изваяния, где достаточно четкое изображение сабли сочетается с надежно датировемыми реалиями, прежде всего поясными наборами. В связи с этим стоит отметить, что изображения сабель идут в сочетании с поясными наборами, украшенными квадратными и округлыми со срезанным краем бляхами-оправами, которые датируются катандинским этапом конца VII–VIII вв. Достоверных изображений сабель на изваяниях, относящихся к кудыргинскому этапу конца VI–VII вв., нам неизвестно.

Напротив, они присутствуют на скульптурах второй половины VIII – первой половины IX вв. Тото, Кезер в Курайской степи на Алтае (Кубарев, 1984, с. 38, 40, табл. XX,120,121), в поясных наборах которых изображены, наряду с квадратными бляхами-оправами, лунницевидные бляшки и подквадратные бляшки с фестончатыми краями, датироваемые этим

временем, что вкупе с упомянутым выше позволяет говорить уже об определенном продолжительном периоде существования данного вида оружия. Перекрестия сабель, там, где они изображены (Евтюхова, 1952, рис. 67,4,5,17; Кубарев, 1984, изваяния 11, 36, 114, 120, 121, 173, 214, 228, 233), прямые, вероятно брусковидные или ладьевидные, не исключено – пластинчатые, хотя менее вероятно. Сбоку от клинков показаны полуовальные, реже подквадратные скобы ножен, за которые оружие на ремешках подвешивалось к поясу.

В свете сказанного можно утверждать, что по материалам каменной скульптуры сабли на Саяно-Алтае появляются не ранее конца VII, а скорее – в VIII в. Некоторое сомнение вносит лишь изваяние 133 из Таи на юго-восточном Алтае, где изображен пояс с круглыми бляшками (Кубарев, 1984, табл. XX,133), которые могут идентифицироваться с розетковидными бляшками поясов из Кудыргэ (Гаврилова, 1965, табл. XV,2, XIX,1, XXXI,24).

Однако круглые розетковидные бляшки украшали также пояс из к. 1 Орловки 1 VIII–IX вв. (Арсланова, 1969, рис. 1,2), некоторые пояса в росписях Афрасиаба VIII в. (Альбаум, 1975), что также надо принимать во внимание. Но при учете территориальной близости в пределах Горного Алтая сопоставление с Кудыргэ предпочтительнее. Изображенные также на изваянии из Таи круглодонный кувшин, кинжал и круглая сумочка справа даты не уточняют. Возможно, фигура знатного тюрка из Таи датируется VII в. и относится к наиболее ранним образцам древнетюркской скульптуры с изображением сабли, но безоговорочно этого утверждать нельзя.

Очевидно, под влиянием тюрков, проникавших в VII–VIII вв. в Верхнее Приобье и Кузнецкую котловину (Могильников, 1990а, с. 33), палаши со слабо изогнутыми клинками и намеченным наклоном рукояти к лезвию появляются у населения подтаежной зоны, что отражено в материале из Елыкаевской коллекции и могильника Релка (Соловьев, 1987, с. 73–75, рис. 15,5–7; 17,5), но здесь сохраняются пропорции массивного клинка палаша.

В предгорьях Алтая и в Верхнем Прииртышье материалы погребений с находками форм, переходных от меча к сабле и ранних прямых или слегка изогнутых сабель, относятся ко второй половине или концу VIII – первой половине – середине IX в. Это погребение мужчины с подростком и тремя конями из Орловки 1,1, где найден переходного типа палаш со слабо отогнутой в сторону лезвия рукоятью (рис. 11: 4), датируемый VIII–IX вв. (Арсланова, 1969, с. 53–55, 57, табл. 1). Сюда же относится курган 2 из Сросток, 1930 г., раск. С.М. Сергеева, с находками сабли, раннесросткинского комплекса вещей и тюркешских монет 740–742 и 766–780 гг. (Гаврилова, 1965, с. 69–70, рис. 11), который, как упомянуто выше, можно датировать концом VIII – первой половиной IX в., не позже середины IX в.

К ранним находкам относится также слабо изогнутая сабля (рис. 6: 21) из кургана с кремацией 97 Зевакино. Ф.Х. Арсланова (Арсланова, 1972, с. 64, 66, 69–70, рис. 2) датировала курганы этого типа VIII–IX вв. Вероятно, эту дату можно сузить до конца VIII – середины IX в., а возможно, даже ограничить ее серединой IX в. В комплексе этого кургана есть вещи, тяготеющие к VIII в. В первую очередь это однокольчатые удила (рис. 15: 23) (Арсланова, 1972, табл. V,6), но они там находятся вместе с двумя экз. 8-видных удил, одни с перевитыми, другие с гладкими стержнями (Арсланова, 1972, табл. V,7,8), которые можно датировать с конца VIII в. Представленная в этом погребении гарнитура поясного набора – пряжка с овальной рамкой с неподвижным щитком, округлые со срезанным краем бляхи-оправы, лунницеvidные бляшки, короткие наконечники ремней, пара лировидных подвесок (Арсланова, 1972, табл. VII,1–12,14) – по формам свойственна поясным наборам второй половины VIII – первой половины IX в. Однако покрывающие эти вещи сложные узоры завитков растительных побегов указывают скорее на завершающий отрезок этого периода. Подобный орнамент покрывает щиток пряжки и бляшки из к. 24-2 близ дер. Успенской уйгурского периода в Туве (Кызласов, 1979а, рис. 150,18,27,28), но в

большой мере он близок к изображению вьющихся стеблей на бляхах из к. 2 Копенского чаатаса (Евтюхова, 1948, рис. 50, 51, 53, 55, 57; Кызласов, Король, 1990, с. 69, табл. XVI,22), который Б.И. Маршак датировал не ранее середины IX в. (Маршак, 1971, с. 65). Скорее всего, середина IX в. – время сооружения к. 97. Примечательно, что ритуал погребения в этом кургане аналогичен ритуалу погребения кыргызов Минусинской котловины, а в к. 97 захоронен воин, очевидно попавший в Верхнее Прииртышье в 40-х гг. IX в., в период экспансии Кыргызского каганата. В данной связи примечательно, что Д.Г. Савинов датировал кыргызские курганы Тувы, Горного Алтая и Восточного Казахстана второй половиной IX – X вв. (Савинов, 1984, с. 94). Предлагаемую датировку подтверждают находки подобных сабель в Б. Тиганах VIII–IX вв. (Халикова, 1976, рис. 4,21), в курганах Южного Урала этого времени (Мажитов, 1981а, рис. 49,26).

Таким образом, на основании указанных трех погребений можно говорить о постепенном распространении сабли в предгорьях Алтая и в Верхнем Прииртышье во второй половине – конце VIII – первой половине IX вв., что хронологически достаточно близко к изображениям сабель на древнетюркских каменных изваяниях. Остальные вышеперечисленные находки прямых и слабо изогнутых сабель (а их большинство – 18) из памятников кочевников Верхнего Прииртышья, степных предгорий Алтая и сросткинской культуры Верхнего Приобья относятся ко второй половине IX – X – первой половине XI вв. Со второй половины IX – X вв. постепенно сабля все шире входит в ареал степных кочевников, совершенствуется форма клинка, получающего обоюдоострый конец с некоторым уменьшением его ширины и большую кривизну, которая пока продолжает оставаться малой.

Ладьевидные и брусковидные перекрестия заменяются пластинчатыми. Палаша, более простые в изготовлении, на всем протяжении рассматриваемого периода сосуществовали с прямой и слабо изогнутой саблей в лесостепи, а в пограничной с лесостепью южнотаежной подзоне (могильники Ямки, Чернильщикова под Томском) существовали до XVI–XVII вв. (Соловьев, 1987, с. 73). Длительное время, наряду с саблей, палаш использовался и енисейскими кыргызами, где находки его известны в памятниках аскизской культуры XIII–XIV вв. (Кызласов, 1983, рис. 26,116). Ю.С. Худяков вслед за Д.Г. Савиновым считает, что «первые находки сабель в киргизских памятниках относятся к периоду не ранее X в.» (Худяков, 1980, с. 45; Савинов, 1974, с. 12). И.Л. Кызласов пишет, что «древнехакасские слабоизогнутые палаша объективно располагаются на типологической грани между однолезвийными мечами и саблями», и относит эти находки к IX–X вв. (Кызласов, 1983, с. 38). Последнее согласуется с предлагаемой датой к. 97 Зевакино и сабли из него серединой IX в. Правда, здесь не исключено заимствование сабли у кимаков в период кыргызских завоеваний 840-х гг., захвативших Верхнее Прииртышье. К тому же, вероятно, кыргызы познакомились с саблей от тюрок еще во время походов II Тюркского каганата за Саяны в 710–711 гг. и в последующее время (Кызласов, 1969, с. 53). Как отмечено выше, сабли у знатных тюрок в VIII в., судя по материалам древнетюркской скульптуры, уже были. Однако остается неизвестным, восприняли ли кыргызы тогда новый вид оружия. Скорее, судя по материалу к. 97 Зевакино, появление сабли у кыргызов относится к середине IX в., что совпадает с эпохой широких завоеваний Кыргызского каганата.

НОЖНЫ

В отдельных погребениях (ГХII,5, KVIII,3, Акчий III,1) (Могильников, 2002, рис. 93,9; 167,14; Трифионов, 1987, с. 171, 172, рис. 88,2) находятся только остатки ножен без клинков (рис. 10: 9–11; 11: 5). Ю.А. Трифионов пред-

полагал, что в Акчий III,1, палаш или сабля были вытасканы при ограблении. Вряд ли это так. Скорее всего, были положены только ножны. Об этом свидетельствует тот факт, что шесть древков стрел, находившихся в колчане

из этого погребения, были без наконечников, которые, очевидно, были сняты с древков, вероятно по соображениям ритуала, перед укладыванием колчана в могилу. Возможно, осуществлялся в отдельных случаях широко известный ритуал обезвреживания оружия. Укладывание ножен без клинков в погребения также было весьма распространено. В частности, оно известно у кыргызов тюхтятской и аскизской культур, где пустые ножны в могилы клали чаще, чем рубяще-колющее оружие (Кызласов, 1983, с. 38).

На деталях устройства отдельных экз. ножен мы останавливались выше. Здесь отметим, что основа ножен с углублением для клинка изготавливалась из дерева, после чего половинки скрепляли железными или медными заклепками (рис. 10: 9, 10). Затем заготовка обматывалась берестой, покрывалась тканью или кожей (рис. 10: 11), а в богатых экз. обтягивалась серебряным (Орловка 1,1) или медным листом с орнаментом (рис. 10: 7-А). Сверху ножны стягивались двумя железными или медными скобами, служившими также для подвешивания оружия на двух ремешках к поясу (рис. 11: 4, 5; 6: 21). У некоторых экз. ножен на нижнем конце сохранились железные, медные (рис. 11: 3–5) и даже золотые – Юпитер, к. 4 (рис. 10: 7а) (Археологическая..., 1960, табл. IX,280) – наконечники. Экземпляры из цветных металлов обычно орнаментированы. Подпрямоугольные и полукруглые скобы ножен (рис. 6: 21; 11: 4) подобны скобам, изображенным на каменных изваяниях древних тюрок (Евтюхова, 1952, рис. 3,5,17; Кубарев, 1984, табл. VIII,48; XIX,114; XX,121; XXIII,145; XXXI,191; XXXIV,203; и др.).

Не останавливаясь специально на проблеме появления и первоначального генезиса сабли, отметим, что при наличии общения в кочевнической среде совершенствование этого вида оружия происходило по крайней мере в двух центрах – в Южной Сибири и в степях Восточной Европы от Поволжья до Подунавья. На это указывает то, что кривизна клинков в

Восточной Европе к западу от Южного Урала в VII–VIII, VIII–IX вв. оформилась раньше и развивалась быстрее, чем у синхронных клинков на юге Сибири, где по вышеприведенным данным погребального инвентаря слабо изогнутые клинки известны с конца VIII–IX вв. и существовали параллельно с палашами в IX–X вв., причем палаши и сабли с прямыми клинками преобладали. Очевидно, прав Н.Я. Мерперт, усматривающий исходные формы сабли в Восточной Европе в длинных кавалерийских позднесарматских мечах (Мерперт, 1955). Параллельно в Южной Сибири происхождение сабли могло восходить к палашам, известным здесь с конца I тыс. до н. э. и представленным в IV–V вв. Не исключено, что формирование нового вида оружия и его развитие происходило под западным влиянием, воздействие которого на разных этапах прослеживается на отдельных категориях инвентаря. В частности, с первых веков нашей эры это эпизодическое появление удил с кольчатыми псалиями при преобладании сибирской формы со стержневыми псалиями. В IX–X вв. с западным влиянием связано появление калачевидных кресал при преобладании местной формы кресала в виде скобы, устойчиво сохранявшейся с VIII–IX вв. до позднего Средневековья. На рубеже X–XI вв. контакты с западом фиксируют две упомянутые сабли с перекрестиями с опущенными вниз концами с шаровидными окончаниями, найденные на верхнем Иртыше (рис. 12: 1) и в могильнике Эйлиг-Хем III в Туве (Грач и др., 1998, табл. X). В то же время длительно сохранялся традиционный палаш в качестве рубящего оружия наряду с саблей. Подобное параллельное существование разных видов рубящего орудия отмечается у разных народов Восточной Европы. Тогда как в степи у кочевников возобладала сабля, дружинники древней Руси были вооружены мечами, орудием более эффективным против воинов, облаченных в тяжелые доспехи, подобно рыцарям Западной Европы.

КИНЖАЛЫ

Кинжалы были редким видом оружия. Встречены в трех комплексах – ГVII,4/1,

ГVIII,5, GXII,1 (Могильников, 2002, рис. 41,6; 63,14; 82,19). Все клинки сильно корродированы, с обломанными концами, с пологими плечиками, в сечении линзовидные, без перекрестий, со следами дерева на чешках рукоятей (рис. 11: 7–9). Наиболее хорошо сохранившийся кинжал из GXII,1 имел клинок длиной около 15 см, шириной 2,8 см, черешок рукояти длиной около 6 см (рис. 11: 9). Кинжал из GVII,4/1 имел общую длину 11 см, в т. ч. черешок 6,2 см, обломок клинка 4,8 см, шириной 2,8 см. (рис. 11: 7). Кинжал из GVIII,5 был, вероятно, близких размеров, но он почти весь разрушен коррозией (рис. 11: 8). Наиболее близкие аналогии рассматриваемым экз. представляют кинжал из BVI,4/3 на Верхней Оби (Абдулганеев и др., 1995, с. 247, рис. 3,3), а также обломок кинжала из Грязново III,2/2 на востоке Кулунды (Могильников и др., 1980, с. 119, рис. 3,8). В BEVI,4/1 найден, кроме того, кинжал другого типа, с невыделенной рукоятью с волнообразным навершием (Абдулганеев и др., 1995, с. 247, рис. 3,1). По форме данный экземпляр, ха-

рактеризующийся асимметричностью клинка и обоюдоострой формой только в нижней части, стоит уже ближе к ножам, чем обоюдоострые кинжалы. По мнению А.И. Соловьева, в лесной полосе Западной Сибири время существования кинжалов ограничивается первой половиной IX в., после чего они исчезают, заменяясь ножами как более универсальной формой (Соловьев, 1987, с. 84). В тюхтятской и аскизской культурах кинжалы были также редки. На их использование указывают лишь изредка встречающиеся накладки ножен (Кызласов, 1983, с. 38). Редки были кинжалы и у кочевников Восточной Европы. Один кинжал с бронзовым перекрестием, со слегка опущенными вниз концами, наподобие перекрестия сабель (рис. 11: 1), обнаружен в погребениях у г. Ленинска, второй – Балкин хутор (Федоров-Давыдов, 1966, с. 24). Можно сказать, что кинжалы были вытеснены более эффективным рубяще-колющим оружием – палашами, саблями и боевыми ножами – в конце I тыс. на всем пространстве степи от Дуная до Енисея.

КИСТЕНИ

Кистени были редким оружием. Представлен 1 экз. из GVII,4/2. Имеет вид приплюснуто-шаровидной литой медной гирьки диаметром 3,5 см, высотой 2,7 см с ушком для ремня (рис. 10: 12; Могильников, 2002, рис. 46,9). Полные аналогии нам неизвестны. Железный кистень в форме биконической гирьки с ушком и продетым в него кольцом для подвешивания встречен в BEVIII,2/2 X – начала XI вв. (Грязнов, 1956, с. 146, табл. LIV,6). Кистени в виде бронзовых шариков с небольшим отверстием для продевания ремня в ограниченном числе представлены в VIII–IX вв. в салтовской культуре, а кистени из бронзы, железа и кости с железным кольцом и

массивным стержнем широко употреблялись на Руси (Плетнева, 1967, с. 160; 1989, с. 76, рис. 32). Подобно кочевникам степей Верхнего Прииртышья и предгорий Алтая конца I – начала II тыс. у кочевников степей Восточной Европы в начале II тыс. кистени были мало распространены. Встречены 1 экз. в Таганче и два – в погребениях Сазонкина Бугра (Федоров-Давыдов, 1966, с. 32). В приалтайские степи и в Верхнее Приобье кистени, вероятно, попадали с запада. Население Саяно-Алтая в эпоху Средневековья этот вид оружия, видимо, не применяло или почти не применяло, поскольку находки его неизвестны.

ТОПОРИКИ-МОЛОТКИ

Топорики-молотки встречены в трех комплексах Верхнего Прииртышья: одной кремации с неповрежденным инвентарем – Джаргас, 80, и в двух ингумациях – в погребении мужчины 50–60 лет без коня с удилами Акчий

1,1/1 и в захоронении воина с конем в Ахмирово I,7/1 (Трифонов, 1987, с. 127–129, 146, рис. 64,37; 77,3; Суворова, Ткачев, 1995, с. 254, рис. 2,15). Высота топориков 7–8,2 см, ширина лезвия 2,5–3,5 см, диаметр проуха

2–2,5 см. Обухи подпрямоугольной формы размером около 2,5–3×2–2,5 см, высотой 2–2,3 см. Центр проуха находится приблизительно на 2/3 высоты топорика (рис. 13: 11). Малые размеры, а также отсутствие в первых двух указанных комплексах предметов вооружения и наличие сабли в третьем позволяют предполагать, что данные топорики-молотки не оружие, а комбинированное орудие труда, которое могло использоваться как молоток и зубило или легкий топорик. Применять их в качестве оружия могли лишь в редких случаях

при необходимости. Ближайшей аналогией топорика из Ахмирово I,7/1, отличавшемся от двух других более широким лезвием, является топорик из к. 1 М. Тебенди IX–X вв. в Омском Прииртышье, где он находился в комплексе с настоящим боевым более крупным топориком с длинным бойком и узким лезвием, пригодным для пробивания металлических доспехов и поражения противника (Могильников, 1969, с. 84–90, рис. 38,8,9). Это дополнительно подтверждает, что топорики-молотки служили главным образом как орудия труда.

КОПЬЯ

В рассматриваемом ареале расселения киевских нами учтено 17 наконечников копий, в т. ч. восемь происходят с памятников Алея: Гилево II,3, IV,1, V,5, VII,4,2, XIV,6, Корболиха II,7, VIII,2, Камышенка (Сафронов, 2000, рис. 1); три – из курганов междуречья среднего Алея и Чарыша: Барчиха, к. 1; Белый Камень, к. 1; Новофирсово VII,3,3; и шесть – из Верхнего Прииртышья: Ахмирово I,7 – 4 экз., Ахмирово II,2; Зевакино, 97. Их них два происходят из погребений с кремациями (Зевакино, 97, Корболиха II,7), два из кенотафов, имитирующих ингумации (Ахмирово I,7, яма 2, Ахмирово II,2), остальные из ингумаций, причем все они сопровождалась останками коня и в двух случаях (Гилево II,3, Новофирсово VII,3,3) – удилами, пряжками и бляшками от уздечки. Из этого можно заключить, что копье, как и палаш и сабля, были оружием всадников.

По сечению пера наконечники копий делятся на группы, по форме пера на типы. Всего выделено пять групп.

Группа 1 – линзовидные. 1 тип – ланцетовидные. Включает 1 экземпляр из Гилево II,3 (рис. 13: 7). Общая длина 27,5 см, в т. ч. перо 14×1,7 см, втулка длиной 13,5 см, диаметром 4 см, в основании не сомкнута, крепилась к древку железным штырем с колечком. Возможно, к этому типу принадлежали еще два копья – из ГIV,1 и ГV,5, от которых сохранились только втулки (рис. 13: 10), формы которых подобны втулке копья из ГII,3. Край втулки из ГV,5 усилен валиком.

Группа 2 – ромбические. Два типа.

Тип 1 – удлиненные асимметрично-ромбические. Два экз.: из КП,7 и Зевакино, 97, оба из погребений с кремациями. Втулка у КП,7 частично обломана, у Зевакино, 97, частично не сомкнута с утолщением в основании (рис. 6: 7, 38). Общая длина наконечника из КП,7 – 10 см, в т. ч. перо 6–6,5 см, шириной 1,8 см, диаметр втулки 2,5 см (рис. 6: 7). Малые размеры этого копья указывают на возможное использование его как дротика. Наконечник из Зевакино, 97, более удлиненных пропорций и укороченной втулки. Общая длина 24 см, перо 15×1,8 см, втулка 9 см длиной при диаметре 3 см (рис. 6: 38). Удлиненные пропорции пера этих копий приближают их к пиковидным.

Тип 2. Пиковидные. Включают четыре экземпляра – из ГVII,4,2, Камышенка, Белый Камень 1 и Ахмирово II,2 (рис. 13: 1, 2, 8, 9). Данные наконечники различаются формой втулок и, соответственно, величиной пера, наличием или отсутствием плечиков. У наконечника из ГVII,4,2 втулка плавно переходит в перо, два другие имеют слабо выраженные плечики. При этом наконечники копий из Белого Камня и Камышенки имеют длинную несомкнутую втулку, в то время как втулка из Ахмирово II,2 укорочена, что соответствует более ранней дате первых – концу VIII – первой половине IX вв. (Тишкин, 1993б, с. 245, рис. 2,23), и более поздней – третьего наконечника – X – первой половине XI вв. (Ткачев, Ткачева, 1999, с. 143, 144, рис. 4). Край втулки копья из Ахмирово II,2 усилен валиком,

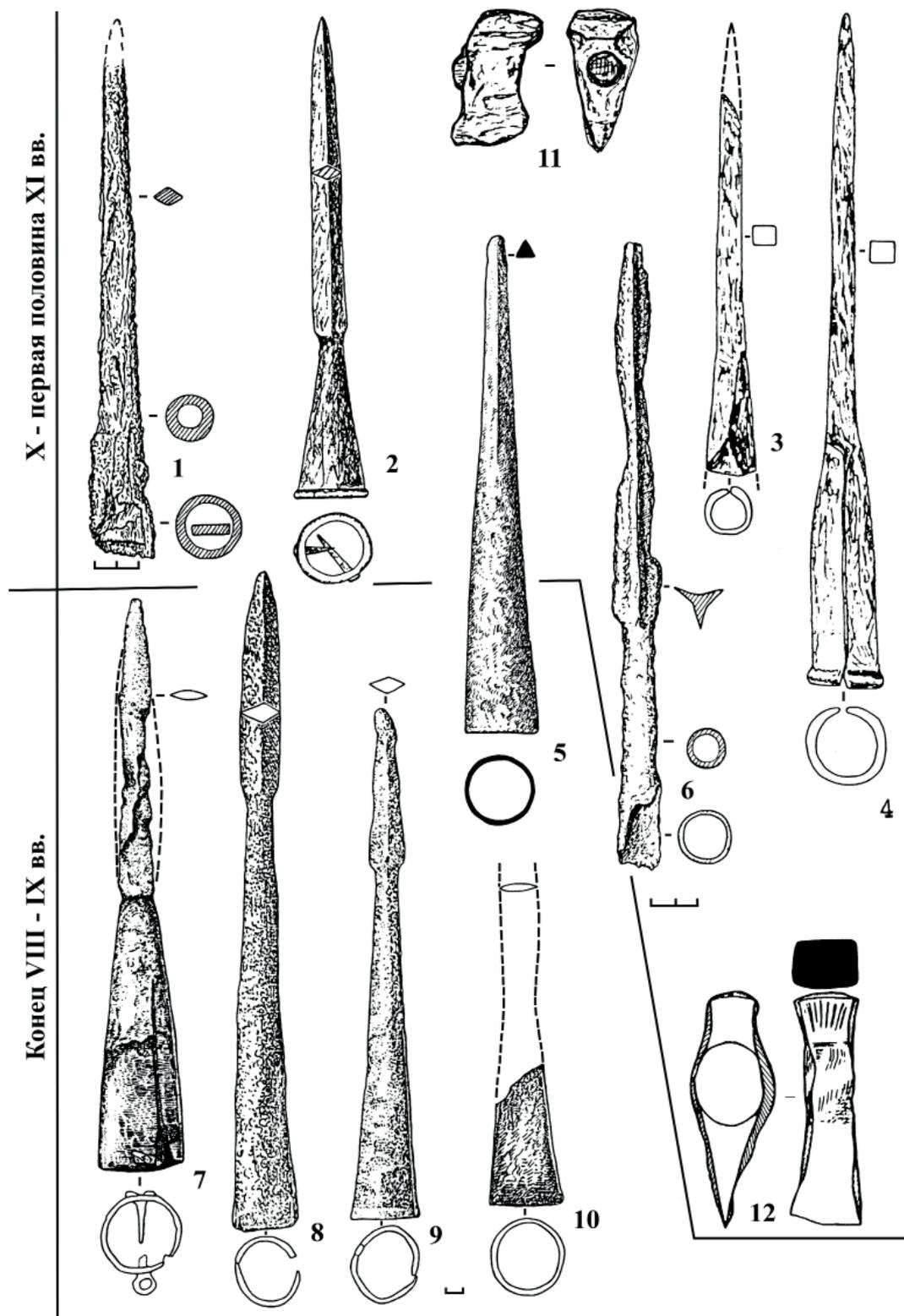

Рис. 13. Наконечники копий, топоры из погребений с ингумациями.

1 – Гилево VII, 4, 2; 2 – Ахмирово II, 2; 3, 4 – Ахмирово I, 7 (3 – п. 1; 4 – яма 2); 5 – Барчиха, 1; 6 – Корболиха VIII, 3; 7 – Гилево II, 3; 8 – Белый Камень I, 1; 9 – Камышенка; 10 – Гилево IV, 1; 11 – Ахмирово I, 7, 1; 12 – Акчий I, 1, 1. 1, 6, 7, 10 – по Могильников, 2002; 2 – по Ткачев, Ткачева, 1999; 3, 4, 11 – по Суворова, Ткачев, 1995; 5 – по Телегин, 1998; 8 – по Тишкин, 1993б; 9 – по Сафонов, 2000; 12 – по Трифонов, 1987.

а к черенку оно крепилось двумя гвоздями. Из-за больших колебаний пропорций пера и втулок приводим их параметры по отдельности. Копье из Белого Камня, 1 длиной 36 см, перо 13×1,8 см, втулка 20 см, диаметр 3 см, из Камышенки – длина 22,3 см, перо 7×1,7 см, втулка 15,3×3 см, наконечник из Ахмирово II длиной 27,5 см, перо 17,5×1,7 см, втулка 9 см, диаметром 2,8 см (рис. 13: 2). Наконечник копья из ГVII,4,2 длиной около 25 см, перо шириной 2 см, диаметр втулки 3 см (рис. 13: 1).

Группа 3 – квадратные. Один тип – пиковидные.

Тип 1 – пиковидные. Включает 4 экз. из к. 7 Ахмирово I, в т. ч. три из центрального погребения с конем № 1 и один – из ямы кенотафа 2 (Суворова, Ткачев, 1995). Характеризуются укороченной конической втулкой и узким, длинным квадратным в сечении пером (рис. 13: 3, 4), плавно, без плечиков, переходящим во втулку. Длина наиболее крупного экземпляра около 33 см, перо 22×1,2 см, втулка 11 см, диаметр 3 см. Два более мелких экземпляра имеют втулки диаметром 2,2–2,3 см. Концы их обломаны. Наличие в одном погребении трех наконечников, различающихся по величине, говорит, очевидно, о том, что более крупный был наконечником копья, а два более мелких служили наконечниками дротиков.

Группа 4 – треугольные. Один тип.

Тип 1 – пиковидные. 1 экз. из к. 1 Барчиха (Телегин, 1998, с. 182, рис. 1,1). Конический треугольный наконечник с невыраженным переходом от втулки к бойку. Длина 30 см, диаметр втулки 3,5 см. Боек длиной 14 см, шириной до 2 см. Длина втулки 16 см (рис. 13: 5).

Группа 5 – трехлопастный. Один тип.

Тип 1 – удлиненный асимметрично-ромбический. Представлен 1 экз. из KVIII,2. Асимметрично-ромбический трехлопастный наконечник копья с длинной узкой втулкой, вытянутым остроконечным пером с тремя ударными лопастями-гранями и пологими короткими плечиками при переходе к втулке. Общая длина 29 см, перо 18×2 см. Диаметр втулки 2,2 см (рис. 13: 6). Данное копье, очевидно, прежде всего было рассчитано на пробива-

ние кольчуги, хотя могло быть использовано и против панциря. Аналогии этому копью нам неизвестны. Близкий, но не идентичный трехгранно-лопастной наконечник копья происходит из киданьского погребения X–XI вв. Цогт-Хиргист-тоолой в Монголии (Худяков, Цэвэндорж, 1988, с. 25, рис. 11,1; Худяков, 1991, с. 79–81, рис. 40,1).

Неясны типы наконечников копий из Новофирсово VII,3,3 (Алехин, 1996, с. 84) и из GXIV,6, где от копья сохранился лишь обломок втулки. Условно по величине и форме втулок отнесены к типу 1.1 копья из GIV,1 и GV,5. В целом узкие пропорции остроугольных копий с удлиненными ударными гранями свидетельствуют о нацеленности их на пробивание металлических доспехов таранным ударом конного воина. В меньшей мере более легкие копья с наконечниками меньшей величины, вероятно, использовали в качестве дротиков.

Основные типы наконечников копий имеют аналогии преимущественно у населения Южной Сибири, Саяно-Алтая и прежде всего у енисейских кыргызов. Среди древностей последних представлены копья с асимметрично-ромбическим пером ромбического сечения типа 2.1, пиковидные копья с ромбическим, квадратным и треугольным в сечении пером типов 2.2, 3.1, 4.1 (Худяков, 1980, с. 52–58, табл. X,1–3,5–7; XI,1,2). Наконечник с линзовидным пером из GII,3 типа 1.1 напоминает архаичные прототипы – копья с пером линзовидного сечения из памятников лесной полосы Западной Сибири VI–VIII вв. (Комарова, 1952, рис. 27,1; Могильников, 1968, с. 263, рис. 1; Соловьев, 1987, с. 99, 100). Отличает от них более вытянутая ланцетовидная форма пера, нацеленная на пробивание металлических доспехов. Синхронные наконечники линзовидного сечения с ланцетовидным пером известны из Яконуры в Горном Алтае, а с несколько более широким асимметрично-ромбическим пером – из Троицкого в Верхнем Приобье (Грязнов, 1940; Худяков, 1981, с. 119, рис. 2,1,4). В целом можно отметить тенденцию увеличения количества бронзобойных копий. Более половины из учтенных копий составляют пики с ромбическим, квадратным и треу-

гольным в сечении пером. При этом семь из девяти пиковидных копий происходят из комплексов X – первой половины XI вв. Наиболее ранние пики с архаичной длинной втулкой встречены в Камышенке и к. 1 Белого Камня 1 конца VIII – первой половины IX в. Аналогии им представлены также в салтовской культуре (Плетнева, 1967, с. 160, рис. 43,3) и у ранних болгар в среднем Поволжье в конце VII–VIII вв. (Багаутдинов и др., 1998, табл. XLVIII,3; XLIX,1, рис. 24,1–4). И напротив, копия с ланцетовидным ромбическим пером тяготеют к IX – первой половине X вв.

ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

Защитное вооружение характеризуют находки в погребениях железных пластин от металлических наборных панцирей и мелкая бронзовая пластика с изображением фигурок воинов в металлических доспехах. Плохая сохранность железа при ограбленности большинства погребений обусловила то, что коррозированные обломки панцирных пластин невозможно порой идентифицировать среди мелких обломков железных предметов в погребениях с ингумациями. Большинство находок остатков панцирей в виде пластин удовлетворительной сохранности происходит из погребений с кремациями, где инвентарь побывал в огне погребального костра, и железо сохраняется лучше благодаря огневой патине. В погребениях с кремациями панцирные пластины обнаружены в пяти курганах на Алее (ГШ,4,9,10; ГIV,2, КII,7) (Могильников, 2002, рис. 8,5; 11,1–12; 12,10–12,15–22; 19,3,4, с. 14–16, 48), что составляет около 23% погребений с кремациями этого региона. Привлекает внимание то, что почти все они, кроме КII,7, происходят из цепочек курганов ГШ, ГIV, являющихся наиболее ранними среди захоронений с кремациями на верхнем Алее, сохранившими обряд сжигания инвентаря вместе с покойником и, вероятно, связанными с кыргызскими воинами, завоевавшими предгорья северо-западного Алтая и Верхнее Прииртышье в 40-х гг. IX в. и затем осевшими здесь, сначала в составе гарнизонов, а затем интегрировавшихся в среду местного насе-

ления, хоронившего по ритуалу ингумации. На это указывают совместные могильники, включавшие как курганы с ингумациями, так и курганы с кремациями. В курганах с кремациями встречены панцирные пластины подпрямоугольной и подтрапециевидной формы, а также подпрямоугольные с закругленным краем, происходящие от разных частей ламеллярных панцирей, местами сохранившихся во фрагментах (рис. 6: 17–20). Панцири с аналогичными пластинами использовали енисейские кыргызы в VIII–X вв. Воин в пластинчатом панцире почти до середины бедер с умбоном на груди изображен на Сулекской писанице (Кызласов, 1969, табл., 19, рис. 41). Примечательно, что в кыргызских погребениях с кремациями в Верхнем Прииртышье (Зевакино) при наличии богатого комплекса вооружения типичные древнехакасские наконечники стрел, сабля, копьё (рис. 6: 21–27, 31–38) (Арсланова, 1972, табл. III, IV, рис. 2), остатки панцирей не отмечены. Возможно, с остатками панциря связан невыразительный обломок железной пластины в Джартас,7 (Трифонов, 1987, рис. 64,23), но инвентарь здесь не был в огне погребального костра, и сохранность железа плохая. Достаточно широкое распространение пластинчатых панцирей у древних хакасов привело к тому, что в ходе кыргызских завоеваний пластинчатые панцири от кыргызов путем обмена, налаживания местного производства и другими путями проникли в Туву, на Алтай и к населению южной части лесной

полосы Западной Сибири (Худяков, 1980, с. 123, 126, табл. XI,14; Соловьев, 1987, с. 50). В данной связи заслуживает внимания то, что большинство находок панцирных пластин из погребений с ингумациями на Верхнем Алее происходит из некрополя Гилево I-V, где курганы с ингумациями чередовались и соседствовали с курганами с кремациями (Могильников, 2002, с. 8–18, рис. 1–27).

На использование металлических пластинчатых панцирей кимако-кыпчаками, хоронившими по обряду ингумации с конем, и огузо-печенегами, укладывавшими покойников с чучелом, шкурой и конечностями коня, указывают находки в отдельных погребениях сильно коррозированных фрагментов панцирных пластин и бронзовые изображения конных и пешего воинов в металлических доспехах, обнаруженные в курганах, содержавших погребения с конем – Кондратьевка IV,2 (Алехин, 1998, рис. 1,1,2), а также в виде случайных находок. К последним относятся бронзовые фигурки всадников из района Семипалатинска (рис. 14: 5) (Евтюхова, 1948, рис. 195) и фигурка пешего лучника из Кулундинского (рис. 14: 2) (Могильников, 1981, рис. 27,48). Подобные фигурки всадников в панцирях с саблей на боку, копьем в руках и щитом в виде нимба за спиной обнаружены в Сросткинском могильнике на Катунь в раскопках М.Д. Копытова (Неверов, Горбунов, 1996, рис. 7,1,3). Данные фигурки дают представление о покрое панциря. Пеший лучник на бляшке из Кулундинского (рис. 14: 2) облачен в длинную катафрактю без рукавов с подолом чуть ниже колен. Фигурки всадника с прямой саблей с левого бока и копьем в руках из района Семипалатинска, Кондратьевки IV и Сросток одеты в панцирные рубашки до колен с короткими рукавами (рис. 14: 5, 9, 11) (Алехин, 1998, рис. 1,1,2; Евтюхова, 1948, рис. 195; Неверов, Горбунов, 1996, рис. 7,1,3). В подобный панцирь с короткими рукавами облачен рыцарь на Сулекской писанице (Евтюхова, 1948, рис. 193; Кызласов, 1969, рис. 41). Это может служить дополнительным аргументом распространения аналогичных пластинчатых панцирей у кимаков второй половины IX – первой половины XI вв. в Верхнем Прииртышье

и степных предгорьях Алтая и кыргызов тюркской культуры и о возможном восприятии таких панцирей кимаками от пришедших на Алтай кыргызов в 40-х гг. IX в.

Фрагменты сильно коррозированных, предположительно панцирных пластин встречены в восьми погребениях с ингумациями на верхнем Алее (ГШ,5, ГIV,1, ГIV,2, ГV,5, ГXVI,2 (?), ГXII,1 (?), ГXII,2, КX,1) (Могильников, 2002, рис. 9,5; 18,8; 19,3,4; 23,8). Из-за разрушения краев точная форма пластин не реконструируется. Предположительно прямоугольная пластина с округлым концом от наборного панциря обнаружена в ГШ,5, а трапециевидная пластина с нагрудной части панциря – из ГV,5 (рис. 14: 3, 4) (Могильников, 2002, рис. 9,5; 23,8). В относительно хорошо сохранившемся панцирном наборе из Троицкого в Верхнем Приобье Ю С. Худяков выделил три группы пластин, различающихся «по способу крепления, форме и вероятному местоположению» (Худяков, 1986, с. 196, 197, рис. 89). Пластины с округлым краем, подобные пластине из ГШ,5, он соотносит с рукавами, трапециевидные и прямоугольные, крепившиеся жестко к основе (из кожи?), – с частью панциря, предохранявшей корпус воина, а крупные прямоугольные пластины с большим числом отверстий (рис. 14: 1) – с подолом доспехов. Сравнительная малочисленность находок остатков панцирей в погребениях с ингумациями указывает на относительно редкое в сравнении с кыргызами использование металлических панцирей кимако-кыпчаками, основу войска которых составляла легкая кавалерия, тогда как полный комплект вооружения включал лук со стрелами, копье, саблю, панцирь, щит и был присущ тяжеловооруженным воинам, изображенным в металлической пластике.

Еще более редкими были кольчужные доспехи. Фрагмент кольчуги X–XI – XII–XIII вв. найден в разрушенном каменном кургане близ с. Маралиха на среднем Чарыше (Горбунов, Тишкин, 1998, с. 190–193, рис. 1). Обрывок кольчуги встречен также в могильнике кыргызской элиты X–XI вв. Эйлиг-Хем III в Туве (Грач и др., 1998, табл. 18,35). Данные

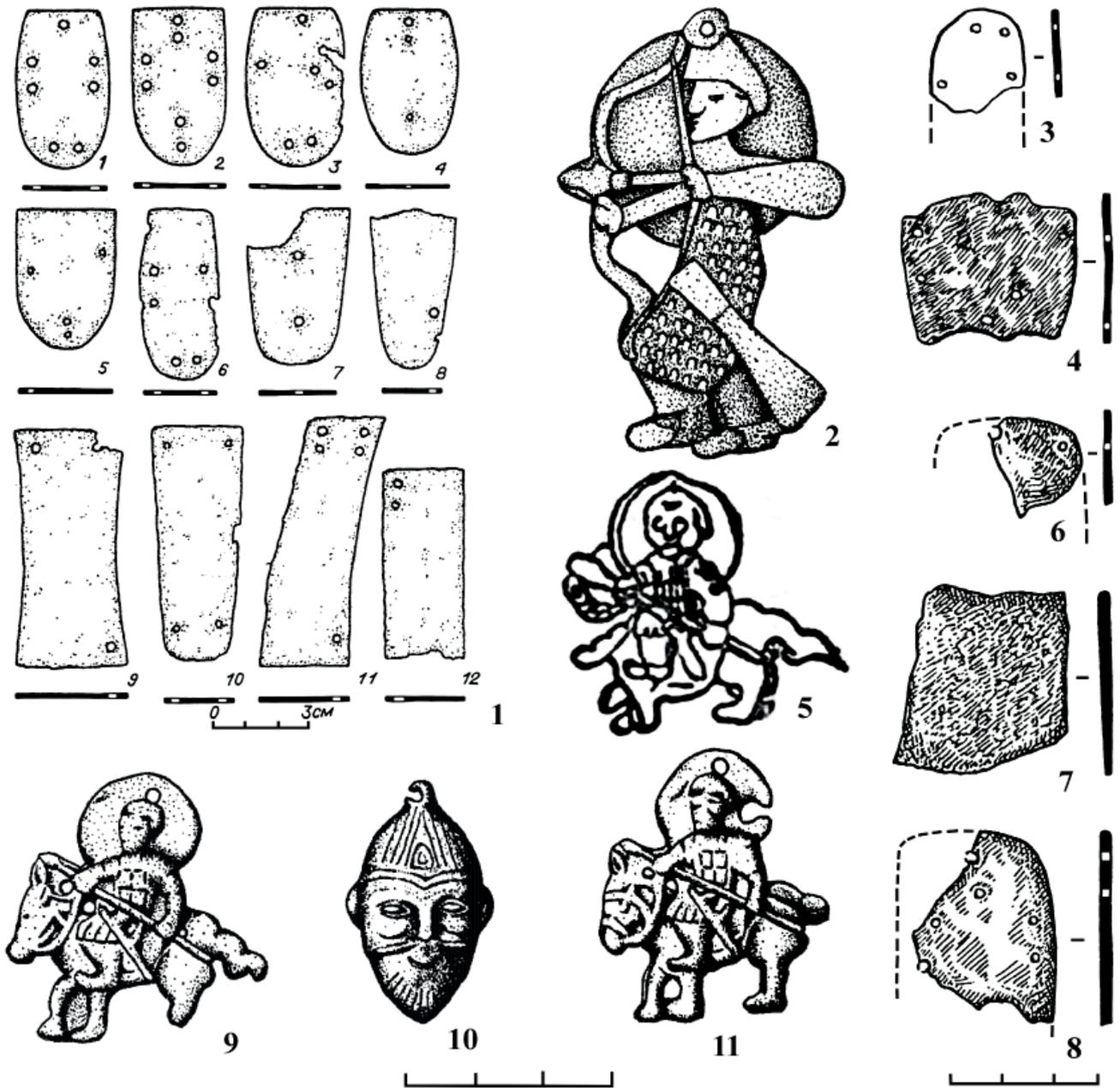

Рис. 14. Защитное вооружение.

1, 3, 4, 6–8 – железные панцирные пластины и их фрагменты, 2, 5, 9–11 – бронзовые фигурки воинов в доспехах. 1 – Троицкое; 2 – Кулундинское, 3 – ГШ, 5; 4 – ГV, 5; 5 – Семипалатинск; 6–8 – ГIV, 1; 9–11 – Сростки, раскопки М.Л. Копытова. 1 – по Худяков, 1986; 3, 46–8 – по Могильников, 2002; 9–11 – по Неверов, Горбунов, 1996.

находки единичны. Косвенно на использование кольчуг указывают также немногочисленные наконечники стрел с узкой длинной головкой (рис. 4: 15, 33; 5: 7, 9), предназначенные для поражения через раздвинутые кольца кольчуги, найденные в кимакских курганах X–XI вв. Верхнего Прииртышья (Ткачев, Ткачева, 1999, рис. 4,7,8). Единичны находки кольчуг на Алтае и в предшествующее время. Фрагмент кольчуги, намотанной на стремя, встречен в могильнике Кудыргэ конца VI–VII вв. (Гаврилова, 1965, с. 27, табл. XXIV,1). По-видимому, кольчуги у кочевников Саяно-Алтая и его степных предгорий были редким среднеазиатским импортом, в то время как пластинчатые панцири производили местные южно-сибирские мастера.

Вероятно, импортными и столь же редкими были железные шлемы. Возможно, от шлема, украшенного султаном, происходят куски железных пластин толщиной 2–3 мм и предмет, напоминающий начельник, обнаруженные в Ахмирово I,7 в Верхнем Прииртышье (Суворова, Ткачев, 1995, с. 254, рис. 3,6). Шлемы подобной конструкции известны в курганах IX – X–XI вв. на Южном Урале (Мажитов, 1981а, рис. 42,12; 61,17; 66,7), как и единичные находки кольчуг. Медное изображение головы мужчины в шлеме из пластин (?) найдено в Сросткинском могильнике (рис. 14: 10) (Горбунов, 2003, рис. 36,3).

В отличие от дорогих, достаточно редких металлических панцирей, кольчуг и шлемов, входивших в экипировку тяжеловооруженных всадников, щиты, очевидно, были наиболее распространенным видом защитного вооружения, которым пользовались все категории воинов. Они имели круглую форму, изготовлялись из дерева и сверху обтягивались кожей.

Остатки такого щита обнаружены в тюркском погребении VIII–IX вв. в Туве в могильнике Даг-Аразы V,1 (он имел круглую форму диаметром 78 см, толщиной 1 см и был сделан из пяти досок, соединенных на оборотной стороне перекладиной (Худяков, 1986, с. 159, рис. 69,14; Овчинникова, 1990, рис. 39,1). Щиты носили на перевязи за спиной. Изображения таких круглых щитов в виде нимбов даны на всех вышеперечисленных фигурках воинов, а также на бляшке с изображением конного лучника из GXII,1 (рис. 16: 1) (Могильников, 2002, рис. 82,16).

Вопросы состава войска кимаков, их военной тактики рассматривались Ю.С. Худяковым (1986, с. 203–205) и частично нами (Могильников, 2002, с. 117). Здесь отметим, что основу войска составляла легко вооруженная кавалерия при наличии небольшого количества тяжело вооруженных воинов с луком, копьем, саблей или палахом, защищенных металлическими доспехами и входивших, очевидно, в состав каганской гвардии. Судя по изображению лучника на бляшке из Кулундинского (рис. 14: 2), были также отряды пехотинцев, часть которых помимо щита имела панцирные доспехи. Большую часть войска в периоды военной опасности, по-видимому, составляло ополчение из состава семи племен, входивших в Кимакскую федерацию, государство Кимакский каганат. В целом состав и качество вооружения кимако-кыпчаков находился на уровне военной экипировки кочевников азиатских степей IX–XI вв. Кыргызы по качеству вооружения занимали лидирующие позиции. Это отмечено в письменных источниках того периода, указывающих на особую остроту кыргызского оружия.

ГЛАВА 3

КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

Конь являлся неизменным и незаменимым спутником кочевника на протяжении всей жизни. Без коней были немыслимы боевые походы, повседневный выпас скота, смена места кочевий. Мясо и молоко лошади составляли большую долю в пищевом рационе. Особенно велика была роль коня в период военных действий. Это нашло отражение в героическом эпосе кочевых народов, где боевой конь выступает активным участником в подвигах богатырей (Грязнов, 1961). Недалеко от экипировки коня уделяли большое внимание, украшая сбрую орнаментированными медными, серебряными и позолоченными бляшками. Конь участвовал и в погребальном ритуале, сопровождая в качестве жертвенного животного усопших мужчин-воинов, а иногда и женщин, в потусторонний мир.

В основном коня использовали в качестве верхового животного, для чего требовались

уздечка для управления и седло для посадки и удобной езды. Стремление усовершенствовать, сделать более удобными для человека и коня аксессуары сбруи, а также украсить их обусловило изменчивость их деталей в течение определенных, относительно коротких отрезков времени. В связи с этим выяснение их изменчивости в комплексе с другими категориями материальной культуры имеет большое значение для установления хронологии, а также выявления инокультурных воздействий и межэтнических контактов, а также частично для установления уровня развития ремесла и деталей быта.

Представление о деталях устройства сбруи кимаков дают материалы погребального ритуала, а также изучение изображений сбруи в мелкой бронзовой пластике, фигурках всадников из ГХII,2 (рис. 16: 1), Кондратьевка IV,2 (рис. 16: 2; Алехин, 1998, рис. 1: 1, 2) и др.

СБРУЯ

Согласно этим изображениям, оголовье уздечки состояло из нащечного, налобного и наносного ремней, на перекрестиях которых находились кольца. Именно железные кольца часто находятся в погребениях с конем. Реже для этих целей служили бронзовые Т-образные тройники, распространявшиеся у кимаков, вероятно, под влиянием кыргызов-хакасов с середины IX в.

В рассматриваемом регионе известно пять тройников, происходящих из четырех погребений с кремациями енисейских кыргызов. Это серебряный тройник из ГIII,23, два бронзовых позолоченных тройника из KVIII,5 (Могильников, 2002, рис. 16,1; 174,1). Такой же тройник из Михайловки (Тишкин, 1991, рис.

1) (все погребения на верхнем Алее) и тройник с одной обломанной лопастью из Зев,117 в Верхнем Прииртышье (Арсланова, 1972, с. 56, табл. V,5). Все они имеют Т-образную форму с полушарной выпуклостью в центре, имитирующей в ГIII,23 и Зев,117 ременный узел (рис. 15: 4, 26, 27), что подчеркивает их расположение на перекрестии ремней.

Тройник из ГIII,23, массивный, литой, гладкий с бутоновидными концами, по форме наиболее близок тройникам из к. 5 Узунтала, датированного Д.Г. Савиновым VIII–IX вв. (Савинов, 1982, с. 111,117, рис. 13,4). Подобные тройники представлены также в культуре чаатас этого же времени на среднем Енисее (Кызласов, 1981, рис. 28,59; Левашова, 1952,

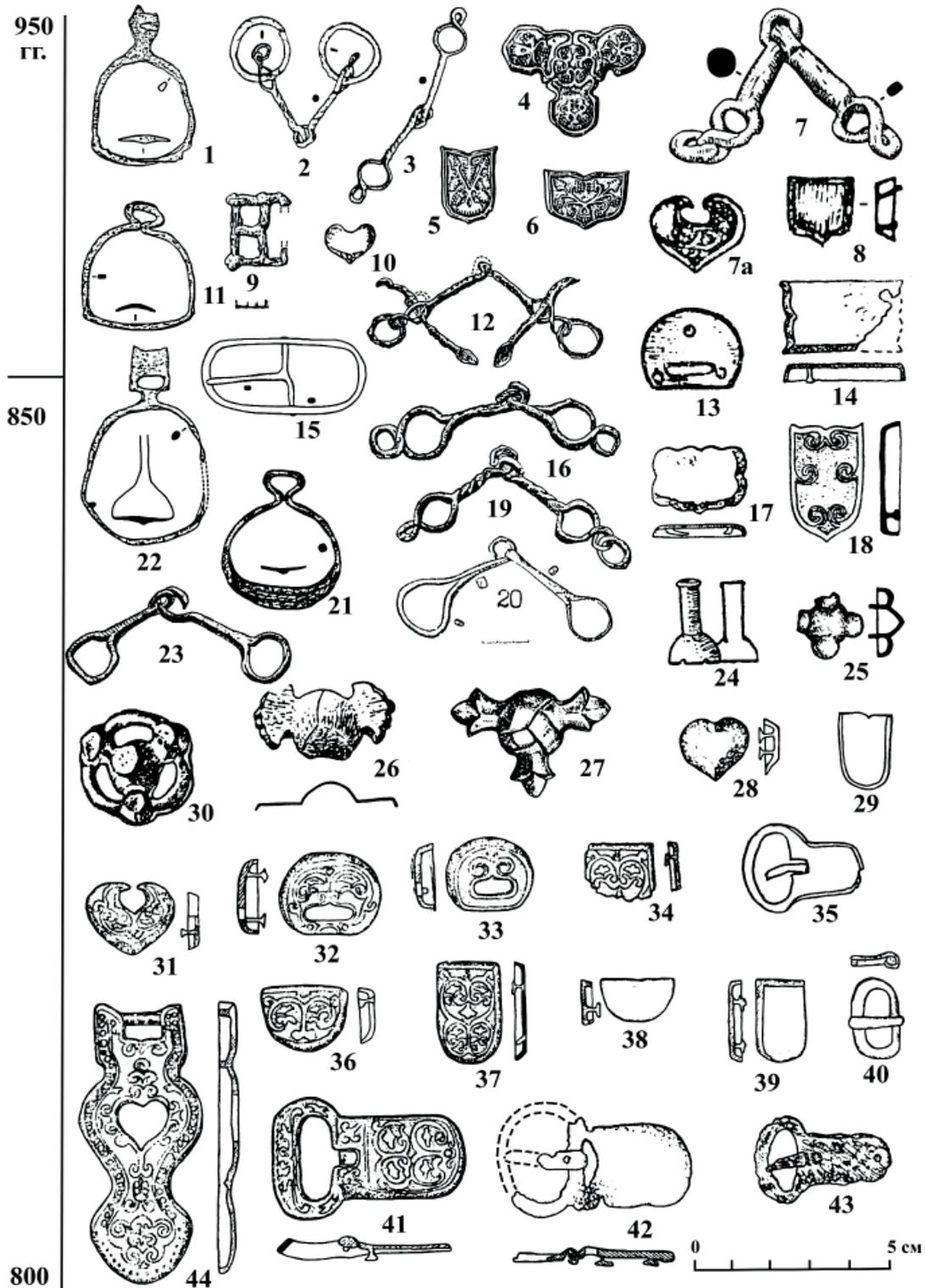

Рис. 15. Предметы конского снаряжения и поясной гарнитуры из курганов IX – начале X в. кыргызов-хакасов в Верхнем Прииртышье и северо-западных предгорьях Алтая.

1, 4–6 – Корболиха VIII, 5; 2, 3, 11 – Гилево I, 2; 7, 7а, 8, 13 – Джаргас; 9 – Гилево XV, 4; 10, 14, 16–19, 21, 23, 24, 26, 28–34, 36–39, 41, 42, 44 – Зевакино; 12, 43 – Новокамышинка; 15, 20, 22, 25, 27, 35 – Гилево III, 40 – Камышинка. 1–6, 9, 11, 15, 20, 22, 25, 27, 36 по Могильников, 2002; 7, 7а, 8, 13 – по Трифонов, 1987; 10, 12, 14, 16–19, 21, 23, 24, 26, 28–34, 36–44 – по Арсланова, 1972. 1–3, 7, 9, 11, 12, 15, 16, 19–23, 43 – железо; 40б – позолоченная бронза; 27, 29, 35 – серебро; остальное – бронза.

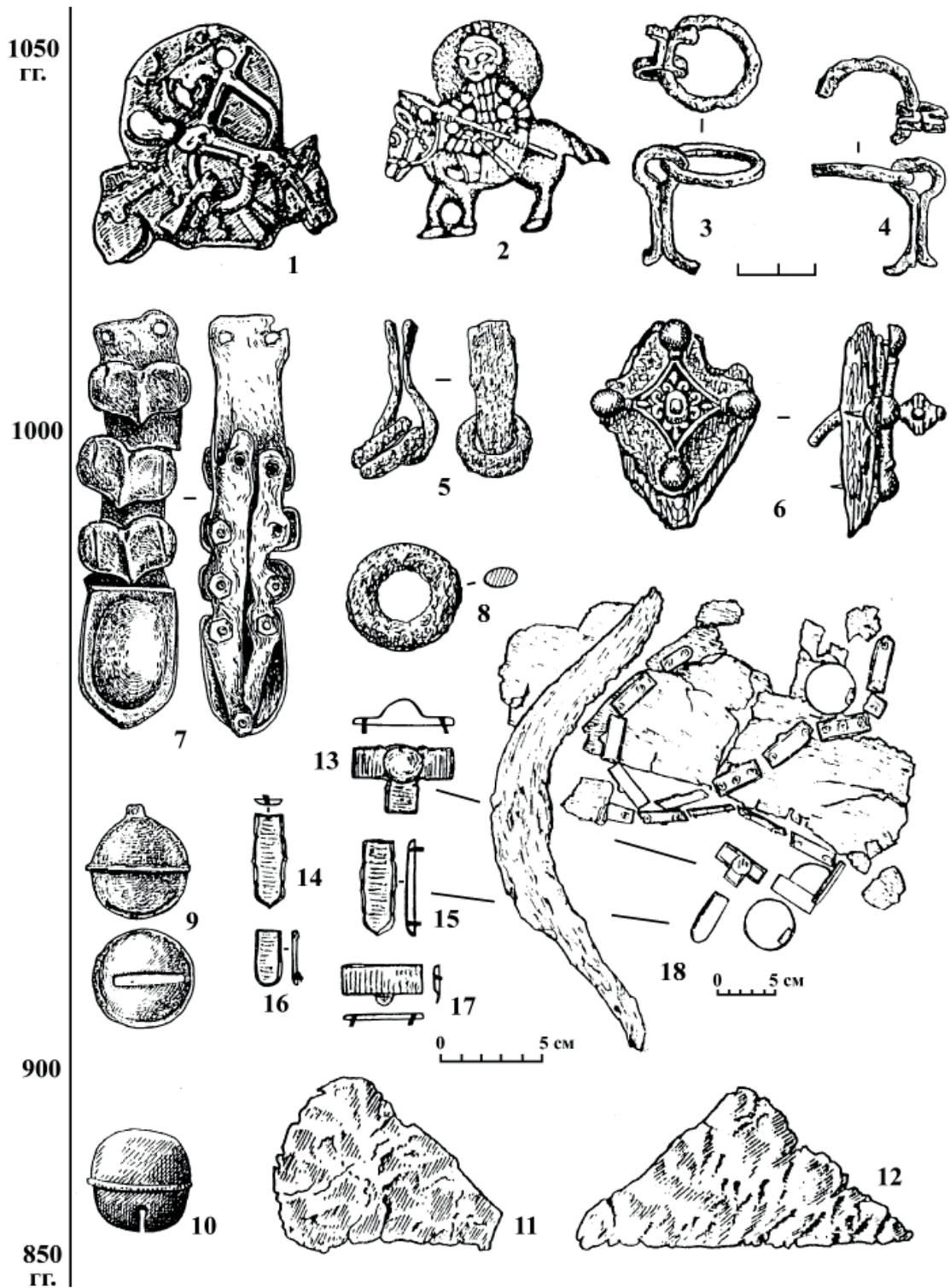

Рис. 16. Изображения всадников и детали сбруйной гарнитуры.

1, 2 – изображения всадников; 3, 4, 6 – седельные кольца с пробоями; 5 – кольца от пут (?); 7 – подвесной ремешок от подхвостного ремня; кольцо от узды; 9, 10 – бубенчики; 11, 12 – накладки от луки седла или колчана; 13–18 – гарнитура седельных ремней и остатков седла. 1, 8, 9 – Гилево XII, 1; 2 – Кондратьевка IV, 2; 3, 4 – Гилево XIII, 5; Гилево VII, 4, 2; 6 – Гилево XII, 2; 7 – Гилево VII, 10; 10–12 – Гилево II, 3; 13–18 – Измайловка, 14, 3. 1, 2, 9, 10, 13–17 – бронза; 3–5, 8 – железо; 6 – бронза с позолотой, кожа, дерево; 7 – бронза, кожа; 11, 12 – серебро; 18 – дерево, бронза. 1, 3–12 – по Могильников, 2002; 2 – по Алехин, 1998; 13–18 – по Трифонов, 1987.

рис. 14), а также в раннесросткинских памятниках второй половины VIII – середины IX вв., в лесостепном Верхнем Приобье – Иня, М. Панюшево (Григоров, 1998, рис. 1,2–5). Близкой формы тройники встречены также в курганах IX–X, скорее IX в., Кызырь в Барабе (Бараба..., 1988, рис. 2,2), Хусаиново (Мажитов, 1981а, рис. 20,33; 26,24; 27,15,16,21; 29,5; 31,12,24), Ромашкино (Мажитов, рис. 64,1,2) на Южном Урале. Встреченные вместе с тройником в ГШ,23 однокольчатые удила (Могильников, 2002, рис. 16,2) также свидетельствуют о дате VIII – середины IX в., поскольку для IX в. такие удила были уже пережитком. Г.В. Григоров тройники данного типа связывает с тюркской традицией (Григоров, 1998, с. 158). От тюрков они могли попасть к кыргызам, хотя достоверно определить какие комплексы с такими тройниками являют более ранними – тюркские или кыргызские – на данном этапе науки невозможно. Как отмечено выше, для соединения ремней уздечки на перекрестиях тюрки чаще использовали кольца, чем тройники. Тройник из Зев,117 типологически более поздний. Он отличается меньшей массивностью пластины и завершением концов из семи лепестков (рис. 15: 26) (Арсланова, 1972, табл. V,5), но также имеет гладкую поверхность и может быть причислен к этому же типу тройников конца VIII – середины IX вв., скорее около конца этого периода.

В отличие от гладких тройников из ГШ,23 и Зев,117, два тройника из KVIII,5 и тройник из Михайловки покрыты пышным растительным орнаментом (рис. 15: 4), типа цветущей виноградной лозы в KVIII,5 и распускающихся бутонов в Михайловке. Изделия снабжены наклонными бортиками при округло-сегментовидном завершении концов. Подобная растительная орнаментация с изображением цветов виноградной лозы и раскрывающихся бутонов появляется на копенском этапе культуры чаатас и широко распространяется в тюхтятской культуре древних хакасов (Кызласов, 1969, рис. 40,1; Кызласов, Король, 1990, табл. XV,36–39; XVI,4–8,27, XXII–XXVI, рис. 20,4,5; 21; 25; 27; 37). Погребение с двумя тройниками KVIII,5 датировано нами послед-

ней четвертью IX – первой половиной X в. (Могильников, 2002, с. 56). Возможно, эту дату следует ограничить началом X в. Погребение из Михайловки, содержащее помимо тройника железные восьмерковидные удила с S-видными псалиями (Тишкин, 1991, рис. 1), подобные удилам из конского захоронения в KVIII,5 (Могильников, 2002, рис. 174,11), вероятно, синхронно в указанном отрезке времени.

Судя по бронзовой фигурке стреляющего с коня лучника (Кызласов, Король, 1990, рис. 31) из к. 6 Копенского чаатаса, узда лошади имела наносный, подбородочный подчелюстной и затылочный-нащечный ремни. Налобный ремень отсутствовал. В таком случае находка в комплексе KVIII,5 двух тройников указывает на расположение их в местах соединения подчелюстного и нащечного ремней. Наряду с этим, существовали узды с налобным ремнем, что показано у коней всадников на Сулекской писанице (Кызласов, 1969, рис. 41; Кызласов, 1983, с. 32). Распространение тройников у населения сросткинской культуры И.Л. Кызласов расценивает как вероятный результат влияния древнехакасской культуры, хотя прототипы предполагает в материальной культуре тюрков II каганата (Кызласов, 1983, с. 32–33). По отношению к древнехакасским в рассматриваемом регионе захоронения ингумаций с тройниками являются несколько более поздними, кроме погребений раннесросткинского некрополя Иня второй половины VIII – первой половины IX в. (Уманский, 1959, с. 82; 1970).

В изучаемом регионе степных предгорий Алтая и верхнего Прииртышья тройники обнаружены в семи погребениях с ингумациями. Из них два захоронения с конями – GXII,2 и GXVI,1 – расположены на верхнем Алее (Могильников, 2002, рис. 86,15; 131,1,2), пять – в Верхнем Прииртышье: Юпитер (Археологическая..., 1960, табл. IX,271), Измайловка, 14/3, Акчий II,1/2, Карашат I,26, Карашат II,5 (Трифонов, 1987, рис. 73,30; 81,15; 106,1; 111,4, с. 214, 229). Среди них два погребения с конями – Юпитер и Карашат II,5. В последнем случае конь был захоронен в отдельной яме без сбруи, а остатки уздечки с двумя умбо-

новидными бляхами, бубенчиком и подпружной костяной пряжкой от седла находились в ногах погребенного. В трех других случаях (Изм,14,3; Акчий II,1/2, Карашат 1,26) узда была положена погребенным без коня. Кроме того, тройник, покрытый пышным растительным узором, из курганов между Обью и Иртышом опубликован Г.Ф. Миллером (Миллер, 1937, рис. 22) и четыре Т-образных тройника, в т. ч. три покрытых растительными узорами и один гладкий, из курганов, раскопанных бугровщиками в степи в районе Семипалатинска, изданы Е.Н. Дмитриевой и В.П. Левашовой (Дмитриева, Левашова, 1965, рис. 3,1,1а,2,4).

Для указанных тройников характерна полушарная выпуклость в перекрестии, которая у тройника из Акчий II,1/2 выступает слабо и почти уплощена (Трифонов, 1987, рис. 81,15). По фигурному завершению концов и орнаментации в виде Х-образных фигур с перевязью тройник из ГХII,2 (Могильников, 2002, рис. 86,15) наиболее близок тройникам тюхтятской культуры (Грач и др., 1998, табл. XXV; Кызласов, Король, 1990, рис. 37,7). По сочетанию в инвентаре удила с кольчатыми псалиями, стремян 8-видных и с петлей путлища в невыделенной пластине (Могильников, 2002, с. 31–33, рис. 86,8,9,15) наиболее вероятная дата погребения определяется в рамках X в.

К типу 2 тройников с прямоугольными концами с полукруглым выступом посередине (тип 16 по Е.В. Григорову, 1998, с. 158, рис. 4) относятся тройники из ГХVI,1 (Могильников, 2002, рис. 131,1,2), Юпитера (Археологическая..., 1960, табл. IX,271). Им подобен тройник из Сросткинского могильника (Грязнов, 1930, рис. 161). В сечении эти тройники трапециевидные и покрыты пышным растительным орнаментом. Дата погребений с этими тройниками – конец IX – X вв. (Могильников, 2002, с. 124, табл. 8), как считает Е.В. Григоров (Григоров, 1998, с. 158).

К этому типу тройников примыкают тройники с подпрямоугольными концами с фестончатыми фигурными краями. Сюда относятся тройники из собрания Г.Ф. Миллера (Миллер, 1937, рис. 22), три тройника из

раскопок бугровщиков в районе Семипалатинска (Дмитриева, Левашова, 1965, рис. 3,1,1а,2). Им также присуща пышная растительная орнаментация. Аналогии представлены в тюхтятской культуре (Кызласов, Король, 1990, рис. 37,2,6). Выраженную Т-образность данных тройников Г.В. Григоров расценивает как древнехакасскую традицию (Григоров, 1998, с. 158). Эти распределители типологически примыкают к тюхтятским формам и являются продукцией древнехакасских мастеров-ювелиров или изготовлены по их образцам местными мастерами, что для тройника из Сросток подмечено И.Л. Кызласовым (Кызласов, 1983, с. 32, прим. 66). Их дата также может быть определена второй половиной IX – X вв., скорее концом IX – X вв.

Скорее всего, местными подражаниями древнехакасским тройникам являются простые Т-образные недекорированные тройники из Измайловки, 14/3, и Акчий II,1/2 (рис. 16: 13) (Трифонов, 1987, рис. 73,30; 81,15). Комплекс из Измайловки, 14/3 по сережке, сохраняющей салтовские черты, с шариком на дужке с каплевидной подвеской, соединенно-кольчатым удилом с кольчатыми псалиями и 8-видным стремянам с приплюснутой петлей путлища, широкой, слегка прогнутой подножке с нервюрой (Трифонов, 1987, рис. 73,21,34,36,37) может быть также отнесен к концу IX – X вв. В отличие от вышеописанных литых тройник из Акчий II,1/2 тонкий, штампованный без закраин, что явно указывает на подражание более качественным литым изделиям. Украшавший уздечку железный сердцевидный налобник с инкрустацией серебряной фольгой (Трифонов, 1987, рис. 81,12) указывает на относительно позднюю дату второй половины X – начала XI в. Подобная инкрустация была на отдельных железных бляхах уздечного набора из ГХIII,5, датированного этим временем (Могильников, 2002, с. 124, табл. 8, рис. 105,6).

Тройник с гроздевидными концами из Карашат 1,26 (Трифонов, 1987, рис. 106,1). Его центральный полушаровидный умбон завершается короткой слабokonической трубочкой, предназначенной, возможно, для укрепле-

ния султанчика. Близкой формы тройники с гроздевидными лопастями имеются в конце VIII – первой половине IX вв. в раннесросткинском могильнике Иня на верхней Оби (Григоров, 1998, рис. 1,3; Уманский, 1970), а также на Южном Урале в курганах конца VIII–IX вв. (Мажитов, 1981а, рис. 20,22; 27,21; 29,5; 64,1). На Енисее у древних хакасов тройники с гроздевидными лопастями неизвестны. Их присутствие в при алтайских степях, вероятно, отражает западное, возможно среднеазиатское влияние, как и орнамент в виде гроздей винограда на уздечной гарнитуре (Могильников, 2002, рис. 44,2,6). Захоронение Карашат 1,26, разрушенное ограблением, содержало останки не менее трех особ без коня с инвентарем, включавшим три пары

8-видных стремян, пять или шесть сохранившихся фрагментарно удила с 8-видными звеньями и S-видными псалями со скобами, одно из которых снабжено петлей, присущей псалям конца VII – VIII вв. (Трифонов, 1987, рис. 105; 106), что вкупе с представленными здесь гладкими сердцевидными бляхами и длинными наконечниками определяет дату около IX в. н. э. С этой датой согласуется форма роговой подпружной пряжки с ровными боковыми гранями и тупоугольным носиком (Трифонов, 1987, рис. 106,28). Тройник из Карашат II,5 с граненым умбоном с отверстием в центре, очевидно, близок хронологически в пределах конца IX – X вв. (Трифонов, 1987, рис. 111,4), хотя полных аналогий ему нам неизвестно.

СЕДЛА

Основу седла кимаков составляли две деревянные полки подпрямоугольной формы, скрепленные передней и задней луками. В отдельных погребениях сохранились фрагменты деревянных частей седла. Наиболее хорошую сохранность имели остатки седла из Изм,14/3. По описанию Ю.И. Трифонова (Трифонов, 1987, с. 139–140, рис. 72,4,5; 73,38), от этого седла удовлетворительно сохранились задняя лука и левая полка ленчика. Передняя лука и правая полка ленчика очень фрагментарны.

Седло сопровождалось двумя закинутыми на сиденье сбруйными ремнями, от которых сохранились только бронзовые прямоугольные бляхи с двумя T-образными тройниками, которые сохранили свое первоначальное положение на ремнях. За задней лукой седла лежала круглая железная подпружная пряжка с обломанным язычком и круглая деревянная чаша диаметром около 20 см, высотой 12 см, возможно приторачивавшиеся к седлу. Седло имело два железных 8-видных стремени с широкой подножкой с нервюрой и было уложено в ногах погребенной здесь женщины (судя по инвентарю), в северо-западном углу могилы. На ноги была брошена уздечка с соединенно-кольчатыми удилами с большими кольчатыми псалями (Трифонов, 1987,

рис. 72,4; 73,20–38). Задняя лука седла реконструируется Ю.И. Трифоном как широкая пологая, передняя – как высокая, что при учете сохранившихся остатков представляется обоснованным. Инвентарь позволяет датировать погребение X – началом XI в., наиболее вероятно второй половиной X – началом XI в.

В других погребениях рассматриваемого региона остатки седел более фрагментарны. Деревянные части остова седла скреплялись в дополнение к ремням железными штырями-заклепками, часто находимыми в погребениях. В погребении знатного воина с тремя конями из Кондратьевки IV,2 в Верхнем Прииртышье сохранились крупные фрагменты деревянного седла с остатками кожаной обивки и мелкими бронзовыми гвоздиками от этой обивки, а также железные заклепки от седла (Алехин, 1998, с. 201). Небольшой фрагмент деревянной полки седла, с пробитыми медными гвоздиками, вероятно от подобной же кожано-войлочной обивки, обнаружен в разграбленном погребении с конем ГХIII, I (Могильников, 2002, рис. 99,13).

В отдельных случаях в богатых захоронениях луки седел украшали роговые, сегментовидные в сечении полированные канты, абрис которых также указывает на узкую высокую переднюю луку и широкую отлогую заднюю.

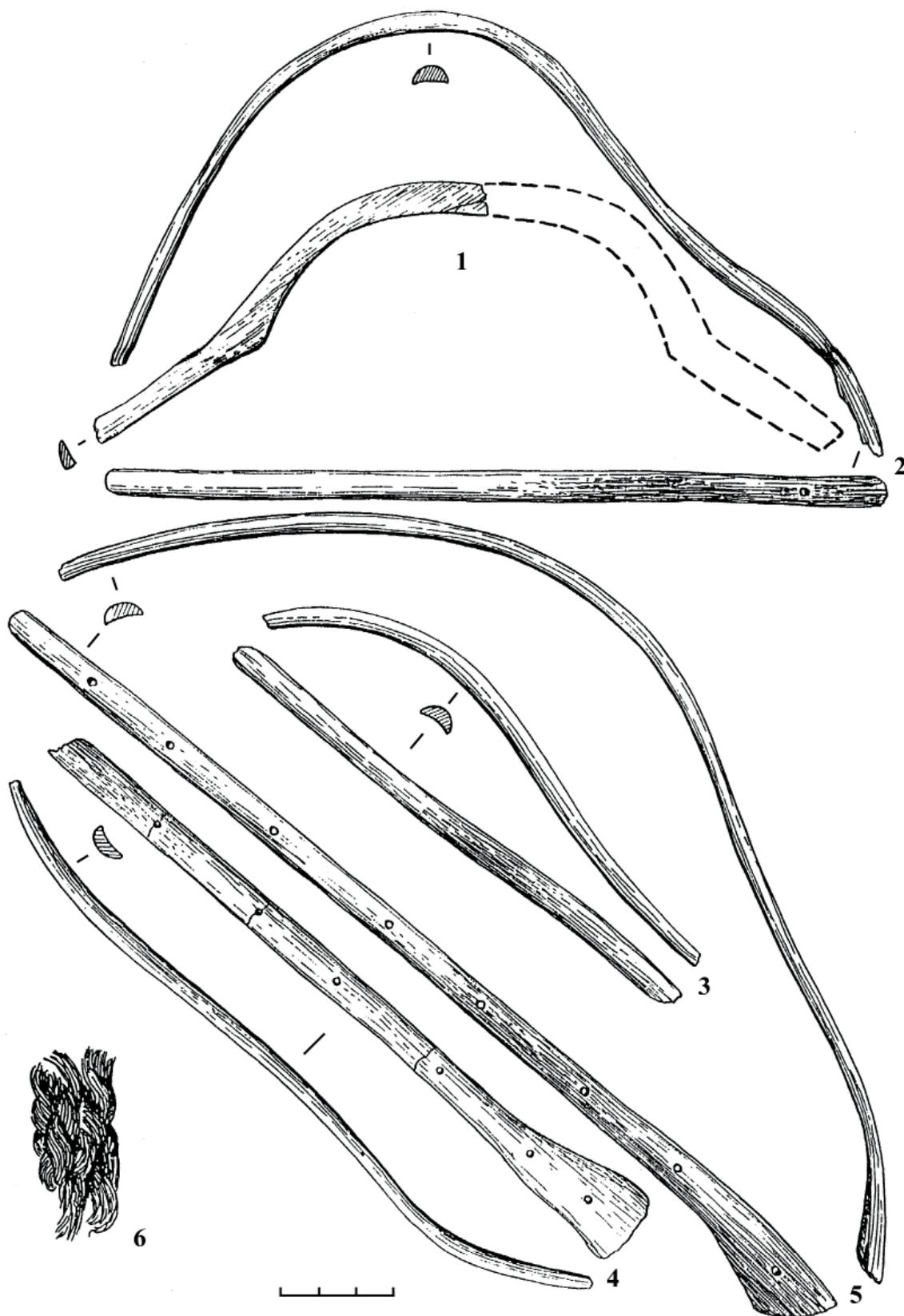

Рис. 17. Роговые накладки на луки седла.
 1–5 – роговые накладки луки седла: вид сверху и сбоку; 6 – обрывок веревки (аркана – ?) из темного конского волоса. 1–6 – Гилево XII, 2.

Наиболее хорошо их фрагменты сохранились в ГХII,2 и ГХIII,5 (рис. 17; 18), причем в ГХII,2 они лежали на спине коня *in situ* (Могильников, 2002, рис. 84,20). Возможно, фрагмент подобной накладки, украшенной циркульным орнаментом, найден в ГVII,7 (Могильников, 2002, рис. 54,7), а также в Юпитере (Археологическая..., 1960, табл. IX,279). Окантовки крепились к деревянным лукам седел маленькими костяными (рис. 18: А, 5) или металлическими, медными и железными гвоздиками. Подобные костяные канты с циркульным орнаментом и без него известны у кочевников степей Восточной Европы начала II тыс. (Плетнева, 1973, табл. 7; Федоров-Давыдов, 1966, с. 21).

Возможно, украшением передней луки седла служили роговые накладки с изображением разнонаправленных конских головок, обломки которых обнаружены в ограбленном погребении молодой женщины-воительницы из ГХIII,6 (рис. 18: Б), в инвентаре которой находились также костяной и железные наконечники стрел (Могильников, 2002, рис. 111). Декоративный мотив в виде разнонаправленных протом коней представлен в роговых накладках колчана из Акчий II,2 (Трифонов, 1987, рис. 84) (рис. 7: I, в–г). Украшением передней луки седла могла служить также костяная вытянуто-овальная накладка с двумя рядами циркульного орнамента из Шеп, I,4 (рис. 8: 6). Автор публикации материала с этого памятника А.А. Тишкин предлагает три возможных варианта ее назначения – накладка колчана, луки седла или ножен меча (Тишкин, 1993а, с. 98, рис. 4,19). Второе кажется наиболее вероятным. Кроме того, неясно назначение двух серебряных треугольных тисненых пластинок из ГII,3 (рис. 16: 11, 12) (Могильников, 2002, рис. 6,2,3). Они могли служить как украшением колчана, так и накладкой на переднюю луку седла. Орнаментированные роговые накладки треугольной формы известны в декоре передних седельных луков у кочевников степей Восточной Европы XI–XIII вв. (Федоров-Давыдов, 1966, с. 221, рис. 2,2). Следует отметить, что, несмотря на доступность такого материала, как рог лося, роговые окантовки

седельных луков обнаружены только в богатых погребениях и седла с подобными украшениями являлись показателем престижа.

В отдельных случаях к седельным лукам, попарно, на переднюю и заднюю луки, крепились кольца для приторачивания поклажи. Пробой колец забивали в луки. Концы их загибали, что обеспечивало прочность крепления. Такие приспособления обнаружены в трех комплексах – ГХII,2 X – начала XI в. и ГХIII,5 на Алее и Карашат I,14 на Иртыше (Могильников, 2002, рис. 85,12; 106,11,14,15; Трифонов, 1987, рис. 95,16.17). В ГХII,2 находились четыре оригинальных крестовидных литых бронзовых позолоченных пробои с растительным орнаментом, кольца которых были утрачены (рис. 16: 6). Они располагались, как отмечено, попарно на месте передней и задней луки справа и слева от хребта коня. Аналогии им мне неизвестны. Второго типа железные пробои с кольцом, встреченные в ГХIII,5 (рис. 16: 3, 4) и Карашат I,14, судя по сопутствующему материалу стремяна с невыделенной петлей путлища, 8-видные удила с железными S-видными псалиями, датируются второй половиной X – первой половиной XI в. Они являются одними из наиболее ранних среди известных пробоев этого типа, распространение которых относится в основном к предмонгольскому и монгольскому времени. Подобные железные пробои известны в тухтятской культуре второй половины IX – начала XI вв. (Кызласов, 1960, рис. 13; 1981, рис. 33,41; Нечаева, 1966, рис. 9), у кыпчаков в Пахомовском могильнике XII–XIII вв. в Ишимской степи (Генинг, Овчинникова, 1969, табл. 64,2), в аскизской культуре (Кызласов, 1983, табл. XIV,35–38), на Алтае в XIII–XIV вв. в Кудыргэ,17 и в Пазырыке,5, впускная могила (Гаврилова, 1965, табл. XXVII,5, рис. 12,5–7).

Седло имело нагрудный и подхвостный ремни, которые удерживали его от сползания вперед или назад при езде по горам. Такие ремни показаны на фигурках всадников в мелкой бронзовой пластике – ГХII, I (рис. 16: 1) (Могильников, 2002, рис. 82,16), возможно на фигурках из Сросток (Неверов,

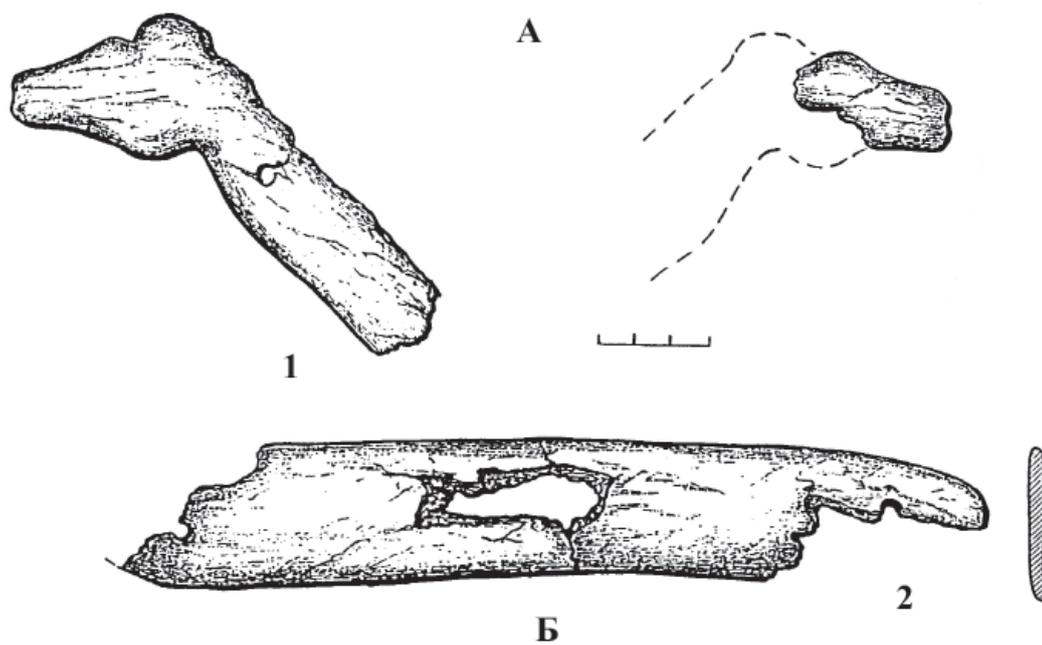
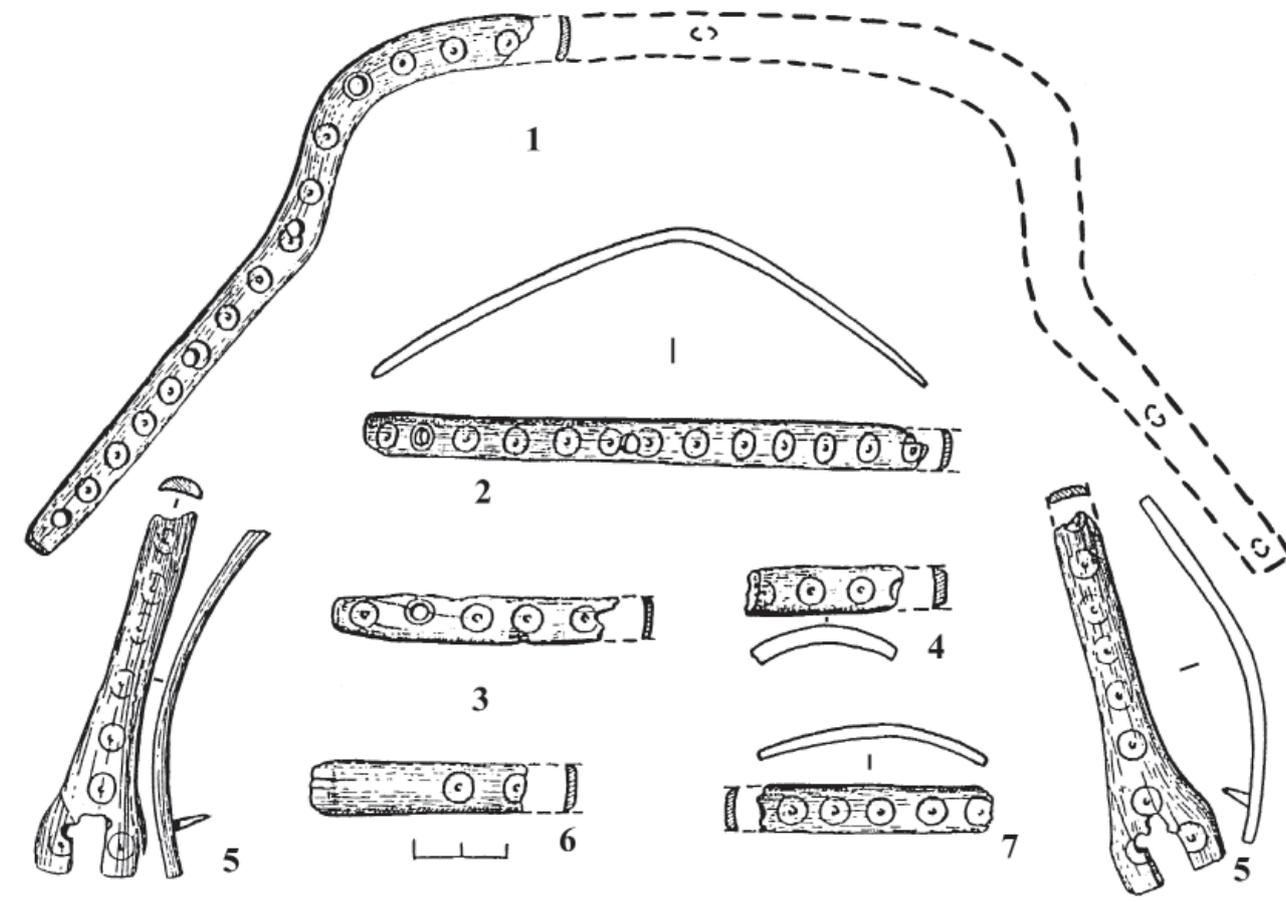

Рис. 18. Роговые накладки на луки седел.
 А – Гилево XIII, 5; Б – Гилево XIII, 6.

Горбунов, 1996, рис. 7,1,3). Показан подхвостный ремень у коня древнехакасского рыцаря на Сулекской писанице, но нагрудный ремень здесь не изображен (Кызласов, 1969, рис. 41).

Седельные ремни, как и ремни уздечек, украшались бронзовыми и бронзовыми с позолотой бляхами, а перекрестия ремней декорировались более крупными сердцевидными бляхами-реумами. Бляшки от нагрудного и подхвостного ремней в близком к первоначальному положению сохранились возле костяков коней в ГVII,4,2 (Могильников, 2000, рис. 5,6; 6,2; 2002, рис. 42,2; 43,6), а также в ГXII,2 и КII,1 (Могильников, 2002, рис. 84,19; 137,а). В отдельных случаях на боку у коня, от подхвостного ремня свисали короткие подвесные ремешки, также украшенные бляшками. Такой ремешок, надо полагать, изображен на крупе коня фигурки всадника из ГXII,1 (рис. 16: 1), а также обнаружен в разграбленном погребении с конем ГVII,10 (рис. 16: 7) (Могильников, 2002, рис. 57,4). Седельные ремни, как отмечено, украшали бляшки, сохранившиеся *in situ* возле остатков седла в Измайловке, 14/3 (Трифонов, 1987, с. 140, рис. 72,5; 73,38). От входивших в состав гарнитуры подхвостных (?) ремней двух тройников свисали короткие подвесные ремешки с наконечниками, а от украшавших основной ремень бронзовых прямоугольных бляшек с выступом свисали на ремешках две круглые бляшки, подобно налобникам на уздах (рис. 16: 18) (Трифонов, 1987, рис. 73,24,25).

Седла застегивались на подпруги, которых у седла, видимо, часто было две, что обеспечивало большую прочность крепления. На наличие двух подпруг указывает попарное рас-

положение подпружных пряжек *in situ* на ребрах коней в ГVII,4,2 и ГXII,2 (Могильников, 2000, рис. 5,6,3,4; 2002, рис. 43,6,3,4; 84,21). Расположение этих пряжек указывает, что подпруги застегивались сбоку, ближе к спине коня, как у современных седел. Примечательно, что в обоих случаях пряжки находилось с разных сторон хребта коня на ребрах, что позволяет думать, что одна подпруга застегивалась слева, другая справа. Это не исключено, хотя и неудобно.

В связи с этим возникает вопрос, не являлись ли данные пряжки путлицными для регулирования длины ремня путлица? В таком случае должны дополнительно присутствовать подпружные пряжки, но их не было. В обоих указанных случаях фигурировали крупные литые бронзовые «бабочковидные» пряжки с железными язычками (Могильников, 2000, рис. 7,19; 2002, рис. 44,19; 86,17), соответствующие величине подпружных пряжек. Подобные бронзовые крупные пряжки попарно встречены также в ГXIII,5 (Могильников, 2002, рис. 106,13) и в Кондратьевке IV,2/1 (Алехин, 1998, с. 201). Во всех указанных случаях других особых подпружных пряжек не было, что дополнительно подтверждает, что данные пряжки были подпружными.

Бронзовые подпружные пряжки обнаружены только в богатых погребениях. Обычно подпружные пряжки, в т. ч. в могилах с богатым инвентарем (ГXVI,1, ГV,5, ГV,6 и др. (Могильников, 2002, рис. 23,30; 25,16; 131,4)), были роговыми или костяными и чаще при одном коне или при одном седле по одной в погребении, что говорит о седлах с одной подпругой в большинстве случаев.

ГЛАВА 4

ОРУДИЯ ТРУДА И ПРЕДМЕТЫ БЫТА

В сравнении с предметами вооружения и конского снаряжения орудия труда в погребениях находятся значительно реже, что в значительной мере является показателем дружинного характера захоронения.

По назначению орудия труда делятся на универсальные полифункциональные и специализированные, рассчитанные на занятие определенным видом деятельности или ремесла.

НОЖИ

К универсальным орудиям труда прежде всего относятся ножи, которые использовались при самых различных домашних работах и встречены в мужских и женских погребениях, а также в захоронениях подростков. В непо потревоженных погребениях ножи часто находятся в области пояса и часто имеют следы дерева от ножен, что может служить показателем того, что ножи носили подвешенными в ножнах к поясу. В отдельных случаях ножи располагаются около костей животных, позвонков барана, мясо которого, филе или курдюк, укладывали в могилы в виде ритуальной пищи: GXII,2, III,I и др. (Могильников, 2002, рис. 100,1,4; 203). Обычно ножи имеют почти прямую спинку и два уступа со стороны спинки и лезвия при переходе к черешку

(рис. 19: 2). Такой формы ножи были широко распространены в конце I – начале II тыс. у разных народов. Их хронология в узких рамках не определяется. По размерам ножи обычно небольшие. Длина около 10–15 см вместе с черешком рукояти. У некоторых ножей уступы при переходе от клинка к черешку выражены слабо или почти не выражены. Спинка и лезвие почти плавно переходят в черешок. Такие ножи, как и ножи с уступами, также широко распространены в указанный период, особенно у населения лесостепи и лесной полосы Западной Сибири (Могильников, 1987б, табл. LXVIII,18; LXX,23,24; LXXVII,40 и др.). Ножи имели деревянные рукояти, следы которых в отдельных случаях сохранились на черешках.

ТЕСЛА

Подобно ножам тесла относились к полифункциональным орудиям труда. В основном они служили для обработки дерева и использовались в зависимости от насада в качестве тесла и топора. На данную функцию этих орудий указывает в большинстве случаев почти прямое, слабо дуговидное лезвие, а на преимущественное использование в качестве тесла – асимметричный наклон лезвия (рис. 19: 8, 15, 17).

Найдены преимущественно в мужских, но изредка встречаются и в женских погребени-

ях – GVII,10, KVII,1 (Могильников, 2002, рис. 57,8; 161,13). В последнем случае вероятно использование тесел как корнекопалок. Этнографической параллелью данному орудию может являться алтайский и шорский озуп, или обыл (Потапов, 1937). Всего нами учтено 16 погребений (ингумации) с теслами на верхнем Алее (Могильников, 2002, с. 107–108; табл. IV) и четыре – в Верхнем Прииртышье, т. ч. два с труположениями: Зевакино (Арсланова, 1969, с. 56), Карашат II,I (Трифонов, 1987, рис. 107,5), и два из захоронения с кре-

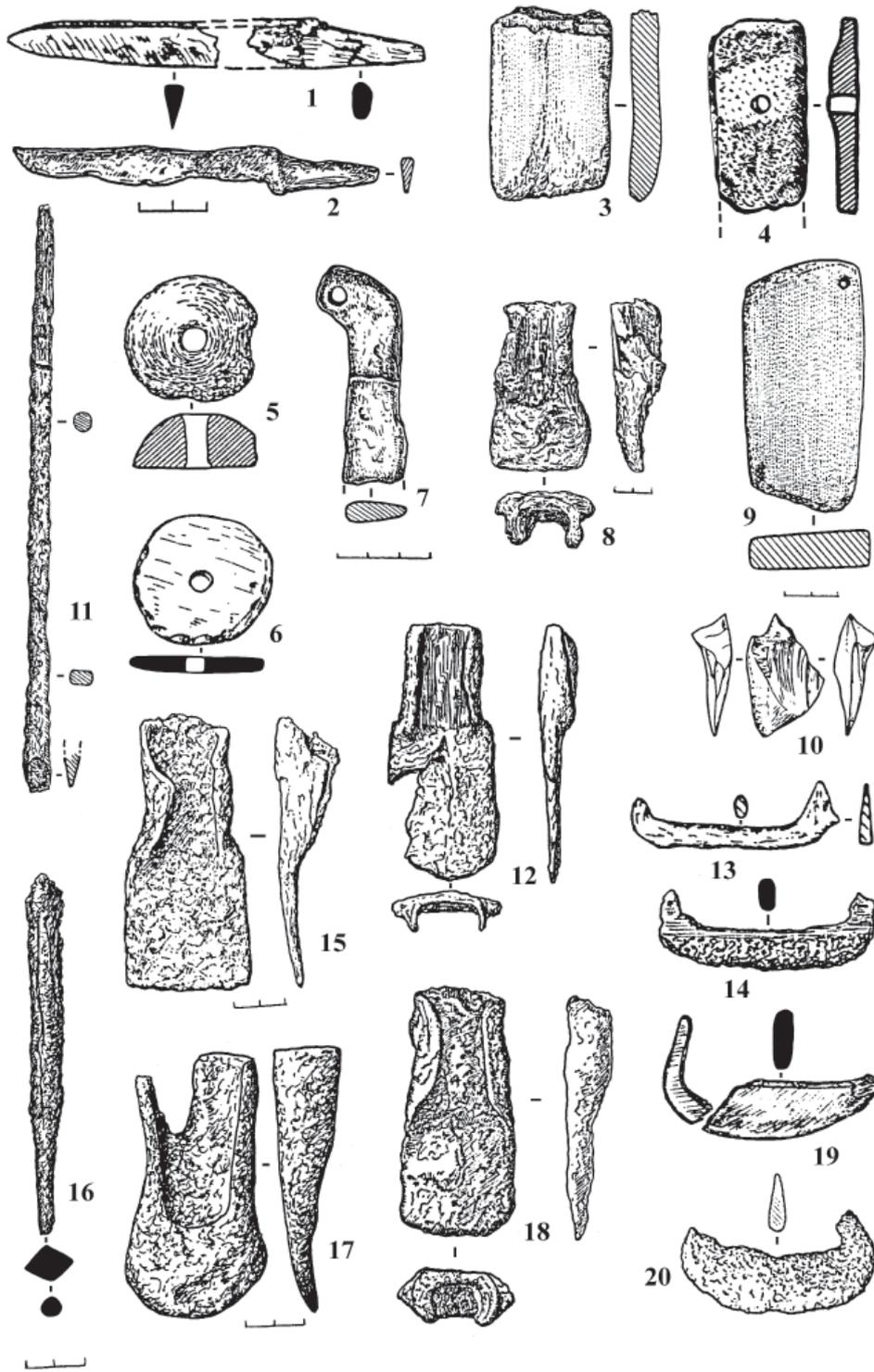

Рис. 19. Орудия труда и предметы быта.

1, 2 – ножи; 3, 4, 9 – оселки; 5, 6 – пряслица; 7 – рукоять ножа (?); 8, 12, 15, 17, 18 – тесла; 10 – кусок кремня от огниво; 11 – долото; 13, 14, 19, 20 – кресала; 16 – напильник. 3, 4, 9, 10 – камень; 5 – кость; 6 – гипс; остальное – железо. 1 – Акчий I, 1, 2; 2 – Гилево XIV, 4; 3 – Гилево XIV, 3; 4 – Зевакино, 146; 5 – Гилево II, пос.2; 6 – Измайловка, 14; 7 – Гилево V, 7; 8 – Гилево XIV, 2; 9, 10, 15 – Корболиха X, 8; 11 – Павловка I, 2; 12 – Корболиха III, 3; 13 – Ахмирово II, 2; 14 – Корболиха X, 5, 1; 16, 17 – Гилево II, 3; 18 – Корболиха VIII, 4; 19 – Карашат I, 15; 20 – Кураевка I, 1.1, 6, 19 – по Трифонов, 1987; 4 – по Арсланова, Кляшторный, 1973; 13 – Ткачев, Ткачева, 1998; 2, 3, 5, 7–12, 14–18, 20 – по Могильников, 2002.

мациями: Зевакино, 97, 100 (Арсланова, 1972, табл. III,I; IV,17).

Классифицируя тесла древнетюркского времени из Южной Сибири, С.П. Нестеров разделил их на два типа (Нестеров, 1981, с. 168–172). Тип 1 – тесла с шириной лезвия равной ширине втулки или чуть уже последней. Тип 2 – тесла с плечиками, ширина лезвия у них больше ширины втулки, а на стыке втулки и лезвия находятся плечики. Первые он датировал VI–VIII вв. и связал с тюркской традицией, вторые – VIII–X вв. и указал на распространение их на Алтае, в Верхнем Приобье, Туве и Минусинской котловине (Нестеров, 1981, с. 170–171). В отличие от этого, А.А. Адамов, основываясь на более обширном материале, указывает, ссылаясь на находки в Тимирязевских и Шестаковских курганах, что тесла с плечиками появились в V–VII вв., но до IX в. встречались очень редко, господствовали тесла без плечиков (Адамов, 2000, с. 48–49). В IX–X вв. тесла обоих типов существуют, а в X–XII вв. тесла с плечиками господствовали. В X–XI вв. господствовали они и в рассматриваемом регионе Верхнего Прииртышья и северо-западных предгорий Алтая.

Различия между типами определялись также технологией формовки тесел, подмеченной С.П. Нестеровым (Нестеров, 1981, с. 169–170). При изготовлении тесел типа 1 у раскаленной четырехугольной пластины с одного конца оттягивались продольные стороны, а затем загибались в несомкнутую втулку шириной, равной ширине лезвия или несколько более ее. Для тесел типа 2 края подпрямоугольной пластины с одного конца загибались во втулку так, что получались плечики, а лезвие для придания окончательной формы проковывалось и несколько расплющивалось. Тесла типа 2, с плечиками, технологически были более совершенны.

Тесла имели несомкнутую втулку для насады на коленчатую деревянную рукоять. В изучаемом регионе большинство тесел (16 экз.) имеют небольшие плечики при переходе от втулки к лезвию (рис. 19: 12, 15) и могут быть отнесены к типу 2 тесел по классификации С.П. Нестерова. К типу 1 тесел с втулкой,

равной по ширине длине лезвия, относятся три тесла, происходящие из трех погребений: одно с кремацией – Зев., 100 (Арсланова, 1972, табл. IV,17), и два из ингумаций – одно из ГП.3 и одно из KVIII,4. (рис. 19: 17, 18) (Могильников. 2002, рис. 7,9; 171,18). Правда, следует отметить, что плечики здесь уже чуть намечены. Из-за плохой сохранности железа не ясно, имелись ли плечики у тесла из КП.1 (Могильников, 2002, рис. 138,10). Размеры тесел около 12×8 см с некоторыми колебаниями величины. Вариации формы могли быть обусловлены уровнем мастерства кузнеца и рядом других конкретных особенностей, в частности степенью сработанности орудия, которая из-за коррозии плохо фиксируется. Округленное лезвие у массивного тесла из Карашат II,1 (Трифонов, 1987, рис. 107,5) может служить показателем использования его как корнекопалки или другого землеройного орудия. Невыраженность плечиков у тесел из ГП.3, KVIII,4 и Зев., 100 (Арсланова, 1972, табл. IV,17; Могильников, 2002, рис. 7,9; 171,18) восходит к формам тесел типа 1 алтайских тюрков и в то же время связано с относительно ранней датой указанных комплексов в рамках второй половины IX – начала или первой половины X в. Связь невыраженности плечиков у тесел культур Саяно-Алтая IX–X вв. с формами тесел алтайских тюрков была подмечена И.Л. Кызласовым (Кызласов, 1983, с. 41). Тесла типа 2, с плечиками, в IX – первой половине XI в. известны у енисейских кыргызов в тюхтятской культуре (Кызласов, 1969, табл. III,47; рис. 34,1; Грач и др., 1998, табл. XX,23), в сросткинских памятниках Верхнего Приобья (Грязнов, 1956, табл. LIV,7; LVI,10; Адамов, 2000, с. 48, рис. 34,6; 35,6; 37,3; 40,5; 43,5; Неверов, Горбунов, 1996, рис. 4,13; Савинов, 1998, рис. 8,15; Троицкая, 1978, рис. 3,11) и Барабы (Бараба..., 1988, рис. 22,17; 24,11). В то же время в VIII–IX и IX–X вв. в Барабе и в Верхнем Приобье в меньшем количестве представлены тесла без плечиков с длиной лезвия, равной ширине втулки или чуть меньше ее (Бараба..., 1988, рис. 27,8; 39,16,17; Грязнов, 1956, табл. LVII,16). Тесла с плечиками и без плечиков были распростране-

ны у населения южнотаежной зоны Западной Сибири (Могильников, 1987б, табл. LXX,17; LXXII,10; LXXVII,46; LXXXIII, 43; XCVI,41), причем те и другие сосуществовали.

Обращает на себя внимание малочисленность находок тесел в Верхнем Прииртышье (2 экз. из погребений с ингумациями и 2 экз. из кремаций) в сравнении с их количеством на верхнем Алее (16 экз. из захоронений с труположениями). Вероятно, это объясняется большей распространенностью деревообработки у населения Алея, проживавшего вблизи лесных массивов Алтая и ленточных боров, чем у населения степей Верхнего Прииртышья. Аналогичным образом большее количество находок тесел в лесостепной зоне, нежели в степной, отмечает А.А. Адамов, связывая это с большей ролью тесел в хозяйственной жизни в лесостепи, из-за чего они чаще входили в погребальный инвентарь (Адамов, 2000, с. 49). Еще раз остановимся на назначении тесел.

В качестве оружия тесла, по-видимому, использовались в экстраординарных случаях. Главная их функция как орудий труда – тесло, топор и, по-видимому, корнекопалка. Сторонники рассмотрения тесел в качестве оружия (Ю.С. Худяков, С.П. Нестеров) основным ар-

гументом этого считают совместные находки тесел и других видов вооружения в погребениях. Однако тесла встречены в отдельных мужских захоронениях без оружия (КШ,3) и даже в единичных женских захоронениях, где оружие отсутствовало – КVII,I (Могильников, 2002, рис. 150,1; 161,13). К тому же вряд ли в арсенале воина, вооруженного кроме лука со стрелами палашом или саблей и копьем, тесло играло как оружие существенную роль. Скорее всего, оно также применялось для рубки и обработки дерева, что требовалось в повседневной жизни. По разнообразию применения тесла уступали только ножам. В качестве универсальных деревообрабатывающих орудий оценивали тесла С.В. Киселев (Киселев, 1951, с. 516, 529); Л.Р. Кызласов (Кызласов, 1969, с. 21); Б.Б. Овчинникова (Овчинникова, 1990, с. 56), А.А. Адамов (Адамов, 2000, с. 49). В.П. Левашова рассматривала тесла как длительно существовавшие универсальные орудия (Левашова, 1952, с. 132), дожившие в Хакасии в качестве лопаточки для выкапывания корней «озуп» и рыхления земли до этнографической современности. М.П. Грязнов считал тесла не только топором-теслом, но и, вероятно, оружием (Грязнов, 1956, с. 152).

НАПИЛЬНИКИ

Для заточки и изготовления изделий из железа служили напильники, которые в погребениях встречаются редко. Напильник ромбического сечения длиной около 10 см, с шириной грани 1–1,2 см, длиной черешка 4,5 см обнаружен в погребении мужчины с двумя подростками ГII,3 (рис. 19: 16) (Могильников, 2002, рис. 7,10). Напильники прямоугольного сечения встречены в Катанде II, к. 2, 1925 г. VIII–IX вв., и в к. I Сросток, раск. С.М. Сергеева 1930 г. X – нач. XI в. (Гаврило-

ва, 1965, рис. 9,14; Савинов, 1998, с. 178–179, табл. VII,5). Примечательно, что напильник из к. I Сросток был помещен в колчан со стрелами и предназначался, очевидно, для их заточки. Отдельные находки напильников известны в тюхтятской и аскизской культурах (Кызласов, 1969, табл. III,44; Кызласов, 1983, рис. 26,39; табл. XXIII,14–18). Все напильники связаны с мужскими погребениями, являлись инструментом мужчин.

ОСЕЛКИ

Служили для заточки различных железных изделий, как орудий, так и предметов быта, скорее всего ножей. В погребениях находятся весьма редко и относятся, как правило, к инвентарю мужчин, реже – женщин. На верхнем

Алее оселки констатированы в шести погребениях – ГVI,5, ГVII,4/2, ГXIV, 3/2, КII,I, КX,8, ГII, пос./2. При этом в ГVII,4/2 было два оселка (Могильников, 2002, рис. 32,17; 48,21,22; 120,15; 138,11; 193,16; 207,8), а захороне-

ние в ГП, пос./2 было женским. Обычно это слабо подработанный продолговатый кусок песчаника или сланца длиной до 17–18 см, шириной до 5–7 см, плоская сторона которого использовалась для заточки (рис. 19: 3). Такие оселки носили, очевидно, в сумочках, подвешиваемых к поясу. Только в КХ,8 обнаружен подпрямоугольный брусок размером 9,5×4,5×1,2 с отверстием в углу для подвешивания (рис. 19: 9).

В Верхнем Прииртышье находки оселков также редки. Возможно, для заточки использовалась небольшая сланцевая плитка подромбической формы из Темир-Канки II,2 (Трифонов, 1987, рис. 66,16). Впрочем, не исключено ее другое назначение. Подпрямоугольный оселок с отверстием для подвешивания происходит из Зевакино, 146/1 (рис. 19: 4) (Арсланова, Кляшторный, 1973, с. 306, 308, табл. I,8). Оселок находился справа у головы женщины, и на нем лежала одна из серебряных позолоченных серег. Примечательно, что 2 экз. оселков, найденных в погребениях Барабы, также были у голов погребенных.

При этом малочисленность находок оселков объясняется дефицитом камня в Барабе (Бараба..., 1988, с. 60). Однако это скорее особенность ритуала. Так, при малочисленности находок оселков в Верхнем Прииртышье де-

фицита камня не было. Редки оселки в виде брусочка с отверстием и в древностях кочевников Восточной Европы (Федоров-Давыдов, 1966, с. 85). В целом оселки с отверстием для подвешивания известны на Алтае с VIII–VII вв. до н. э. (Грязнов, 1947, рис. 5,9; 1956, табл. XV,20; XVII,3,4; Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 56,1–3; Марсадилов, Погожева, 2002, рис. 8,2). Затем они представлены на одинцовском этапе IV–VI вв. в Верхнем Приобье (Грязнов, 1956, табл. XL II,1). В эпоху раннего Средневековья оселки с отверстиями для подвешивания известны в конце VII–VIII вв. у праболгар на средней Волге в Новинках (Багаутдинов и др., 1998, рис. 33,8), позднее, в VIII–IX вв., изредка встречаются в погребениях салтовской культуры Подонья, хотя на поселениях находятся там довольно часто (Плетнева, 1989, с. 93, рис. 46).

Хотя в повседневной жизни оселки носили у пояса, в погребениях их местоположение различно. Как отмечено, в Зевакино, 146/1 он лежал у головы справа, в КХ,8 – у левого плеча, в ГVII,4/2 – у левой стопы, в ГXIV,3/2 – у левого бедра, в ГП, пос./2 – слева против пояса (Могильников, 2002, рис. 45,8,9; 119,2,2; 192,3; 207,7). Преимущественное расположение оселков слева позволяет полагать, что оселки подвешивали к поясу с левой стороны.

КРЕСАЛА

Кресала встречены в немногих мужских и единичных женских ГП, пос./2, ИвVII,2 (Алехин, 1997, с. 133–134, рис. 1,3) погребениях. Малочисленность их находок частично объясняется ограбленностью могил и плохой сохранностью железа. Вследствие последнего в отдельных погребениях – ГXIII,1, ГXIV,3, КХ,8, ГП, пос./2 – от огнив остались только кусочки кремня (рис. 19: 10) (Могильников, 2002, рис. 99,7; 120,14; 193,13,14; 207,4–6).

Всего в рассматриваемом регионе зафиксировано 13 кресал, в т. ч. в Верхнем Прииртышье – 5: Карашат I, кк. 15,26 (Трифонов, 1987, рис. 97,15; 205,21), Меновное УП (2) (Ткачев, Ткачева, 1999, с. 144), Ахмирово II,2 (Ткачев, Ткачева, рис. 4,9), на верхнем Алее – 4: КII,5, КХ.5/I, Кур.I (Могильников, 2002,

рис. 142,8; 188,7; 206,13), помимо четырех вышеупомянутых погребений с находками кремней на Чарыше и в междуречье Чарыша и Алея – 4: Шепчиха 1,3 (2), Белый Камень, 3 (Тишкин; 1993а, с. 91, рис. 2,14,15; 1993б, с. 237, рис. 5,8), Ив.VII,2 (Алехин, 1997, с. 133–134, рис. 1,3). А.А. Тишкин кресала ошибочно назвал в Шепчихе 1,3 железными скобами, а в Белом Камне,3 – креплением ножа. В действительности в обоих случаях представлены кресала скобовидной формы.

По форме кресала делятся на два типа: 1) скобовидные (рис. 19: 13, 14), количественно преобладающие (9 экз.), у которых концы почти прямоугольной скобы забивали в деревянную рукоять; 2) калачевидные, у которых широкое округленное лезвие крепилось

загнутыми концами также, вероятно, в деревянной рукояти (рис. 19: 19, 20). Калачевидные кресала (4 экз.) обнаружены на верхнем Алее – Кур.І – и в курганах Верхнего Прииртышья – Карашат 1,26; (Трифонов, 1987, рис. 105,21) и Меновное VII (2-?) (Ткачев, Ткачева, 1999, с. 144).

Численно преобладающие скобовидные кресала характерны для Южной Сибири и почти несвойственны, редки у населения Западной Сибири, к западу от Иртыша, в Приуралье и Восточной Европе. Появившись в IX–X вв., эта простая и рациональная форма просуществовала в Сибири до XIII–XIV вв. и далее до присоединения Сибири к России.

Сводку находок скобовидных кресал приводит А.А. Адамов (Адамов, 2000, с. 51–52). В памятниках сросткинской культуры Новосибирского Приобья, датируемых А.А. Адамовым X–XIV вв., найдено не менее 15 экз. таких кресал.

В Среднем Поволжье они обнаружены в Танкеевском могильнике IX–X вв., (Казаков, 1971, с. 104), на Дону – в Правобережном Цимлянском городище (Плетнева, 1967, рис. 39,6). В значительном числе они представлены в погребениях XI–XII и XIII–XIV вв. на Басандайке под Томском (Басандайка, 1947, табл. 47,5,26; 51,22; 56,31,40; 60,69; 78,4; 87,94,100), в Калмакском и Змеиркинском могильниках X–XIII вв. с захоронениями кремаций древних хакасов на среднем Чулыме (Беликова, 1996, с. 68), в аскизской культуре на всех этапах, однако, по мнению И.Л. Кызла-

сова (Кызласов, 1983, с. 41), они не вытекают здесь из местной линии развития этого орудия. Такое заключение кажется недостаточно аргументированным. Скорее тюркская линия развития кресал, конструктивно связанных с сумкой, в IX–X вв. сменилась более простым и удобным в изготовлении скобовидным кресалом. Подобные кресала найдены: в Сибири на широкой территории преимущественно к востоку от Оби – на поселениях IX–X вв. у г. Гурьевска в Кузнецкой котловине (Елькин, 1974, с. 123, рис. 1,20), в монгольском погребении XII–XIII вв. в Забайкалье (Ковычев, 1981, рис. 2,3), у амурских чжурчженей конца X–XI вв. (Медведев, 1977, с. 198, табл. XXXVIII,1–14).

В отличие от скобовидных аналогии калачевидным кресалам ведут на запад. Они известны в Каранаевских курганах IX–X вв. в Южном Приуралье (Мажитов, 1981а, рис. 60,31), в неволинской культуре Среднего Приуралья (Голдина, Водолаго, 1990, табл. LI,43), в курганах Павлодарского Прииртышья X–XII вв. (Арсланова, 1968, вклейка, рис. 90,94,95,98,99,103). В лесном Зауралье они представлены в юдинской культуре X–XIII вв., где подобное кресало было, скорее всего, русским импортом, в памятниках макушинского типа XIII–XIV вв., в Приишимье в кыпчакском Паховском могильнике XII–XIII вв. (Могильников, 1987б, табл. LXX,19; LXXII,16; LXXIV,22). Верхнее Прииртышье и северо-западные предгорья Алтая являются восточным пределом их распространения.

ПРЯСЛИЦА

Пряслица являются редкой находкой. Зафиксированы в трех женских погребениях: гипсовое из Измайловки, 14/3 (Трифонов, 1987, с. 139, рис. 73,20), каменное из Шепчихи 1,6 (Тишкин, 1993а, с. 92, рис. 5,1) и вырезанное из головки бедренной кости – в грунтовом погребении ПII, пос./2 (Могильников, 1992, рис. 1,1; 2002, рис. 207,1). Каменные пряслица круглые плоские; костяное повторяет форму кости (рис. 19: 5, 6). Три подобных плоских сланцевых пряслица обнаружены в курганах Барабы IX–X вв., относимых к Барабинскому

варианту сросткинской культуры (Бараба..., 1988, с. 60). В Новосибирском Приобье также обнаружено три пряслица. Причем два из них – костяное и глиняное – происходят с городищ X–XII вв. Черный Борок 20 и Каманушка 3, и одно – из черного смолистого вещества (капа?) из могильника XIII–XIV вв. Высокий Борок (Адамов, 2000, с. 50).

Единичны находки предметов типа пряслиц в Горном Алтае, где они также встречены в женских погребениях. Глиняные просверленные кружки обнаружены в погребениях

конца VII–VIII вв. Катанда II,5 1954 г. (Гаврилова, 1965, с. 61–62, рис. 7,7) и Кара-Коба 1,72 (Могильников, 1990б, рис. 15,3). В обоих случаях в погребениях они находились возле костей коня, так что не исключено, что это были не пряслица, а застежки, как это предполагала для Катанды А.А. Гаврилова. Аналогичным образом неоднозначно назначение – пряслиц или ворворок от конской сбруи – имели керамический кружок с отверстием и два «пряслица», сделанные из головок бедренных костей из кургана 74-А Кара-Кобы I того же времени (Могильников, 1990б, с. 148, рис. 17,2–4). Эти предметы могли служить застежками для притороченных сумок, для регулирования длины сбруйных ремней и непосредственно как пряслица. Два плоских песчаниковых «пряслица» лежали у стопы женщины в к. 5 Узунтала (Савинов, 1982, с. 110, рис. 5,4), служившие, возможно, застежками обуви, судя по их расположению. В отличие от алтайских и приалтайских тюрок VI–VII – IX–XI вв., пряслица довольно многочисленны у праболгар конца VII–VIII вв. на средней Волге, где являются почти непременной принадлежностью женских погребений

(Багаутдинов и др., 1998, с. 132, 135, рис. 34). Напротив, в салтовской культуре пряслица редко встречаются в женских погребениях, но в большом количестве найдены на поселениях (Плетнева, 1967, с. 153, 154; 1989, с. 193). В погребениях кочевников Восточной Европы X–XIV вв. пряслица также малочисленны (Федоров-Давыдов, 1966, с. 86). Создается впечатление, что пряслица из неорганических материалов, каменные и прежде всего глиняные, были более присущи оседлому населению. В то же время мы разделяем мнение А.А. Адамова, высказанное в отношении сrostкинскогo населения Новосибирского Приобья, что малочисленность находок пряслиц в погребениях кочевников не говорит о слабом развитии у них прядения и ткачества (Адамов, 2000, с. 50). Пряслица могли изготовлять из дерева, как это было у ряда народов Сибири (Попов, 1955, с. 84), а ханты делали пряслица из головок бедренных костей животных, что представлено в ГII, пос./2. Видимо, деревянные пряслица были более удобны при перекочевках, чем глиняные. Роль пряслица могло выполнять соответствующее утолщение на веретене.

ГЛАВА 5

УКРАШЕНИЯ, ДЕТАЛИ ОДЕЖДЫ, ПРЕДМЕТЫ ТУАЛЕТА

Украшения и детали одежды составляют часть костюма, эстетически, функционально и семантически взаимно дополняют друг друга, вследствие чего целесообразно рассмотреть их совместно. Украшения представлены

перстнями, серьгами, бусами, подвесками, детали костюма – застежками, заколками, подвесными и нашивными бляшками, предметы туалета – копоушками, зеркала.

ПЕРСТНИ

Перстни были редким украшением, обнаружены в семи погребениях курганов KVII,I, Орловка 1,1; Выдриха, ст. Защита у г.Усть-Каменогорска, Славянка, 3; Кызыл-Ту, 6; Боброво II,7 (рис. 20: 1–4) (Арсланова, 1968, вклейка, рис. 159; 1969, с. 56, рис. 1,6; 1998, рис. 2,21; Черников, 1957, с. 19,20; Археологическая..., 1960, табл. IX,277), где находились в комплексах с другими украшениями, преимущественно в захоронениях женских, единично – подростков (Орловка I,1) и мужчин (Кызыл-ту, 6). Все перстни относятся к группе щитковых, имеют щитки или жуковины различной формы. Условно по форме щитков могут быть разделены на три типа.

К типу I относятся два литых серебряных перстня с металлической жуковиной, окруженной ложной зернью, из KVII,1 (рис. 20: 1). Один из них плохой сохранности. Перстни эти, наряду с другими украшениями (бусы крупные гешировые шаровидные и со срезанным краем, сердоликовыми – 14-гранная и каплевидная подвеска, стеклянными полосатыми кубовидными) и предметами быта (игольниками, зажимом от кистей, подвесками, копоушкой), лежали в центральной части могильной ямы, по периметру которой были положены чучела трех коней, взнузданных с седлами, от чего сохранились двукольчатые 8-видные удила и 8-видные стремяна с широкой подножкой, медные и железные пряжки, бляшки и наконечники от декора сбруи.

Погребение разграблено, кости человека не сохранились, инвентарь женский. Подобные перстни имеются в памятниках салтовской культуры, где датируются серединой – второй половиной IX в. (Плетнева, 1967, с. 140–141, рис. 36; 1989, с. 115, рис. 61,3). Представленный с перстнями инвентарь в KVII,I не противоречит этой дате. Близкий по форме перстень обнаружен в женском погребении к. 7 Боброво II (Арсланова, 1963а, табл. I,7; 1968, вклейка, рис. 159). Данный комплекс датируется VIII–IX вв., скорее концом VIII–IX вв. (Могильников, 1981, рис. 20,57–59,63).

К типу II относятся перстни со щитками, декорированными завитками растительного узора в сочетании с мотивами распускающегося бутона, гроздьев винограда и т. п. Это три перстня, по 1 экз., из Орловки, I, Выдрихи и ст. Защита. Серебряный позолоченный перстень из Орловки в виде несомкнутого кольца со щитком с ромбовидным отверстием в середине, обрамленном стилизованными листьями-завитками, оканчивающимися гроздьями винограда (рис. 20: 2) (Арсланова, 1969, рис. 1,6, с. 56), находился в шелковой сумке у пояса погребения подростка, в инвентарь которого входили железная сабля, лук с косяными накладками, колчан со стрелами, две медных серьги в виде несомкнутого кольца у черепа и некоторые другие вещи. Подросток был захоронен в колоде у северной стенки могильной ямы, центральную часть которой

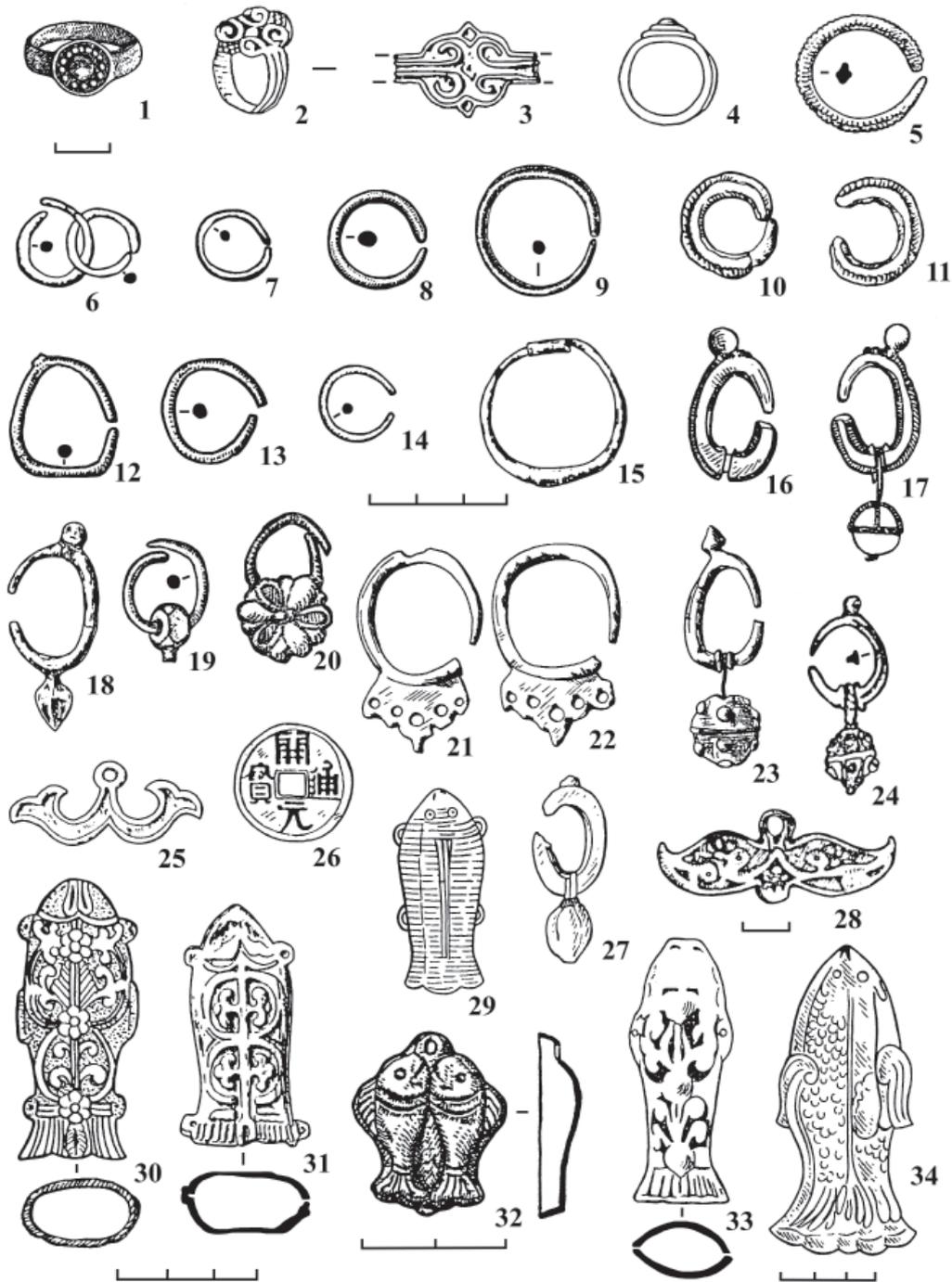

Рис. 20. Перстни, серьги, подвески.

1–4 – перстни; 5–24, 27 – серьги; 25, 26, 28–34 – подвески. 1 – Корболиха VII, 1; 2, 6, 7 – Орловка I, 1; 3, 18, 25, 31 – Выдриха; 4 – Славянка; 5 – Гилево II, пос.2; 8 – Гилево XVI, I; 9 – Гилево XVI, 2; 10, 11, 16, 17, 30 – Зевакино, 146; 12 – Измайловка, 14, 3; 13 – Гилево XII, 4, 1; 14 – Корболиха VIII, 2; 15, 25, 26 – Зевакино, 145а; 19, 20 – Корболиха VIII, 4; 21–23 – Семипалатинск, 24 – Акций I, 1, 2; 27, 29, 34 – из раскопок бугровщиков; 28 – Сандыккала; 32 – Корболиха II, 4; 33 – Карашат I, 22, 1. 1–3, 8–11, 13, 15–24, 27–29, 31–34 – серебро; 4 – позолоченная бронза; 5–7, 12, 25, 26, 30 – бронза. 1, 5, 8, 9, 13, 14, 19, 20, 32 – по Могильников, 2002; 2, 6, 7 – по Арсланова, 1969; 3, 15, 18, 25, 26, 31 – по Арсланова, 1998; 10, 11, 16, 17, 30 – по Арсланова, Кляшторный, 1973; 4 – по Археологическая ..., 1960; 21–23 – по Армстронг, 1861; 12, 24, 28, 33 – по Трифионов, 1987; 4, 27, 29, 34 – по Дмитриева, Левашова, 1965.

занимало нарушенное грабителями захоронение мужчины европеоидного облика в сопровождении трех коней и собаки с остатками инвентаря (Арсланова, 1969, с. 45–46, рис. 1,2), датирующего погребение VIII–IX вв. Перстень оригинален и не имеет аналогий. Ф.Х. Арсланова отметила, что по оформлению щитка данный перстень сближается с перстнями и из разрушенного женского погребения кургана у д. Выдрихи, где на щитке изображены прорастающие бутоны у геральдически противопоставленных двулистиков (рис. 20: 3), а также с перстнем из разрушенного женского погребения у ст. Защита под Усть-Каменогорском (Арсланова, 1998, с. 102, рис. 2,21). Сходство в стиле орнаментации позволяет рассматривать названные перстни в рамках одного типа. Достаточно тонкое ювелирное мастерство, а также присутствие в орнаментальных мотивах гроздей винограда и вьющейся лозы дает основание считать эти перстни импортными, скорее всего из Средней

Азии. Комплексы из Выдрихи и Защиты датированы Ф.Х. Арслановой IX–X вв. и отнесены к кимакам (Арсланова, 1998, с. 101–102), что представляется обоснованным. Серебряный перстень с более простым щитком из двух пар сопоставленных волют происходит из к. 2 Осинцево IV в Барабе (Бараба..., 1988, рис. 46,2) XI–XII вв.

К типу III относится более простой бронзовый позолоченный несомкнутый перстень с овальной жуковиной из кургана 3 IX–X вв. у д. Славянки (Археологическая..., 1960, табл. IX,277). Аналогии таким перстням представлены на широкой территории степей Евразии. Они известны в салтовской культуре в комплексах середины – второй половины IX в. (Плетнева, 1967, рис. 39; 1989, рис. 61,4), а на юге Сибири – у кимаков Павлодарского Прииртышья IX–X вв. (Арсланова, 1968, вклейка, 159), в памятниках сросткинской культуры IX–X вв. в Барабе (Бараба..., 1988, рис. 14,3; 15,3; 20,4).

СЕРЬГИ

Серьги представлены в женских и мужских погребениях и единично в захоронениях подростков. Отлиты из бронзы, серебра и золота.

По особенностям конструкции и деталям формы выделяются пять типа серег. Типы, в свою очередь, делятся на варианты.

Тип 1 – в виде несомкнутого круглого или слегка овального кольца (рис. 20: 5–11, 13–15). По величине диаметра и декору кольца делятся на три варианта:

1.1. В виде маленького гладкого кольца, несомкнутого, диаметром 1–1,5 см (рис. 20: 6–8, 13, 14). 22 экз. из 12 ингумаций и одной кремации (KVIII,5).

1.2. В виде гладкого несомкнутого кольца большего диаметра, 2–4 см. Концы утончены и чуть приострены (рис. 20: 9, 15). 17 экз. из восьми ингумаций. В сечении серьги обоих вариантов круглые.

1.3. В виде несомкнутого кольца, края которого декорированы насечками. В поперечном сечении кольцо подтреугольное или профилированное (рис. 20: 5, 10, 11). 3 экз. из двух ингумаций (ГП, пос./2 – 1; Зев.146/2 – 2).

Всего серьги типа 1 учтены нами в 23 погребениях т. ч. 11 на Алее, 11 на Иртыше, одно в междуречье Алея и Чарыша (Щепчиха, к. 6) (Тишкин, 1993а, с. 92, рис. 5.3). Серьги находились в погребениях попарно, по 1 экз. справа и слева от черепа, как в женских, так и в мужских погребениях. В одном случае (KVIII,5) пара сережек происходила из погребения с кремацией. Из 22 погребений по обряду ингумации, в которых присутствовали серьги типа 1, пять погребений мужчин (GVII.4/2; GXII?4/1; KVIII,2; Акчий III,I; Карашат 1,15), одно – подростка мужского пола (с саблей) (Орловка 1,1), 11 – женских (GXIII,3/2; GXVI,2; КП,2; ГП, пос./2; Акчий II,2/8; Акчий III,2; Белокаменка; Когалы, 8,9; Зевакино, 145а, 146/2; Щепчиха, 6), два – парных (GIX,7; GXVI,1), три – неопределенных (GXIII,1; KVIII,4; Карашат 1,13). При этом серьги варианта 1.1 встречены преимущественно в мужских, но известны и в женских захоронениях (КП,2; Щепчиха, 6; Акчий II,2/8; Зев. 253/3). В Акчий III,1 серьги в виде сомкнутого кольца лежали с обеих сторон от

череп мужчины 40–45 лет с остатками лука, колчана и ножен сабли (Трифонов, 1987, с. 170–172, рис. 88,13). В данном случае это вариант 1.1 серег типа 1.

Серьги вариантов 1.2, 1.3 обнаружены только в женских погребениях, как и серьги нижеописанных типов 3–5. Серьга типа 2 встречена в погребениях с кремацией KVIII,5 тоже, вероятно, женском, т. к. в нем при наличии удила, стремени и блях конской сбруи оружия не было (Могильников, 2002, рис. 174,9). Примечательно, что в Белокаменке, 2, было по паре больших кольчатых серег варианта 1.2 слева и справа от черепа женщин.

При этом одно из колец было сомкнутым и служило подвеской к серьге в виде несомкнутого кольца (Трифонов, 1987, с. 142, рис. 74,10,15,16). Подобная серьга из продетых одно в другое колец была в женском погребении с конем БЕ-16/6 IX–X вв. (Абдулганев и др., 1995, с. 243–244, рис. 2,15) сrostкинской культуры. В грунтовом погребении женщины ГII, пос./2, находилась одна серьга варианта 1.3 (с насечкой по краю) в области левого уха.

Серьги типа 1 вариантов 1.1, 1.2 достаточно широко распространены в лесостепи Западной Сибири в IX–XI вв. Они известны в памятниках сrostкинской культуры Барабы и Верхнего Приобья (Бараба..., 1988, рис. 11,3; 14,2,5,12; 29,1; Грязнов, 1956, табл. LV,6,7), в тюхтятской культуре и на раннем этапе аскизской (Кызласов, 1969, табл. III,65; Кызласов, 1983, табл. XXV,5). Наиболее ранним памятником в рассматриваемом регионе, где встречены серьги варианта 1.1, является Орловка I VIII–IX вв. (Арсланова, 1969, рис. 1,5,6), поздними – комплексы XI–XII вв. сrostкинской и аскизской культур (Адамов, 2000, рис. 108; Кызласов, 1983, табл. XXV,5). Серьги варианта 1.3, с насечкой по краю (рис. 20: 5, 10, 11), отмечены в двух женских погребениях ГII, пос./2., Зевакино 146/2 (Арсланова, Кляшторный, 1973, табл. 1,3), комплексы которых датируются не ранее X в. с вероятным заходом в XI в., а ГII, пос./2, возможно, даже XI–XII вв. Серьги в виде гладкого несомкнутого кольца широко представлены также у

кочевников степей Восточной Европы (Федоров-Давыдов, 1966, с. 39, тип 1, рис. 6,1).

Тип 2 – золотая серьга в виде овально-подтреугольного несомкнутого кольца с насеченным отростком в верхней части, круглая в сечении, из KVIII,5 с кремацией (рис. 20: 12). Находилась в комплексе с серьгой в виде несомкнутого кольца типа 1.1. 1 экз. Данная серьга представляет переходную норму от серег салтовского типа с отростком в верхней части для крепления декоративного шарика и с подвеской внизу, литой или одеваемой на стерженек. В данном случае декоративная часть снизу утрачена, а стерженек сверху рудиментарен. Осталось практически несомкнутое кольцо, сохранявшее форму колец у серег салтовского типа. По 8-видным удилам со стержневыми S-видными псалиями, стремени с петлей на ножке, бронзовым позолоченным орнаментированным тройниками и бляхами сбруи комплекс датируется второй половиной IX – началом X в. (Могильников, 2002, рис. 174). Ближайшие аналогии представлены в памятниках IX–X вв. сrostкинской культуры в Барабе (Бараба..., 1988, рис. 14,11), в тюхтятской культуре (Кызласов, 1969, рис. 34,3,4; 1978, рис. 11,4).

Тип 3 – массивные серьги в виде овального несомкнутого кольца с округлым выступом, шариком или шишечкой, в верхней части и четко выделенным желобком-перехватом для подвески в нижней. Поверхность кольца покрыта рубчатым орнаментом или гладкая. Подвеска в виде шарика, склепанного из двух штампованных металлических половинок или бусины, крепилась на проволочке. В Акчий 1,1/2 бронзовая глазчатая шаровидная подвеска была подвешена на шелковой нити (Трифонов, 1987, с. 148, рис. 77,5,6).

У части серег этого типа сохранились только кольца, подвески утрачены (рис. 20: 16, 17, 23, 24, 27). Встречены в женских погребениях *in situ* по два экземпляра – Семипалатинск (Армстронг, 1861); Акчий 1,1/2 (Трифонов, 1987, с. 148, рис. 77,5,6); Зевакино, 146/1 (Арсланова, Кляшторный, 1973, с. 306, 309, табл. I,4). В Карашат II,3/6, где пол антропологически не определен, находилась одна

серебряная серьга этого типа у левого виска, другого инвентаря не обнаружено, только у правых берцовых костей лежали крестец и хвостовые позвонки барана (Трифонов, 1987, с. 224–225, рис. 110,19). Всего нами зафиксировано 11 пунктов находок серег типа 3 с общим количеством 14 экз. Среди них восемь местонахождений в ареале кимако-кыпчаков. В их числе шесть погребений в Верхнем Прииртышье. Это вышеупомянутые Семипалатинск; Акчий II,1/2; Карашат 11,3/6; Зевакино, 146/1; а также Зевакино; Предгорное (Арсланова, Кляшторный, 1973, с. 309), одно в Павлодарском Прииртышье – Леонтьевка 11/7 (Арсланова, 1968, вклейка, 129), находки Г.Ф. Миллера (Миллер, 1937, рис. 23) в Обь-Иртышском степном междуречье. За пределами собственно кимацкого ареала локализуются в сросткинском погребении BEVI/5 в Верхнем Приобье (Грязнов, 1956, табл. LVI,1) и две находки в Хакасско-Минусинской котловине (Клеменц, 1886, табл. X,12–15; Кызласов, 1983, табл. XXV,15).

Рубчатую декорировку кольца у серег типа 3 Ф.Х. Арсланова связывает с этнографическими особенностями местных кимацких племен и датирует такие серьги IX в. (Арсланова, Кляшторный, 1973, с. 310). В таком случае подобную серьгу из Хакасии (Оглахты II/7) с двойным рядом насечки по кольцу и шаровидной подвеской из мрамора (Кызласов, 1983, табл. XXV,15) можно рассматривать как местное подражание кимацким образцам. В связи с этим следует отметить, что аналогичную орнаментацию кольца имели серьги типа 1,3 (рис. 20: 5, 10, 11).

Прототипом серег типа 3 являются серьги салтовского типа с подвеской, отлитой вместе с кольцом, а генетическим продолжением их послужили кыпчакские серьги предмонгольского и монгольского времени в виде «?» с напускными бусами на стержне вместо подвесок (Плетнева, 1958, рис. 16; Федоров-Давыдов, 1966, с. 39, рис. 6, VIв).

Наиболее вероятной датой серег типа 3, судя по комплексам, в которых они обнаружены, является конец IX–X – первая половина XI в.

Тип 4 – цельнолитая серебряная серьга с овальным несомкнутым кольцом с шишечкой в верхней части и желудевидной подвеской внизу, непосредственно прилегающей к кольцу снизу (рис. 20: 18). 1 экз. из разрушенного кургана у д. Выдриха (Арсланова, 1998, с. 100, рис. 2,23). Ф.Х. Арсланова (Арсланова, 1998, с. 100–101) указывает аналогии этой серьге в Хакасии (ОАК, 1898, рис. 424; Савинов и др., 1988, с. 92, рис. 9,2) а также в курганах VIII–IX вв. у с. Иня Алтайского края, где такая серьга находилась в комплексе с набором бус стеклянных глазчатых и полосатых, а также желтого и зеленого бисера (Уманский, 1970, с. 59–60, рис. 7,20,21,27,28). Серьга имеет салтовский облик и в сочетании с комплексом Выдрихи датирована Ф.Х. Арслановой IX–X вв., что мы принимаем.

Тип 5 включает две массивные бронзовые литые серьги в виде несомкнутого кольца с лопастью с пятью отверстиями в нижней части для подвешивания подвесок (рис. 20: 21, 22). Происходят из погребения женщины в длинном кургане, раскопанном А.И. Армстронгом у Семипалатинска (Армстронг, 1861, с. 203). Отдаленную аналогию данным серьгам представляют серьги с овальной лопастью в нижней части в памятниках позднего этапа кара-якуповской культуры VIII–IX вв. южного Приуралья (Мажитов, 1981, рис. 56,11,12), в Больше-Тиганском могильнике этого же времени (Халикова, 1976, с. 168, рис. 7,3; 8,6). По указанию Ф.Х. Арслановой, подобные серьги с подвесками «саукеленин сыртасы» известны в этнографии казахов (Захарова, Ходжаева, 1964, с. 134, рис. 40).

Наиболее вероятная датировка серег типа 5 – IX–X вв., чему не противоречит встреченный вместе с ними инвентарь: парные застежки в виде летящей птицы, ажурные подвески, подшаровидные бубенчики, бусы из стекла и сердолика (Армстронг, 1861).

Тип 6. Серьги в виде небольшого несомкнутого кольца с надетой розетковидной подвеской (рис. 20: 20). Известно три экземпляра, один из которых обломан (Могильников, 2002, рис. 171,8,9,16). Ранее описаны как розетковидные бляшки с кольцом от луки седла

(Могильников, 2002, с. 55). Аналогии не известны.

Подводя итог характеристике серег, можно отметить, что наиболее массовыми были небольшие серьги в виде несомкнутого кольца типа 1.1 (рис. 20: 6–8, 13, 14), встреченные в мужских и женских погребениях. Эти наиболее простые серьги были вообще широко распространены территориально и хронологически. На юге Сибири, помимо рассматриваемого региона, они представлены в курайской культуре Горного Алтая (Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 51; Савинов, 1982, рис. 5,8), в сrostкинской культуре Верхнего Приобья и Барабы (Адамов, 2000, рис. 50,8; 51,1; 68,15; Бараба..., 1988, рис. 11,3; 14,2,5,12; 29,1; Грязнов, 1956, табл. LV,6,7), в тюхтятской культуре и на раннем этапе аскизской (Кызласов, 1969, табл. III,65; 1978, рис. 5; Кызласов, 1983, табл. XXV,5), охватывая период от VIII–IX до XI–XII вв. Известны они и у кочевников степей Восточной Европы рубежа I–II – начала II тыс. (Федоров-Давыдов, 1966, с. 39, рис. 6,1).

По причине широкого территориального и хронологического распространения они не могут служить культурно-этническим и временным индикатором. Менее широко распространены серьги типа 1.2 (рис. 20: 9, 15), возможно служившие также височными кольцами. Они встречены в памятниках сrostкинской культуры (Троицкая, 1978, рис. 4,8), в

погребениях усть-ишимской культуры южно-таежного Прииртышья (Могильников, 1987б, табл. LXXXII,9), на кинтусовском этапе Нижнего Приобья X–XII вв. (Могильников, 1987б, табл. XCI,17,20), но всюду в значительно меньшем количестве, чем серьги типа 1.1. Связывать их с каким-то одним определенным этносом также нельзя. Это же можно сказать в отношении серег типа 2 (рис. 20: 12), являющихся, как отмечено, трансформированной формой серег салтовского типа, утративших подвеску и типологически приблизившихся к серьгам типа 1.1. К салтовским формам, как сказано, примыкает и серьга типа 4 (рис. 20: 18), также не являющаяся специфичной. Более своеобразны серьги типов 1.3, 3 и 5. Рубчатый орнамент представлен на серьгах типов 1.3 и 3 (рис. 20: 5, 10, 11, 16, 17) в основном в ареале кимаков Верхнего Прииртышья и северо-западных предгорий Алтая. Причем этот орнамент сближает кольца серег этих типов. Серьги типа 5 с лопастью у нижней части кольца (рис. 20: 21, 22) не имеют полных аналогий и являются, очевидно, изделиями местных мастеров. Весьма своеобразны также бугорки на подвесных шариках серег типа 3 (рис. 20: 23, 24). Скорее всего, серьги данных типов – 1.3, 3, 5 – были специфичны для кимаков X–XI вв., хотя находки этих украшений немногочисленны.

ПТИЦЕВИДНЫЕ НАВЕРШИЯ, ПОДВЕСКИ

В сюжетах прикладного искусства кимаков, украшавших гарнитуру одежды знатных женщин, преобладали изображения в основном двух птиц – петуха или феникса и водоплавающей птицы типа утки.

Образ стоящего или идущего петушка мог быть отдельной самостоятельной фигурой или входить в состав орнаментальной композиции, украшающей бляшку, бронзовые изображения петушков связаны прежде всего с женским головным убором, где имели, очевидно, как декоративную, так и семантическую нагрузку. Эта сторона вопроса – образ птицы в головных уборах кимакских женщин – рассмотрена Ф.Х. Арслановой (Ар-

сланова, 1989). Петух выступал как символ света, солнца, олицетворял связь с верхним миром. Отсюда следует расположение их на головном уборе. Бронзовые навершия в виде фигуры стоящего петушка (рис. 21: 13, 16) найдены в могилах женщин с богатым инвентарем в Верхнем Прииртышье – Карашат 1,23/2 (Трифонов, 1987, рис. 103,4), курган у Семипалатинска (Армстронг, 1861, табл. II). В отдельных погребениях встречены литые нашивные бляшки со схематичным изображением петушка – Зевакино, 145 и др. (рис. 21: 12) (Арсланова, 1989; 1998, с. 100, рис. 2,8).

Изображения петухов в сопоставленной геральдической позе представлены на медной

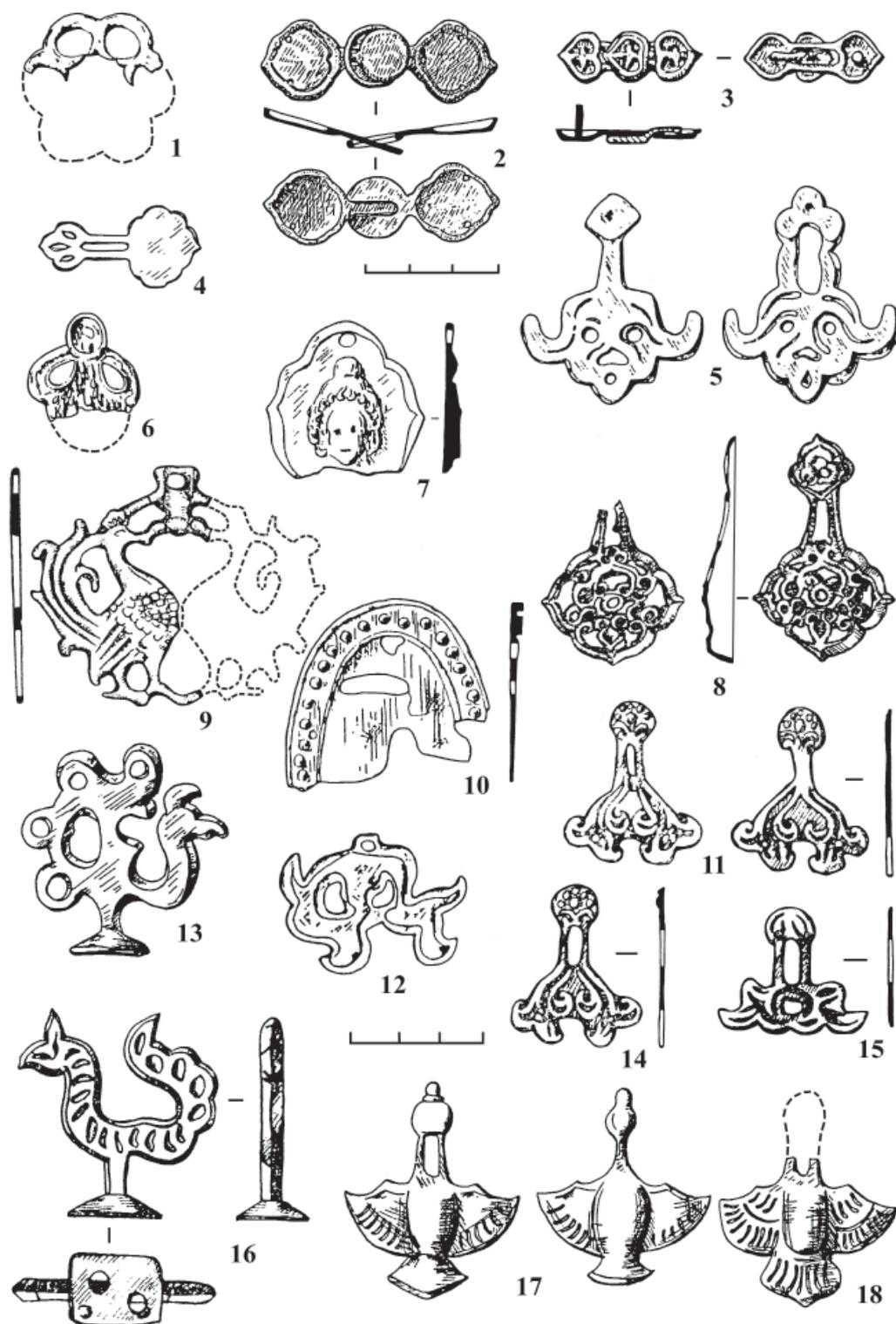

Рис. 21. Украшения и детали одежды женщин.

1, 6, 7, 9, 10, 12 – подвески; 2–5, 8, 11, 14, 15, 17, 18 – парные застёжки; 13, 16 – наверхия головных уборов. 1, 5–7, 10, 12 – Зевакино; 2 – Корболиха VI, I; 3 – Гилево XII; 4 – из раскопок бугровщиков; 8 – Белокаменка; 9 – Сандыккала, 1, 3; 11, 14–16 – Карашат I, 23, 2; 13, 17, 18 – Семипалатинск. 1–4, 6, 8–11, 13–15, 17, 18 – бронза; 5, 7, 12, 16 – серебро. 1, 5–7, 10, 12 – по Арсланова, 1998; 2, 3 – по Могильников, 2002; 4 – по Дмитриева, Левашова, 1965; 8, 9, 11, 13, 14–16 – по Трифонов, 1987; 13, 17, 18 – по Армстронг, 1861.

литой подвеске из Сандыккалы (рис. 21: 9), где она находилась в комплексе с серебряной крыловидной подвеской, склепанной из двух половин с орнаментом типа розетки (рис. 22: 9), железными 8-видными удилами со стержневыми псалями и заклепками от седла (Трифонов, 1987, с. 233, рис. 112,8,9; 113,9,11), наиболее вероятная датировка которого IX – начало X в. Преобладание украшений и отсутствие оружия указывают на захоронение женщины. Почти полностью идентичная серебряная подвеска с изображением геральдически сопоставленных фазанов опубликована Г.Ф. Миллером (Миллер, 1937, рис. 22, с. 448) среди вещей, «выкопанных из могил между Обью и Иртышом». Подвески данного типа, вероятно, украшали головные уборы знатных кимацких женщин и могут рассматриваться как специфичные для кимаков, о чем высказывалась также Ф.Х. Арсланова (Арсланова, 1989). На смежных территориях находки подобных вещей единичны и нехарактерны. Аналогичные нашивные или подвесные бляшки со стилизованными изображениями петухов обнаружены в Верхнем Приобье, Кулундинской и Алейской степях в отдельных погребениях сrostкинской культуры (Адамов, 2000, рис. 39,11, 48,2,12; Грязнов, 1956, табл. IV,10,11; Могильников, 1996, с. 158–161; Уманский, Неверов, 1982, рис. 4,7), тесно связанной с кимаками в культурно-этническом отношении. Фигурки геральдически сопоставленных петушков красовались на навершии серебряной копоушки из КП,6 (рис. 22: 1) (Могильников, 2002, с. 48, рис. 144,5).

Происхождение образа петуха в культуре кимаков недостаточно ясно. На Алтае изображение данного сюжета известно еще в пазы-

рыкской культуре (Руденко, 1960, рис. 135), но его отделяет большой хронологический разрыв. Образ петуха представлен в изобразительном искусстве культур чаатас и тюхтятской (Кызласов, Король, 1990, рис. 21,25, табл. XXV,3,4). В захоронении кремации П,2 на верхнем Алее серебряные фигурки идущих петушков (рис. 23: 3, 4) украшали край окантовки деревянного сосуда (Могильников, 2002, с. 9–10, рис. 5,3,4).

Не исключено, что данный сюжет был заимствован кимаками от енисейских кыргызов при их проникновении на Алтай в период завоеваний Кыргызского каганата в 40-х гг. IX в. В свою очередь, кыргызы восприняли данный мотив в танском искусстве, имея в то же время глубокие местные корни существования подобного рода изображений, восходящие к геральдическим композициям с фигурами птиц в искусстве тагарской и таштыкской культур (Кызласов, Король, 1990, с. 78–79), а также в геральдических композициях с изображением грифонов и других животных в пазырыкской культуре Алтая (Руденко, 1953, табл. CV; CVIII; 1960, рис. 135,в). Правда, последние композиционно отличались преимущественно разнонаправленными головами. Вероятно, с кипчаками во второй половине IX–X вв. бляшки с изображением петушка и определенные поверья, связанные с этим образом, распространяются до Южного Приуралья. Пара бляшек в виде сопоставленных фигурок петушков встречена в Старо-Халиловском кургане 6 вместе с крестовидной бляхой (Мажитов, 1981а, рис. 55,12–14), аналогичной бляхе из Кур.1 на верхнем Алее (Могильников, 2002, рис. 206,10).

КРЫЛОВИДНЫЕ ПОДВЕСКИ

Крыловидные подвески сравнительно малочисленны. Один экз. такой подвески из серебра с неглубоким орнаментом из растительных завитков и двух птичьих (утиных?) головок между ними (рис. 20: 28) происходит из Сандыккалы,1 в Верхнем Прииртышье и упомянут выше (Трифонов, 1987, с. 233, рис. 113,11). Близкой формы крыловидные подвески

представлены в курганах огузов в междуречье Волги и Эмбы (Кригер, 1993, рис. 1,А-Г). Промежуточное положение между подвеской из Сандыккалы и птицевидными подвесками с личиной на груди из лесной полосы занимает подвеска с изображением личины между крыльев из могильника X–XII вв. Березовый Остров 1,8 в Новоси-

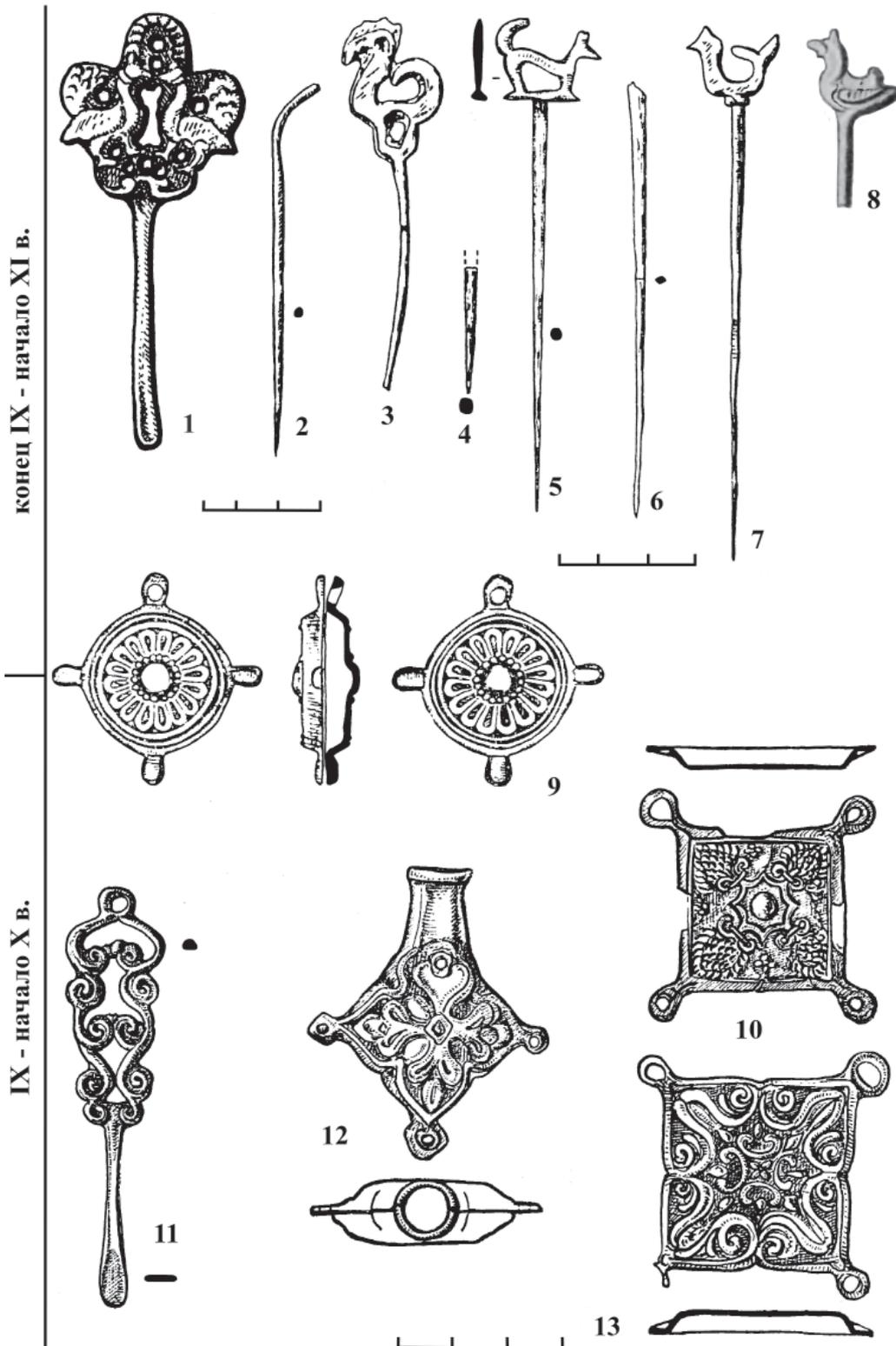

Рис. 22. Копоушки, булавки, медальоны.

1 – Корболиха II, 6; 2 – Гилево XIII, 5; 3 – Выдриха; 4 – Ахмирово I, 7, I; 5 – Когалы I, 9, 3; 6 – Карашат II, 5, 1; 7 – Семипалатинск; 8 – междуречье Иртыша и Оби; 9 – Сандыккала; 10–13 – Корболиха VII, I. 1, 2, 5, 7–9 – бронза; 3, 11, 13 – серебро; 4 – алевролит; 6 – кость; 10 – серебро с позолотой.
 1, 2, 10–13 – по Могильников, 2002; 3 – по Арсланова, 1998; 4 – по Суворова, Ткачев, 1995;
 5, 6, 9 – по Трифонов, 1987; 7 – по Армстронг, 1861, 9 – по Миллер, 1937.

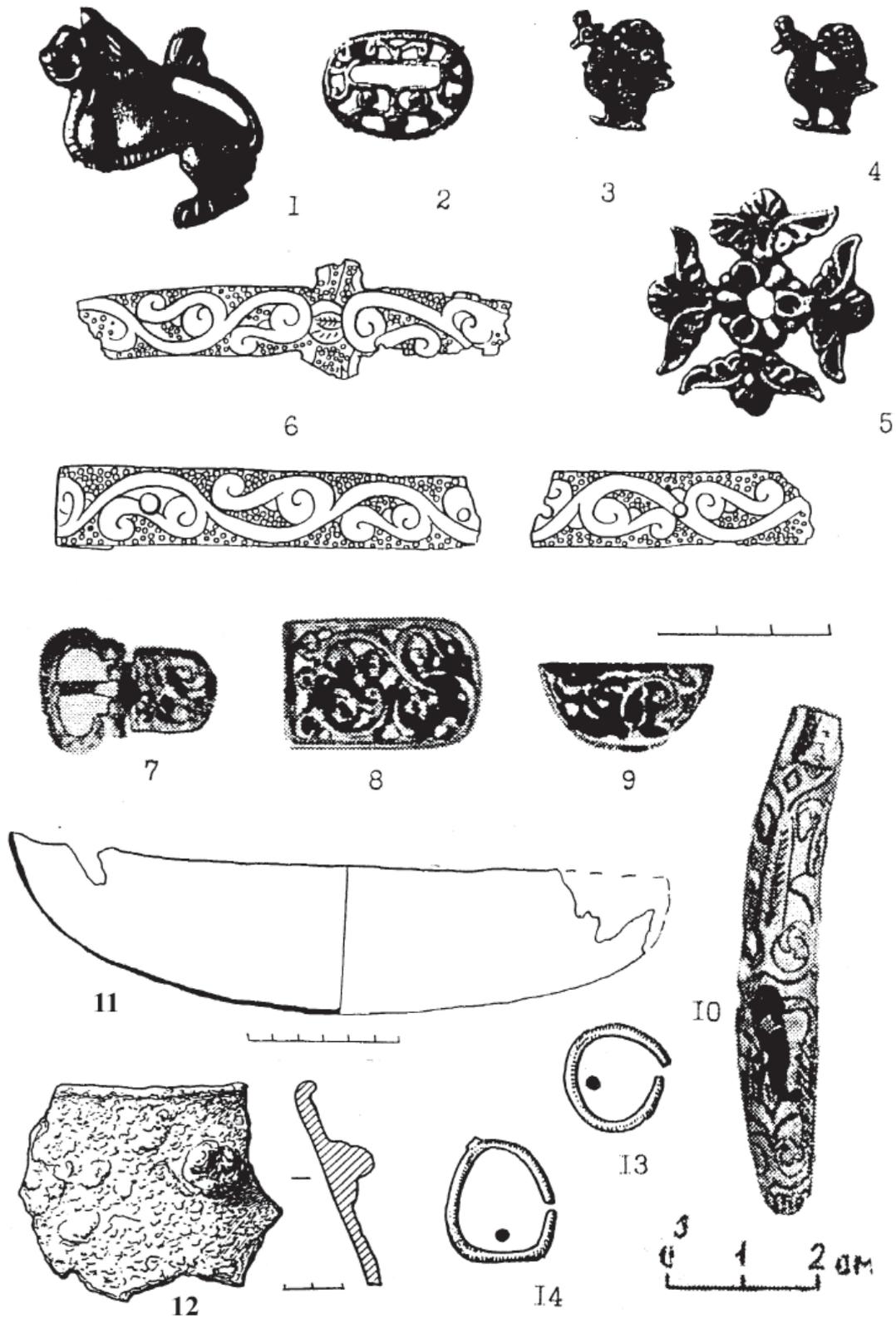

Рис. 23. Предметы быта и украшения из погребений с кремациями.

1–6 – бляшки и накладки от украшения края деревянного сосуда (?); 7–9 – детали поясного набора; 10 – подвеска; 11 – жаровня; 12 – фрагмент котла; 13, 14 – серьги. 1–6, 11 – Гилево I, 2; 7–10 – Джар-тас, 80, 1; 12–14 – Корболиха VIII, 5. 1–6, 13 – серебро; 7–9, 14 – бронза; 10 – рог; 11, 12 – железо.

1–6, 11–14 – по Могильников, 2002; 7–10 – по Трифионов, 1987.

бирском Приобье (Адамов, 2000, с. 61, рис. 44,2). Вероятно, типологическим развитием и упрощением данных подвесок служит лунницевидная подвеска из Басандайки (Басандайка, 1947, табл. 84,45). Разновидность – крыловидные, или якоревидные, подвески (рис. 20: 25, 28). Известно несколько экз. в Верхнем Прииртышье: Зевакино, 146 (Арсланова, Кляшторный, 1973, табл. 1,1; Выдриха (Арсланова, 1998, рис. 2,22), Карашат 1,23/2 (Трифонов, 1987, с. 207–208, рис. 102,9). Последняя лежала у левого плеча женского скелета, наряду с нашивными пластинчатыми бляшками, имитировавшими части парных застежек (рис. 21: 11, 14, 15) (Трифонов, 1987, рис. 102,5–8). Якорьковые подвески найдены также в Боброво II,3 в Павлодарском Прииртышье (Арсланова, 1968, вклейка, рис. 178). Аналогичная подвеска встречена также в ГП,3 на верхнем Алее (Могильников, 2002, с. 13), где она входила в потревоженный грабителями инвентарь захоронения мужчины-воина с двумя подростками. Возможно, эти подвески служили украшением лент, вплетавшихся в косы и, т. о., являлись наконечниками или нашивались на ленты, украшавшие головной убор, подобно тому как это было в народной одежде

казахских девушек (Захарова, Ходжаева, 1964, с. 156).

Наконечниками украшения, по мнению Ф.Х. Арслановой служили также медные ажурные украшения – парные застежки, «украшавшие ритуальную одежду женщин Обь-Иртышского междуречья» (Арсланова, 1998, с. 106). При этом парные застежки не всегда использовались по прямому назначению как застежка из двух частей, а раздельные ее части служили декоративными нашивными бляшками (рис. 21: 5, 8, 11, 14, 15). Часть этих предметов служила непосредственно застежками одежды, а малые экз., вероятно, застежками обуви у женщин. Таковой, очевидно, была застежка из ГХII,2, найденная в сочлененном положении в погребении, нарушенном грабителями (рис. 21: 3) (Могильников, 2002, с. 33, рис. 85,14). По-видимому, поясной была парная застежка с гладкими щитками (рис. 21: 2) из женского погребения KV,3, найденная в смещенном положении чуть выше правого колена (Могильников, 2002, рис. 157,3,4/1). Подобная застежка с ажурными щитками встречена в сrostкинском женском погребении с конем БЕ,16/7 (Абдулганеев и др., 1995, с. 243–244, рис. 3,17).

СКУЛЬПТУРНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ РЫБ

Подвески в виде скульптурных изображений рыб, отлитых из меди или серебра и покрытых растительными орнаментами, реже имитацией чешуи, были, очевидно, специфичны для кимаков. Большинство находок этих предметов происходит из верхнего Прииртышья и степного междуречья Иртыша и Оби (карта 1). В собственно сrostкинских памятниках Верхнего Приобья, Кузнецкой котловины и Барабы они пока неизвестны. Впервые внимание на эти вещи обратил Г.Ф. Миллер, опубликовав в своей «Истории Сибири» две серебряные фигурки рыб, «выкопанных из могил между Обью и Иртышом» (Миллер, 1937, рис. 22). Затем фигурки рыбок вместе с другими вещами из раскопок бугровщиков в районе Семипалатинска были опубликованы Е.Н. Дмитриевой и В.П. Левашовой (Дмитриева, Левашова, 1965, рис. 3,11,14).

Вопросы типологии, семантики и этнической принадлежности скульптурных изображений рыб рассмотрены в ряде статей Ф.Х. Арслановой (Арсланова, 1981, 1987, 1998), которая считала подвески в виде рыбок, покрытых орнаментом, одним из этноопределяющих признаков кимаков. Типология и семантика подвесок-рыбок с привлечением данных этнографии проанализированы в статье Ю.А. Плотникова (Плотников, 1987, с. 111–120).

В настоящее время известно семь комплексов, все женские погребения с богатым инвентарем, в которых обнаружены бронзовые и серебряные литые изображения рыб. Из них три локализируются в Верхнем Прииртышье – Зевакино, 146 (Арсланова, Кляшторный, 1973, табл. 1,2), Выдриха (Арсланова, 1998, рис. 2,25) в Восточно-Казахстанская

обл., Карашат 1,22/1 (Трифонов, 1987, рис. 102,1) в Семипалатинской обл., две в Павлодарском Прииртышье – Трофимовка (Агеева, Максимова, 1959, рис. 2,5), Боброво (Арсланова, 1968, вклейка, рис. 188), и две в степной, юго-западной части Алтайского края: Мало-Панюшево на среднем Алее (Уманский, Неверов, 1982, рис. 7), Корболиха П,6 на верхнем Алее (Могильников, 2002, рис. 144,4). При этом в последнем случае в захоронении, разрушенном ограблением, находились две подвески с реалистичными изображениями пары рыб семейства карповых (?), в отличие от орнаментированных схематизированных фигурок в вышеуказанных случаях, кроме Боброво, где спаренные фигурки рыб не имеют орнамента. В непо потревоженных погребениях подвески-рыбки находятся на уровне таза, справа или слева, и, очевидно, подвешивались к поясу. В некоторых случаях (Зевакино, 146) сохранились остатки шнура, за который рыбка подвешивалась (Арсланова, Кляшторный, 1973, с. 310).

Анализируя иконографию, Ю.А. Плотников разделил изображения рыб на три группы (Плотников, 1987, с. 111).

Группа 1. Парные изображения, на которых рыбы соприкасаются головами и хвостами. Поверхность гладкая неорнаментированная.

К этой группе он отнес фигурки из коллекции Г.Ф. Миллера и Бобровского могильника, а также отметил близость к ним подвески из Минусинского музея (Плотников, 1987, с. 111, рис. 1,1–4). К этой группе принадлежит также подвеска из КП,6 (рис. 20: 32).

Группа 2 представляет фигурки рыб, сросшихся животами. Изображения довольно реалистичны, проработаны глаза, чешуя, плавники. К этой группе относятся одна из фигурок, опубликованных Г.Ф. Миллером (Миллер, 1937, рис. 22; Плотников, 1987, с. 111, рис. 1,1), и фигурка из района Семипалатинска (рис. 20: 34) (Дмитриева, Левашова, 1965, рис. 3,11).

Группа 3 объединяет стилизованные пустотелые изображения рыб, состоящие из двух соединенных барельефных половин. Поверхность их покрыта растительным ор-

наментом в виде шестилепестковых розеток, криволинейных вьющихся стеблей и листьев, распускающихся бутонов (рис. 20: 30, 31, 33). Как отмечает Ю.А. Плотников, фигурок рыб здесь также две, но различить их можно с трудом (Плотников, 1987, с. 111). Глаза и плавники, кроме хвостового, не выражены или рудиментарны. На месте боковых плавников располагаются ушки для подвешивания (рис. 20: 29–31, 33). К этой группе относятся фигурки рыб из Зевакино, 146, Выдрихи, Карашат 1,22/1 (рис. 20: 30, 31, 33), Трофимовки (Агеева, Максимова, 1959, рис. 2,5), Мало-Панюшево (Уманский, Неверов, 1982, рис. 7), а также фигурка из окрестностей Семипалатинска, орнаментированная просто параллельными горизонтальными (учитывая, что рыбки подвешивались вертикально, головой вверх) штрихами (рис. 20: 29).

Среди перечисленных типологических групп наиболее поздней является группа 3. Изображения рыб этой группы наиболее схематичны, стилизованы, а богатая криволинейная растительная орнаментация доминирует над собственно изображением рыбы. Детали и стиль орнаментации подобны орнаментации блях сбруйных и поясных (?) наборов конца IX–X вв., что позволяет рыбки группы 3 датировать этим временем. Сопутствующий инвентарь комплексов не противоречит этим хронологическим рамкам. В то же время верхний предел их даты вряд ли уходит далее рубежа X–XI вв. Несколько более ранними, судя по реалистичности изображения, являются фигурки рыбок групп 1, 2. К сожалению, кроме изображений из Боброво и КП,6 (рис. 20: 32), они происходят из случайных находок, опорных твердых реперов для их датировки нет. Можно лишь ориентировочно определять их дату в пределах середины IX – середины X в. Уводить время их бытования в эпоху ранее середины IX в. вряд ли возможно.

Изображения рыбы представлены также на отдельных наконечниках ремней Юпитера в Верхнем Прииртышье (Археологическая..., 1960, табл. IX,282), ГИХ,6 на верхнем Алее (Могильников, 2002, рис. 69,9), которые относятся к тому же времени середины IX–X вв.

Примечательно, что в ГІХ,6, содержавшем парное захоронение мужчины и женщины, оружие отсутствовало.

Характеризуя особенности погребально-го ритуала с изображениями рыб и другими культовыми подвесками и нашивками, Ф.Х. Арсланова отмечала, что «в двух случаях женщины были захоронены совместно с детьми (Боброво,4, Мало-Паюшево), в остальных, по всей вероятности, в семейной усыпальнице (Арсланова, 1981, с. 48–49). Обращает на себя внимание то, что женские погребения, содержащие культовые предметы, занимали центральное место как в самом могильнике, так и внутри семейной усыпальницы». Это заключение, верное в отношении преобладающего количества захоронений такого рода, не следует абсолютизировать. Женское погребение КІІ,6 было одиночным, без коня и конской сбруи, и не занимало центрального места в могильнике, локализуясь у южного конца цепочки курганов (Могильников, 2002, рис. 141, 144), и выделялось из рядовых женских захоронений лишь парой подвесок в виде спаренных рыбок, бронзовой копоушкой с навершием в виде геральдически сопоставленных фигурок петушков и тремя стеклянными бусами (рис. 20: 32; 22: 1). Впрочем, инвентарь здесь был, видимо, более обильным и частично расхищен при ограблении.

Вопрос о возникновении культа рыбы у кимаков не совсем ясен. На Алтае культовые изображения рыб хорошо представлены в искусстве племен пазырыкской культуры (Руденко, 1953, рис. 80; 1960, рис. 134,а-д), но кимакские изображения имеют с ними большой хронологический разрыв. Обращает на себя внимание, что изображения рыб из памятников кимаков, используемые как подвески, парные, соединенные хвостом и головой, предположительно более ранние (рис. 20: 32), чем сливающиеся непосредственно всем туловом (рис. 20: 30, 31, 33), как более поздние, вероятно развившиеся из изображений типа 1. Парные изображения рыб представлены также в тюхтятской культуре средневековых хакасов на среднем Енисее. Как считают Л.Р. Кызласов и Г.Г. Король, происхождение

этого мотива и формы украшения восходит к древнекитайскому искусству, а пара рыб – широко распространенный буддийский символ (Кызласов, Король, 1990, с. 140, табл. XXVIII,13–16). Возможно, как отголосок буддийской символики пара рыб, соединенных хвостами и головами, распространяется у кимаков при влиянии древних хакасов, а затем уже здесь, на Иртыше, трансформируется в рыбы группы 3, покрытые криволинейным растительным орнаментом, которые уже являются специфичными для кимаков.

Существование культа рыбы у кимаков соотносится с культом рыбы, существовавшим у многих, в т. ч. тюркоязычных, народов, ряд сведений о котором приводит Ю.А. Плотников (Плотников, 1987, с. 112–115). Он же отмечает, что пара рыбок (так же как и пара птичек) – распространенный в Восточной Азии символ благопожелания, причем подчеркивающий особый социальный статус владельца, приводя при этом примеры из данных этнографии (Плотников, 1987, с. 112). Согласно верованиям народов Сибири, рыба – это существо, занимающее особое место в космологических представлениях, связующее преисподнюю с миром людей и обладающее достаточно скверным нравом. Считалось, что на рыбе шаман совершает путешествие в нижний мир. Рыба использовалась как средство передвижения душами умерших людей (Иванов, 1979, с. 78). Рыба защищала шамана во время камлания (Иванов, 1955, с. 243). Как отмечает Ю.А. Плотников, другая особенность рыбы связана с культом плодородия (Плотников, 1987, с. 112–113). Деревянной скульптурой рыбы при затянувшихся родах проделывали манипуляции с роженицей бабка или шаман (Иванов, 1970, с. 178). Существовали представления о рыбе как о тотеме прародителя. У тувинцев был род рыбы – Балыкча (Потанин, 1883, с. 11), а буряты-эхериты считали, что их предок Эхерит произошел от налима (Окладников, 1937, с. 278; Плотников, 1987, с. 113). В связи с этим следует отметить, что кимакские изображения рыб группы 3 (рис. 20: 30, 31, 33) более других напоминает фигуру налима, как и рыбы пазырыкской культуры.

С образом рыбы связаны также представления о хозяевах рек и озер, которые ассоциировались с рыбой. По предположению Ю.А. Плотникова, «женщины, носившие фигурки рыб (и «золотые» гребешки), были служительницами этого культа» (Плотников, 1987, с. 114). С женщиной-рыбой связана и генеалогическая легенда кимаков, переданная Гардизи, и отмеченный исследователями (Кумеков, 1972, с. 110) культ реки Иртыш у кимаков. Вместе с тем не исключено, что образ рыбы у кимаков мог ассоциироваться и с хтоническим культом, где рыба выступала как представитель нижнего мира, что отмечено в представлениях и поверьях ряда народов Сибири. При этом особо связь с низшим миром подчеркивалась у налима.

Альтернативой последнему служит точка зрения Ф.Х. Арслановой, согласно которой по наличию специфичных предметов (амулеты в виде рыб, птиц, личин и др.) можно предполагать, что захороненные в таких курганах женщины «при жизни могли отправлять определенные действия, связанные с религиозными церемониями культа «Матери Умай», распространенного у многих тюркоязычных народов Средневековья (Арсланова, 1981, с. 49). Умай – «женское божество», покровительница очага, потомства, детей. Орнаментальный мотив «Умай» у кыргызов имеет вид птицы и осознается, по С.М. Абрамзону, как ее изображение (Абрамзон, 1990, с. 295). Поскольку в инвентаре женских погребений почти всегда вместе со скульптуркой рыбы были найдены подвески в виде крыльев птицы, или сердцевидные подвески, изображающие стилизованных птиц, или булава, завершающаяся изображением птицы (Выдриха), то Ф.Х. Арсланова считает, что захороненные с данным набором вещей женщины составляли «особую группу людей, выступающих в роли служителей древнейшего культа «Умай», родиной которого, как отмечают этнографы, была центральная Азия, а областью распро-

странения – Алтай, Тянь-Шань (Арсланова, 1981, с. 49). В этот регион следует включить и Прииртышье». Возможную связь фигурок рыб с культом общетюркской богини Умай допускает и Ю.А. Плотников, отмечая при этом, что для Умай характерна «птичья символика с соответствующим семантическим рядом: небо – птица – женщина» (Плотников, 1987, с. 114). В то же время он справедливо указывает, что, «судя по данным Ф.Х. Арслановой, птичья символика в изучаемых погребениях менее значима, чем «рыбья»..., а «фигурки рыб не получают объяснения в культе Умай. Сближает названные культы основная их функция – забота о плодородии, всеобщем изобилии и процветании народа». С этим в основном, видимо, стоит согласиться. В мифологии, как правило, это образы разных миров: рыба – представитель нижнего мира, птица – верхнего, небесного, где обитают светлые силы. Между ними находится средний мир людей. Даже при находке в одном захоронении эти образы могли иметь разный семантический смысл, который не всегда можно удачно интерпретировать. Попытка Ю.А. Плотникова связать находки рыб с господствующим у кимаков племенем йемеков и таким путем определить ареал расселения последних представляется недостаточно аргументированной (Плотников, 1987, с. 114–115). Местонахождения рыб, хотя и немногочисленные, перекрывают основной ареал кимаков, распространяясь на Верхнее и отчасти Среднее Прииртышье и северо-западные предгорья Алтая с включением верхнего и среднего Аля. При определении ареалов отдельных племен в объединении кимаков нужно брать комплекс признаков и прежде всего деталей погребального ритуала. Захоронения в курганах с прямоугольными каменными оградами, сложенными на древнем горизонте, содержащие захоронения с конем с более богатым инвентарем, наиболее вероятно связывать с йемеками.

БУЛАВКИ

Булавки являются редкой находкой, они служили для закалывания головного убора,

прически или костюма знатных женщин. Нами учтено 5 экз. медных булавок с круглым

гладким стержнем. Из них 4 экз. происходят из женских погребений Верхнего Прииртышья. Это булавки из Когалы 1,9 (Трифонов, 1987, рис. 113,7), Выдрихи (Арсланова, 1998, рис. 2,24), Семипалатинска (Армстронг, 1861), Пролетарки 1,1 (Алехин и др., 1991, с. 22), и 1 экз. булавки с обломанным концом стержня и птицевидным навершием происходит из курганов между Обью и Иртышом, опубликован Г.Ф. Миллером (Миллер, 1937, с. 480, рис. 24,8). Кроме того, от булавок или заколок, вероятно, происходят изогнутый вверх острый медный стержень из ГХШ,5 (рис. 22: 2), тонкий острый костяной стержень со слегка граненой средней частью из Карашат II,5/1 (Трифонов, 1987, рис. 111,11) и стержень из алевролита из Ахмирово (Суворова, Ткачев, 1995, рис. 4,15) (рис. 22: 4, 6). Указанные булавки (рис. 22: 2–8) отличаются длиной стержня и формой навершия. У булавки из Выдрихи (рис. 22: 3) стержень короткий и тонкий, у остальных булавок стержни относительно более длинные и массивные (рис. 22: 6, 7), что, возможно, связано с различиями в назначении или формой прически. Навершия четырех из пяти булавок венчает цельнолитое изображение птиц: в Пролетарке и Выдрихе – петушок (рис. 22: 3), из Семапалатинского кургана – птица с раздвоенным хвостом – павлин? (рис. 22: 7), из кургана в степи между Обью и Иртышом – птица, напоминающая гуся (рис. 22: 8). Птицевидные навершия булавок, очевидно, подчеркивали связь головы с верхним миром. Навершием булавки из Когалов служит изображение собаки (рис. 22: 5), Ф.Х. Арсланова (Арсланова, 1998, с. 112) и исследователи могильника Пролетарки 1,1 (Алехин и др., 1991, с. 22) соответственно отметили стилистическую и функциональную близость булавок из Выдрихи и Пролетарки к аналогичным древнехакасским изделиям IX–X вв. (Кызласов, 1977, с. 99). При этом следует отметить, что булавки с птицевидными навершиями из Выдрихи, Пролетарки и Семипалатинска (рис. 22: 3, 7) наиболее сходны с бронзовыми булавками конца эпохи чаатас и тюхтятской культуры IX–X вв. (Кыз-

ласов, 1983, с. 42, рис. 22,5–8). Вероятно, прототипы булавок кимаков восходят к булавкам древних хакасов VIII–X вв., но в отличие от большинства тюхтятских железных булавок кимаков литые бронзовые. Железная булавка с бронзовым навершием в виде стилизованного изображения птицы типа фазана и витиеватым хвостом происходит из сросткинского женского погребения с конем IX–X вв. БЕ-16/6 (Абдулганеев и др., 1995, с. 244, 246, рис. 2,13), аналогии которой авторы публикации видят в тюхтятской культуре (Кызласов, 1977, рис. 8,4,5; 9,2,3). Возможно, прототипы кимакских булавок попали к населению степей Верхнего Прииртышья во время кыргызских завоеваний 40-х гг. IX в. или в результате обмена или иных межэтнических, брачных и т. п. контактов. Булавка с фигуркой собаки на навершии из Когалы 1/9 (рис. 22: 5) является, скорее всего, плодом творчества местных мастеров и отражает существовавший у кимаков культ собаки, на что указывают многократные сопроводительные захоронения собак в кимакских курганах – Орловка I, Зевакино, 39 (Арсланова, 1969, с. 45,51), Кондратьевка 1,3/2 (Алехин и др., 1991, с. 21), КVIII,2 (Могильников, 2002, с. 54, рис. 166).

Примечательно, что указанные бронзовые булавки встречены в женских погребениях с относительно богатым инвентарем вместе с другими украшениями – серьгами, бусами, копоушками и пр. (Арсланова, 1998, с. 100–102; Армстронг, 1861, табл. 1; Трифонов, 1987, с. 227–229, 238–239), что, очевидно, указывает на престижность этой детали туалета. Вышеупомянутые находки костяного стержня из Карашат II,5/1 и стерженька из алевролита из Ахмирово (рис. 21: 4, 6), по-видимому, указывают на существование заколок, вырезанных из кости или камня. Возможно также предполагать использование рядовыми представительницами булавок или заколок из дерева, но от них в погребениях не остается следов. Возможно, были также и железные булавки. Однако из-за плохой сохранности железа и ограбленности погребений идентифицировать их остатки почти невозможно.

КОПОУШКИ

В рассматриваемом регионе обнаружено 2 экз. копоушек в женских захоронениях на верхнем Алее. Серебряная копоушка с ажурной рукоятью с изображением вьющихся побегов или спиралей (рис. 22: 11) происходит из богатого разграбленного женского погребения в сопровождении чучел трех коней KVII,1 (Могильников, 2002, с. 52,53, рис. 159–162). По облику данная копоушка наиболее близка к копоушкам с прорезными геометрическими рукоятями из Дмитриевского могильника салтовской культуры, отнесенными С.А. Плетневой к типу 4, включенному в третью хронологическую группу, которая может быть датирована серединой – второй половиной IX – началом X в. (Плетнева, 1989, с. 106, рис. 55,118).

Вторая копоушка бронзовая, с изображением двух фигурок сопоставленных птиц с пышными павлиньими хвостами, обнаружена в женском погребении KII,6 без коня, в комплексе с двумя бронзовыми подвесками в виде двух спаренных рыбок (рис. 20: 32; 22: 1) (Могильников, 2002, рис. 144,5). По ритуалу захоронения в подпрямоугольной каменной ограде, при ориентации головой на ВСВ данное погребение KII,6 соотносится с кимакскими канонами погребального ритуала второй половины IX – первой половины XI вв., в данном случае скорее конца IX–X вв., в то время как предыдущее захоронение KVII,1 мы склонны соотносить с огузами.

Композиции в виде сопоставленных фигурок петушков известны в Верхнем Прииртышье на подвесках в ингумации из Сандыккалы (Трифонов, 1987, рис. 113,10) и Зевакино (мы благодарны Ф.Х. Арслановой за любезно предоставленное нам фото данного комплекса вещей).

Мотив сопоставленных птиц-фениксов представлен на медальонах золотой тарелки из к. 6 Копенского чаатаса культуры чаатас (Кызласов, Король, 1990, с. 67, рис. 21). Подобные корболихинскому изображения фениксов с перьями хвоста в виде завитков восходят к танскому искусству (Кызласов, Король, 1990, с. 78), и, возможно, данный образ попал на Алтай при посредстве енисейских кыргызов. Подтверждением этого может служить находка серебряных фигурок идущих петушков в погребении с сожжением второй половины IX – начала X в. GI,2 (рис. 23: 3, 4) (Могильников, 2002, рис. 5,3,4), у которых перья хвоста также показаны завитками. К тому же на вершиях в виде феникса известны на булавах древних хакасов (Кызласов, 1977, с. 87–105; рис. 9,10; Кызласов, Король, 1990, с. 79). Свойственное для искусства IX–X вв. постепенное превращение феникса в петуха (Кызласов, Король, 1990, с. 80) особенно заметно на фигурках из GI,2 (рис. 23: 3, 4).

В целом в памятниках Южной Сибири, в т. ч. в памятниках сросткинской культуры в частности, копоушки встречаются редко. Обломок ажурной рукояти от копоушки происходит из к. 30 Ур-Бедари в Кузнецкой котловине (Елькин, 1970, рис. 7). Других находок в данном регионе нам неизвестно. В отличие от этого копоушки достаточно широко представлены у огузов X–XI вв. в междуречье Волги и Эмбы (Кригер, 1993, с. 139, рис. 1, I–III). Известны они также в печенежско-огузских древностях X–XIII вв. степей Восточной Европы (Плетнева, 1958, рис. 4; Федоров-Давыдов, 1966, с. 68, 116–117, табл. 6), хотя также в небольшом количестве.

ЗЕРКАЛА

Зеркала, в основном их фрагменты (?), происходят из женских богатых погребений, в т. ч. два (GIX,6; GXVI,2) из курганов на Алее, остальные из верхнего Прииртышья. Всего нами учтено 10 находок (рис. 24). Все

фрагменты зеркал имеют в углу маленькое круглое просверленное отверстие для подвешивания и рассматриваются как амулеты, имеющие сакральное-магический, охранительный смысл (Арсланова, Кляшторный, 1973,

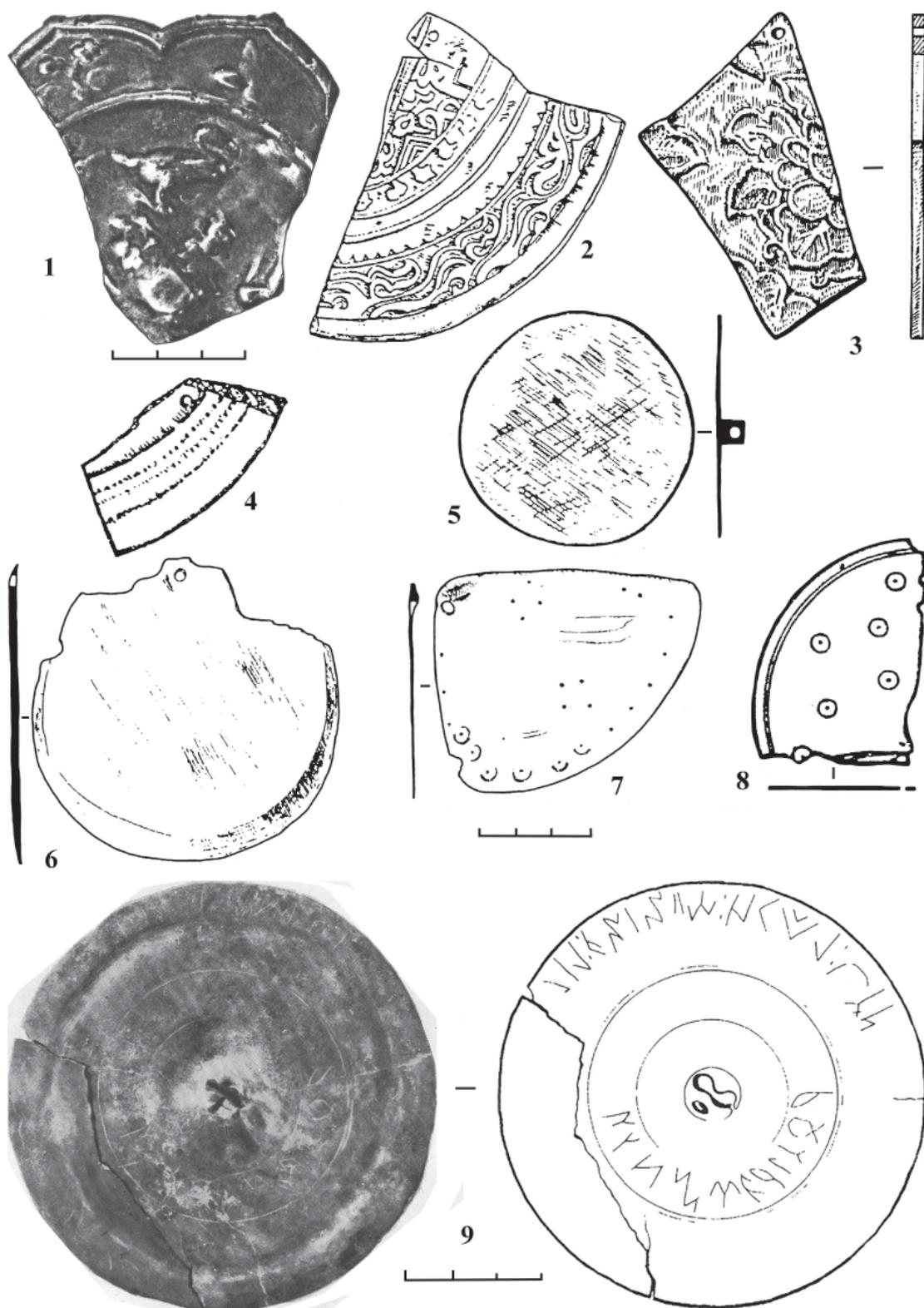

Рис. 24. Зеркала.

I – Гилево XVI, 2; 2, 6, 9 – Зевакино; 3 – Гилево IX, 6; 4 – Ковалевка, 2; 5 – Белокаменка, 2; 7 – Когалы I, 9, 3; 8 – Темир-Канка II, 2. 1–3 – белый сплав (бронза – ?, серебро – ?); 4–8 – бронза; 9 – бронза с серебряной амальгамой. 1, 3 – по Могильников, 2002; 2, 6 – по Ф.Х. Арсланова, 1998; 4, 5, 7, 8 – по Трифионов, 1987; 9 – по Арсланова, Кляшторный, 1973.

с. 313; Стратанович, 1961, с. 66–78; Трифонов, 1987, с. 239). В погребениях зеркала обычно находились в области пояса с левой стороны или поблизости от нее, на левом крыле таза, около нижних левых ребер, в одном случае (Когалы 1,9/3) – около поясничных позвонков справа (Трифонов, 1987, с. 239), и, очевидно, подвешивались к поясу слева в сумочке. В Темир-Канке II,2 фрагмент бронзового зеркала (рис. 24: 8) помещался в кожаном меховом футляре на деревянной основе, лежавшем на левой тазовой кости (Трифонов, 1987, с. 135, рис. 66,14). В отдельных случаях ГХ,6 (Могильников, 2002, рис. 68,3) рядом с зеркалом находился железный нож, который, вероятно, также подвешивали к поясу. В Зевакино, 145а, на левом крыле таза рядом с зеркалом лежали 180 бусин (Арсланова, 1998, с. 100), низка которых, по-видимому, была положена в сумочку вместе с зеркалом.

По своему происхождению и месту изготовления зеркала могут быть разделены на две группы: 1) китайские, танские, зеркала (рис. 24: 1–3), 2) зеркала работы местных мастеров (рис. 24: 4–9).

К группе 1, китайских зеркал, относятся фрагменты зеркал из ГХ,6, ГХVI,2 и Зевакино, 253/3. Они отлиты из серебристо-белого сплава, почти не подвергающегося окислению. Лицевая сторона их гладкая, заполированная, обратная – покрыта орнаментом. Зеркало из ГХVI,2 (рис. 24: 1) принадлежит к типу танских 8-лепестковых зеркал с круглой шишечкой с петлей в центре, с изображением по периметру трилистников, а во внутреннем поле – мандаринских уток. Датируется периодом Тан VIII–IX вв. н. э. (Лубо-Лесниченко, 1975, с. 55, рис. 28). Находки подобных зеркал известны в степи на широкой территории. Помимо упомянутого в сноске зеркала из Минусинской котловины, фрагменты таких зеркал обнаружены в Кулундинской степи в курганах Кирилловка V,1/3 (Могильников, 1987а, с. 268; 1996, рис. 1,1), Яровское III (Тишкин, Горбунов, 1998, рис. 1,12). Правда, здесь несколько иной орнамент. На зеркале из Кирилловки V летящая утка помещена среди вьющихся побегов. На западе подобное зеркало с изобра-

жением мандаринских уток происходит из Дмитриевского комплекса на Дону (Плетнева, 1989, рис. 54,1).

Обломку зеркала из ГХ,6 с изображением пышной листвы и цветка в центре (рис. 24: 3) полные аналогии мне неизвестны. Однако наиболее близким подобием ему являются фрагменты зеркала с изображением тюпа и восьмилепесткового зеркала с изображением цветка пиона на изогнутой ножке с листьями в низком рельефе периода Тан – Удай IX–X вв., найденные в Минусинской котловине (Лубо-Лесниченко, 1975, с. 57–58, № 75, рис. 31).

Фрагмент зеркала, орнаментированного тремя поясами узоров: во внешнем вьющиеся побеги, в среднем рельефные концентрические окружности, во внутреннем вписанные треугольники и криволинейные фигуры – из Зевакино 256/3 (рис. 24: 2) не имеет полных аналогий. Вместе с ним найдены 8-видные удила с взаимно перпендикулярными кольцами (Арсланова, 1998, рис. 1,28), на основе чего комплекс можно датировать X – началом XI в.

В подражание китайским прототипам местными мастерами отлиты зеркала из Ковалевки, 2 и Зевакино, 146 (рис. 24: 4, 6, 9). У зевакинского зеркала в центре, по китайскому образцу, расположена шишечка с петлей для подвешивания и ободок-валик по периметру. Диаметр зеркала 10 см, толщина около 1 см (Арсланова, Кляшторный, 1973, с. 311–312, табл. II). Приводимая авторами публикации толщина зеркала около 1 см представляется несколько завышенной. На краю бортовой зоны и во внутренней, между концентрическими окружностями нанесены надписи знаками рунического письма высотой 1,2–1,5 см, соответственно 20 и 11 знаков, которые палеографически ближе енисейскому варианту рунического письма. Перевод текста внешней зоны: «Знатная женщина освобождается от своего /чувства/ зависти (гнева). Ее счастливый удел (ее благость) наступает». Текст внутренней зоны: «Ябчи – рыжий... дракон» (Арсланова, Кляшторный, 1973, с. 312). При этом Ф.Х. Арсланова и С.Г. Кляшторный отмечают, что изображениям и надписям на зеркалах придавалось особое значение, а зеркала

с изображениями, как правило импортные, ценились чрезвычайно высоко (Арсланова, Кляшторный, 1973, с. 313–315). Благопожелательный текст надписи связывается ими с буддийской идеей воздаяния как обретения благодати при жизни, а также с распространением концепций буддизма среди верхов кимаковского общества, наряду с манихейством.

Упрощенным подражанием китайским зеркалам, по-видимому, является также диско-видное зеркало со скошенным краем из Зевакино, 145а, край которого обломан и просверлено отверстие для подвешивания (рис. 24: 6). Следует дополнительно отметить, что танские зеркала, особенно их фрагменты и сделанные по импортным образцам копии-отливки, довольно часто находятся в погребениях тюркоязычного населения IX–X вв. Саяно-Алтая и прилежащих районов степи и лесостепи. В степных и лесостепных районах Алтайского края А.А. Тишкиным и В.В. Горбуновым (Тишкин, Горбунов, 1998, с. 195–197) учтено восемь опубликованных местонахождений таких зеркал и их фрагментов. Несколько местонахождений происходит с Алтая и предгорий (Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 34; Савинов, 1982, рис. 11; Масумото, 1993, с. 248–251, рис. 1,а) и Тувы (Грач, 1958, с. 18–34; Овчинникова, 1990, рис. 33,12,13,15,17–19). Вместе с находками остатков шелковых тканей в богатых погребениях они указывают на контакты, по-видимому преимущественно опосредованные с Китаем, осуществлявшиеся через кыргызов, а также с Верхнего Прииртышья через Синьцзян и Монголию, где также известны находки танских зеркал (Джаргаланты; Евтюхова, 1957, рис. 3).

Зеркала из Белокаменки; Когалы и Темир-Канки II (рис. 24: 5, 7, 8), скорее всего, являются местными. Они имели тонкий бронзовый диск. По наличию или отсутствию орнамента могут подразделяться на два типа.

Тип 1 – круглое гладкое неорнаментированное зеркало с подпрямоугольным цельнолитым пластинчатом ушком с круглым отверстием на обороте. 1 экз. из Белокамен-

ки, 2 (рис. 24: 5) (Трифонов, 1987, с. 142, рис. 74,13). Диаметр диска около 6 см. Лежало около локтевого сустава скелета женщины, в состав инвентаря которой входили три ажурных парных застёжки с растительным орнаментом (рис. 21: 8), две из которых обломаны, бусы из халцедона, горного хрусталя, синего стекла различных оттенков, подвеска из коралла, а также штампованная бронзовая подвеска в виде личины. С обеих сторон черепа находились по паре серебряных височных колец, одно из которых несомкнутое, второе – сомкнутое, типа (рис. 20: 6) (Трифонов, 1987, с. 142–143, рис. 74,10–17).

Тип 2. Зеркала в виде тонкого бронзового диска с циркульным орнаментом. Представлены 2 экз. фрагментами в 1/4 диска из Когалы I,9/3 и Темир-Канка II,2 (рис. 24: 7, 8) (Трифонов, 1987, с. 135, 239, рис. 66,14; 113,8). Диаметры дисков около 10 см. Зеркало из Темир-Канки имело вдоль края дополнительный орнамент из расположенных рядом двух концентрических линий.

Представленный на зеркалах циркульный орнамент широко распространен территориально и хронологически на вещах различных категорий. В рассматриваемом комплексе вещей кимаков Верхнего Прииртышья IX – первой половины XI в. он украшает преимущественно костяные изделия – накладки колчанов и седельных луков (рис. 8: 1а–д, 2а–ж, 4–6; 18: А, 1–7). Циркульным орнаментом декорированы роговые накладки и из Павлодарского Прииртышья (Арсланова, 1968, вклейка, 87, 88).

Малочисленность находок зеркал указывает, что для культуры кимаков, точнее основной массы рядового населения, они не характерны. Знать предпочитала импортные китайские зеркала или отлитые в подражание им копии. Это же относится к населению сrostкинской культуры Верхнего Приобья и лесостепного междуречья Иртыша и Оби, где встречены только китайские образцы и подражания им (Тишкин, Горбунов, 1998, с. 195–197, рис. 1,12).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные комплексы памятников степных предгорий Алтая характеризуют относительно интегрированную этническую группу IX – начала XI в., в формировании которой участвовали тюркоязычные этносы различного происхождения, о чем свидетельствуют главным образом сохранившиеся детали своеобразия в погребальном ритуале, констатируемые устройством насыпей курганов и каменных надмогильных конструкций в них, особенностями сооружения внутримогильных камер, сопроводительных захоронениях животных в специфичных формах ритуала, а также в снабжении инвентарем. При этом выделяется численно преобладающая группа захоронений с прямоугольными каменными оградами в насыпях с захоронениями с конем и наиболее богатым инвентарем. Аналогичные конструкции преобладают также в Верхнем Прииртышье, в связи с чем возможно предполагать их связь с йемеками, составлявшими ядро кимакской конфедерации, куда входили также другие племена и этнические группы, что засвидетельствовано как письменными источниками (Кумек, 1972), так и различиями в археологическом материале. Иноэтничными в данном регионе выступали древние хакасы, кыргызы с их захоронениями по обряду кремации вместе с побывавшим в погребальном костре инвентарем, попавшие на Алтай и верхний Иртыш в ходе завоеваний Кыргызского каганата середины IX в. и оставшиеся здесь в составе гарнизонов для закрепления завоеванных территорий, как это делали кочевники еще со времен центрально-азиатских хуннов. Однако, судя по всему, эти гарнизоны быстро утратили связь с метрополией и, не получая дополнительной под-

держки с ее стороны, были вынуждены или покинуть завоеванные места, или, вступив в контакт с местным населением, постепенно слиться с ним. О последнем свидетельствует расположение древнехакасских захоронений с кремациями на одних некрополях с кимакскими курганами с ингумациями. Некрополей, где бы были только захоронения с кремациями, не обнаружено ни на Алее, ни на верхнем Иртыше. При этом, по-видимому, происходило с течением времени уменьшение доли погребений с кремациями на могильниках с ингумациями, что отражало, очевидно, сокращение численности пришельцев-кыргызов к концу IX в. в рассматриваемом регионе. Так, на могильнике Гилево I–V открыто 20 курганов с кремациями и 12 с ингумациями, причем курганы с кремациями концентрируются здесь более компактно, как бы обособляясь, в средней и нижней части некрополя. В отличие от этого на других могильниках находится по 1–2 захоронения или кургана с кремациями при преобладании ингумаций. Это Гилево XV (соответственно 2/6), Корболиха II (1/6), Корболиха VIII (2/6), где курганы с трупосожжениями расположены по соседству с курганами с трупоположениями или захоронения с кремациями впущены в курганы с ингумациями (ГХУ, к. 1,4; KVIII,5), содержащими, возможно, уже захоронения родственников.

По данным Ф.Х. Арслановой, в Верхнем Прииртышье в курганах конца VIII–IX вв., содержащих под одной насыпью захоронения с кремациями и ингумациями, первые были мужскими, вторые женскими и детскими (Арсланова, 1972, с. 75). В таком случае курганы могли быть семейными усыпальницами пришлых мужчин, сохранивших свой ритуал кре-

мации, и их местных жен и детей, похороненных по обряду труположения. Это также отражает ассимиляцию пришлых кыргызов кимаками при отсутствии нового притока кыргызского этноса.

Воздействие ритуала кимаков отражает захоронение коня в погребении с кремацией Г1,2 (Могильников, 2002, рис. 3). Становление и укрепление кимацкого каганата в конце IX–X вв. совпадает с отступлением и частичной ассимиляцией кыргызов-завоевателей из Верхнего Прииртышья и степных предгорий северо-западного Алтая, в то время как в Горном Алтае они сохранили свое господство.

Облик культуры дает основание считать население северо-западных предгорий Алтая полукочевниками. Несмотря на то, что, кроме следов стойбищ, отмеченных единичными находками мелкофрагментированной средневековой керамики на некоторых отлогих мысах, вдающихся в пойму Алея, данные о поселениях отсутствуют, имеется несколько свидетельств полукочевого быта. В первую очередь, это развитая техника деревообработки, сооружение в погребениях перекрытий из бревен, горбылей и плах, опирающихся на бревенчатые перекладыны, что являлось своеобразной упрощенной имитацией деревянных, по-видимому срубных жилищ, строившихся на зимниках. Хотя описываемый Гилевский микрорайон был пригоден для круглогодичного пребывания со стадами скота, скорее всего, он являлся местом зимних пастбищ. Здесь устраи-

вались семейно-родовые кладбища. На лето скот могли отгонять в расположенные поблизости горы Алтая. Такая система кочевания напоминала систему полукочевого хозяйства у казахов Семиречья.

На полуоседлость указывает такое пользование керамикой собственного производства, которая встречена в 15% погребений. Правда, глиняная посуда в это время уже активно вытеснялась железными котлами, остатки которых обнаружены в таком же количестве погребений, причем в коллективном захоронении ГVII,4,2 было два котла.

С оговоркой можно предполагать, что каменные кладки надмогильных округлых и прямоугольных оград также являются показателем полуоседлого быта, т. к. подобные конструкции известны как основания жилищ у казахов XV–XIX вв. (Востров, Захарова, 1989; Жолдасбаев, 1976; 1978). Округлые и прямоугольные основания жилищ, сложенные из камня, выявлены на городище X–XII вв. Милыкудук в Джезказгане (Маргулан, 1973, с. 15–18, рис. 4), располагавшемся в ареале кыпчаков, входивших ранее в кимацкую конфедерацию.

Небольшие размеры отдельных могильников дают основание рассматривать их как семейные кладбища, а существенные различия, фиксируемые в инвентаре и размерах погребальных конструкций разных некрополей, как свидетельство социальной и имущественной дифференциации между семьями.

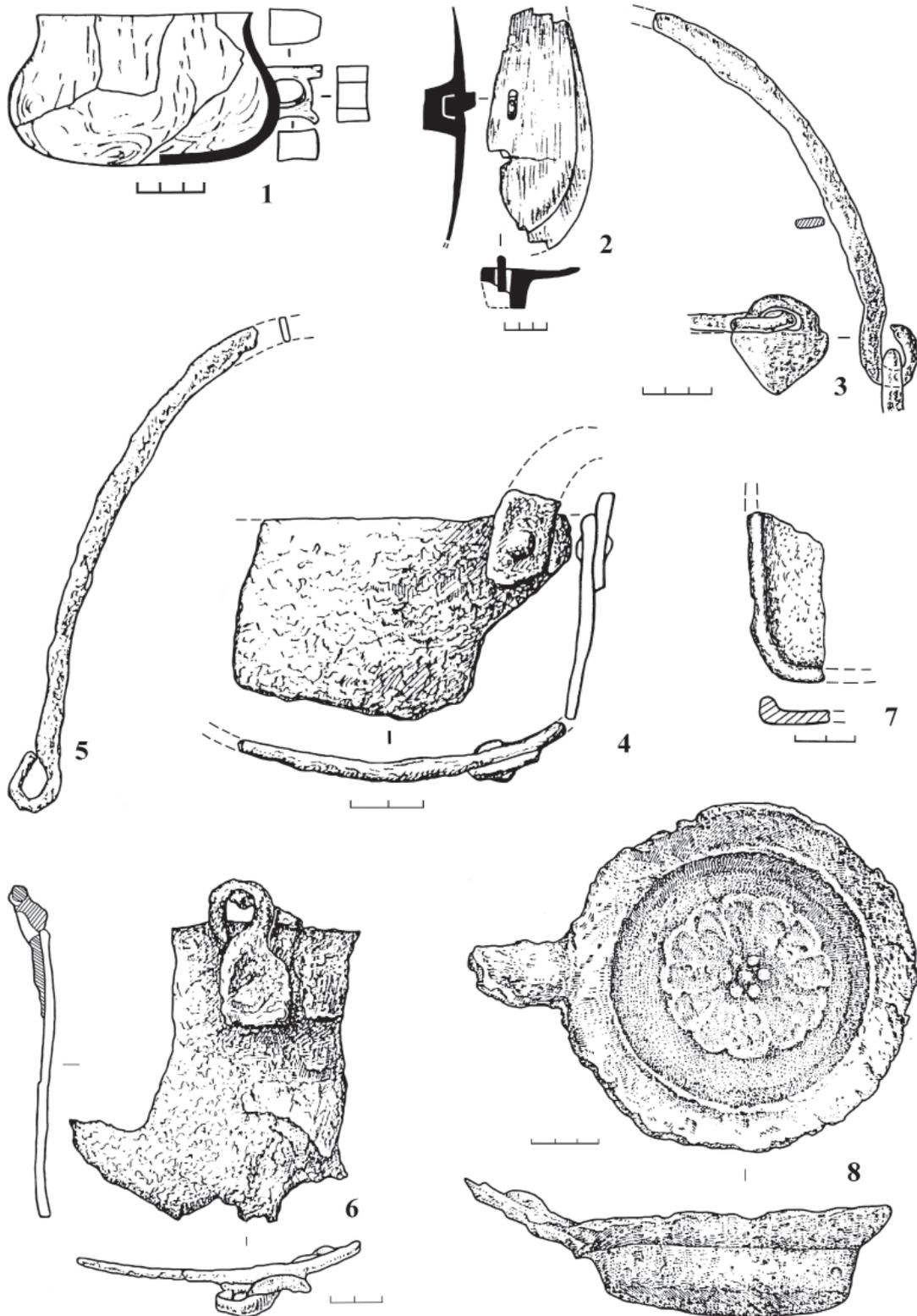

Рис. 25. Сосуды и их фрагменты из погребений с ингумациями.

1 – кружка; 2 – фрагмент блюда, 3–5, 6 – обломки котлов и дужек для их подвешивания; 7 – обломки блюда (?); 8 – жаровня. 1 – Акчий I, 1, 1; Акчий III, 1; 3 – Гилево XII, 2; 4 – Гилево VII, 10; 5 – Корболиха VIII, 3; 6 – Корболиха VIII, 3; 7 – Корболиха VIII, 2; 8 – Гилево V7. 1, 2 – по Трифонов, 1987; 3–8 – по Могильников, 2002.

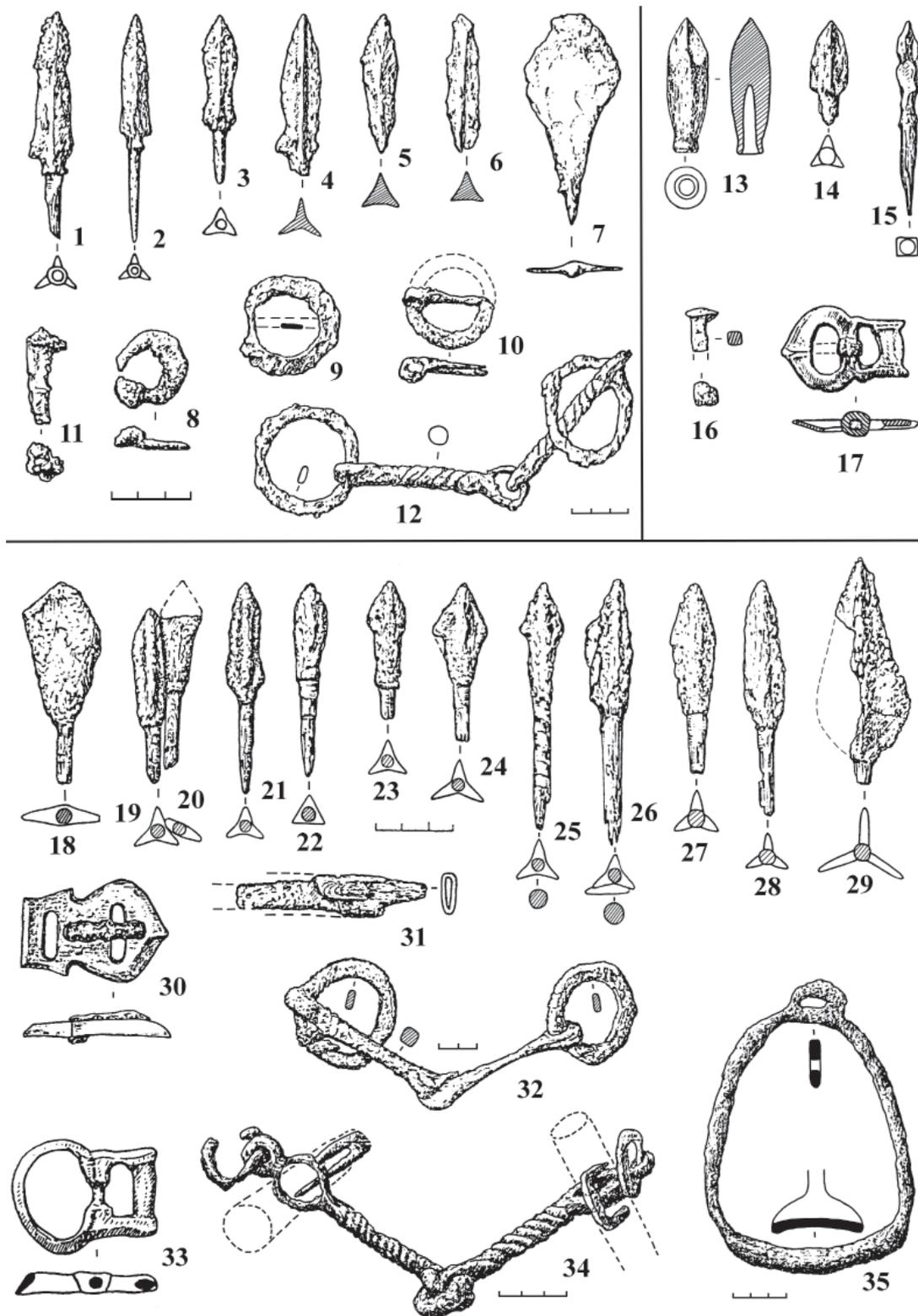

Рис. 26. Комплексы наконечников стрел с датирующими вещами из погребений с ингумациями второй половины X – первой половины XI в. на верхнем Алее.
 1–12 – Павловка I, 3; 13–17 – Гилево XIII, 6; Гилево VII, 4, 2. 1–12 – парное погребение со сброей без коня; 13–35 – из погребений с конями. 1–12, 14–16, 18–29, 31, 32, 35 – железо; 13 – рог; 17 – бронза, железо; 30 – рог, железо; 33 – бронза; 34 – железо, дерево (?).
 1–35 – по Могильников, 2002.

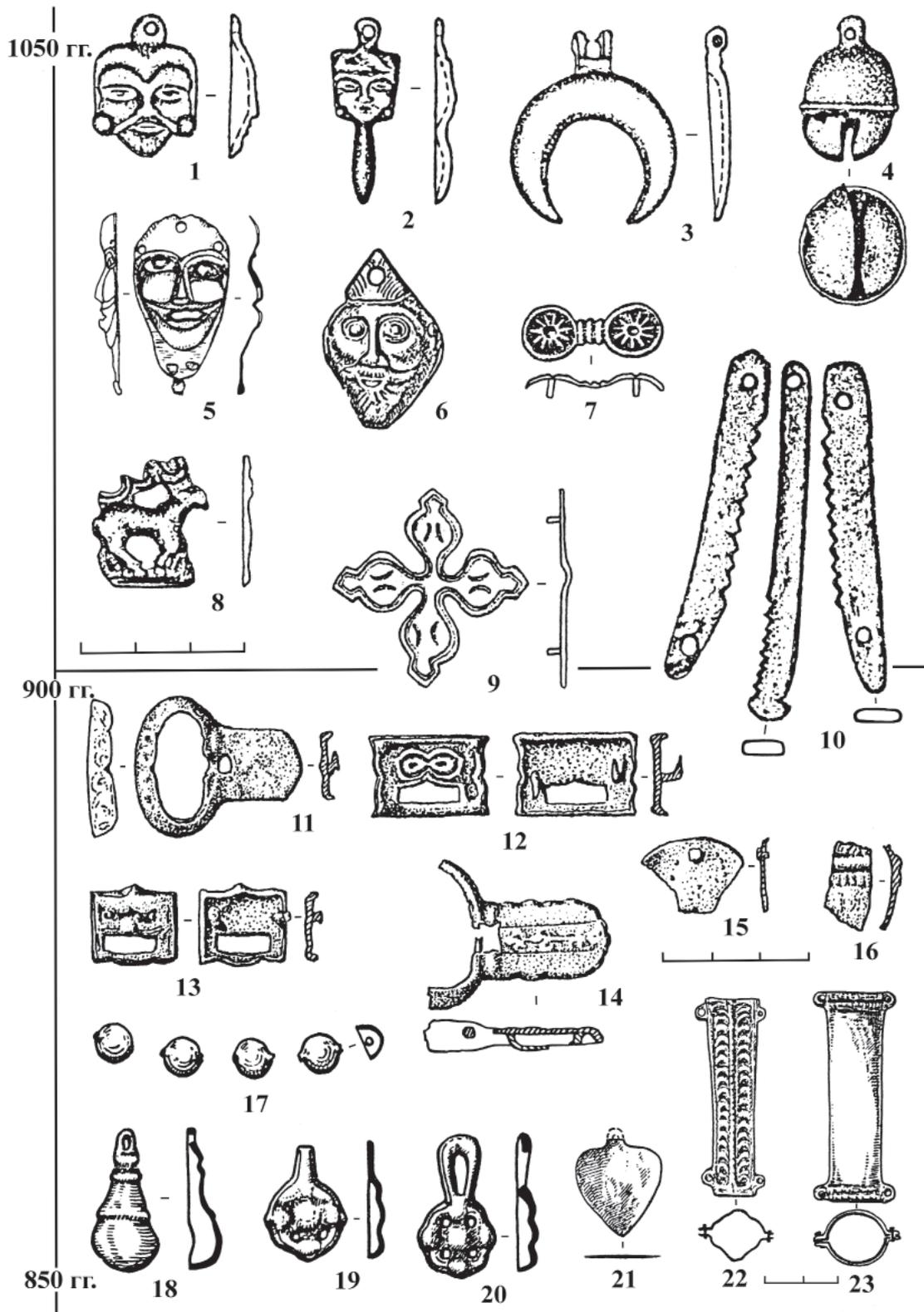

Рис. 27. Подвески, накладки, поясные бляхи и пряжки, игольники второй половины IX – первой половины XI в.

1–4, 8–10 – Кондратьевка IV, 2; 5 – Белокаменка, 2; 6 – Гилево XII, 4, 2; 7, 9 – Ахмирово I, 7, 1; 11–16 – Луговское I, 1; 17–20 – Гилево XVI, 3; 21–23 – Гилево VII, 1. 1–22 – медь; 23 – серебро.
1–4, 8, 10 – по Алевин, 1998; 5 – по Трифионов, 1987; 6, 17–23 – по Могильников, 2002; 7, 9 – по Суворова, Ткачев, 1995; 11–16 – по Горбунов, Ситников, 2000.

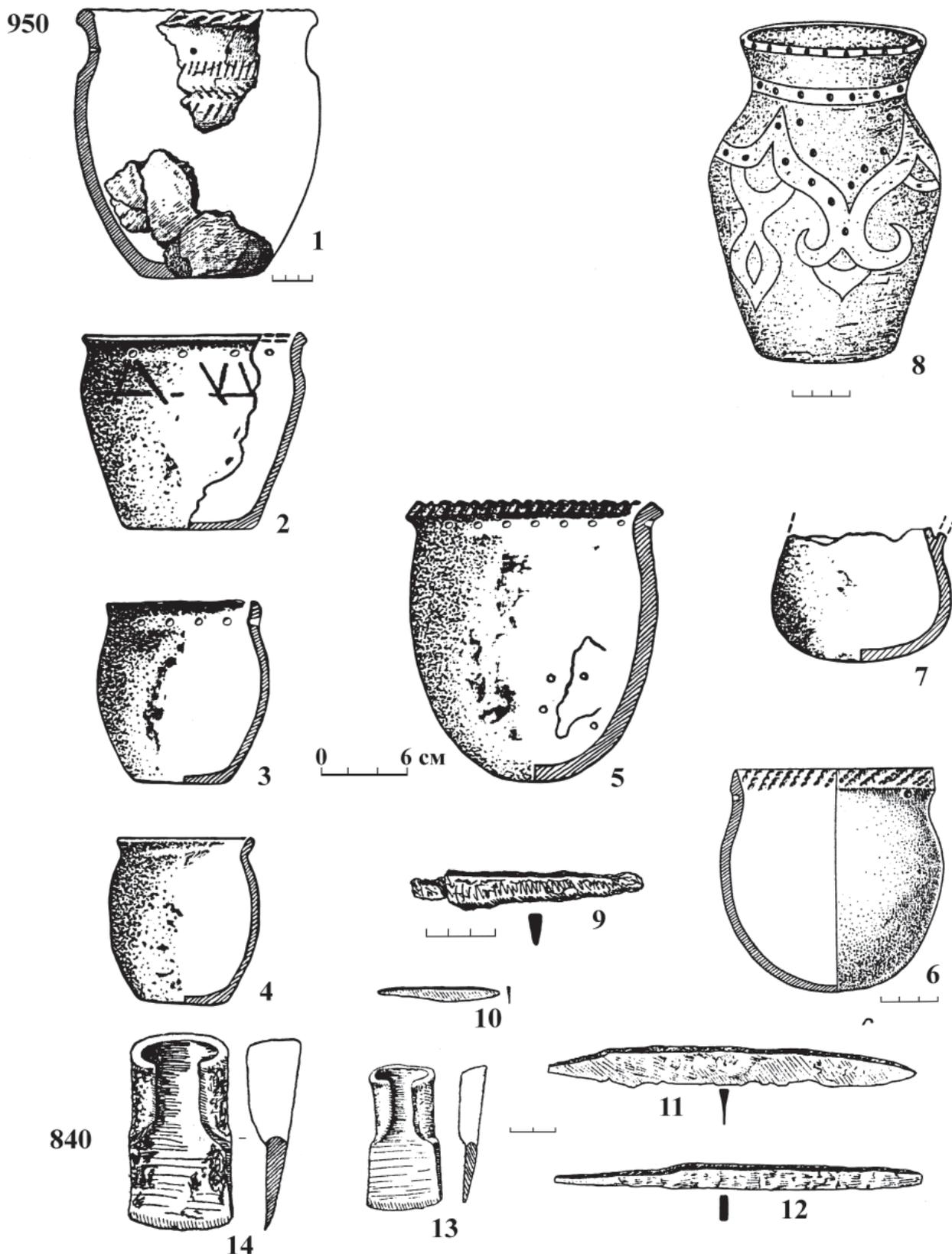

Рис. 28. Керамика из погребений с кремациями (1, 2, 5, 6) и из боковых детских ингумаций в курганах, где центральное погребение совершено по ритуалу кремации (3, 4, 7, 8). 1 – Корболиха VIII,5; 2 – Камышенка; 3–5, 7 – Зевакино (3 – к. 118,2; 4 – к. 111; 5 – к. 99; 7 – к. 103,2); 6 – Гилево III,12; 8 – Новофирсово VII,3,2; 9 – Новокамышинка; 10–4 – Зевакино (10–13 – к. 97; 14 – к. 100).

Таблица 6. Соотношение удил с типами погребального ритуала в Верхнем Прииртышье

Отдел	Тип группа псалив	кремации		ингум. с чучелом		ингумации в округлых кург.				ингумации в длинных кург.			итого			
		в яме	на УПГ	насыпь		с конем		без коня		с конем		без коня	кено таф	погр.	удил	
				земл.	с кам. констр.	в яме	подбой	в яме	подбой	в яме	подбой					
3	2					КарI,21		КарI,26A			Ахм7,2 (2)			2	2 обл.	
	1										Изм14,3 Джарт37		Изм14,2	3	3	
													итого	7	7	
2	1							ПЯ,1 (огр.)	КарI,15			КарI,19,2		3	3	
	1		Н.Камыш			Зев,126 Пчела Слав		КарI,26 КарI,13				КарI,14 КогI,10,2 СандI,3		9	9	
	1				Кызылтуб	АкчIII,2 Слав								3	3	
	1															
	2		Зев97						КарI,26(2)						1 кр.+ 1 инг.	1 + 2
	1	Джарб	Зев39 Зев97бв				Зев39 ОрлI(?)	Юнгт?	КарI,26(2) КарI,11 КарI,21,1 КарI,21,2				КарII,3,4 АкчI,1,2		12	13
													итого	29	31	
1	2											АкчI,1,1		1	1	
	1		Зев97а											1	1	
													итого	2	2	
Всего: погр./удил		1/1	5/5		1/1	8/8	1/1	9/11	1/1		2/2	9/9		1/1	38	40
Всего по типам погр.		6/6		1/1		9/9		10/12		2/2		9/9		1/1	6/6 крем.	37/34 ингум.

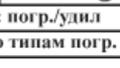
Группа псалив: 1 - деревянные; 2 - костяные; 3 - железные; 4 - железные кольчатые.

Таблица 7. Соотношение типов удил с типами погребального ритуала курганов на верхнем Алее

Отдел	Тип группа псалив	кремации		Культурная выкладка	Ингумации со шкурой коня	Ингумация с конем конструкция насыпи			Ингумации без костей коня	итого	
		в яме	на горизон.			земляная	с прямоуг. кам. оградой	др. кам.-земл. сооружения		погр.	удил
3	2								КУ,2	1	1
	1						ГХII,2		ГVII,4,2 (к.1) KIV,1 КХ,5 ПЗ,3	5	5
									итого	6	6(3/3)
2	1	ГI,2								1	1
	1	КVIII,5 Мих,1	ГIX,6 ГХV,4- псалий		ГXI,1(?)		ГVII,4,2 ГХIII,5(2) ХIII,15 КIII,2 ГХVI,2	ПI,1 КурI,1	ГVI,4 ГХIV,3,1	13	15
	1						ГХII,4,1	ГVIII,2 KIV,5(?) - обл.	КХ,8 ГП/3 КХ,5,2 - кенотаф	6	6
	1						ГVII,4,2			1	1
	2					КХ,7(?)		ГVII,4,2		2	2
	1	КVIII,8 ГI,2(2)	ГХV,4		КVII,1(3)		КII,1 КVIII,4	ГIX,18 ГХII,5 КV,1	ГIX,7 ГХII,3	11	14
									итого	34	39(25/14)
1	2							ГХII,6	ГХIV,1,1	2	2
	1	ГIII,4	ГIII,23	ГIX,19	ГV,5	ГIII,5				5	5(2/3)
									итого	7	7(2/5)
Всего: погр./удил		6/7	3/4	1/1	4/6	1/1	9/12	8/8	12/13	46	52(31/21)

9 крем. - 11 удил
36 ингум. - 40 удил
культ. выкладка - 1 удил

Таблица 8. Соотношение типов удил с типами погребального ритуала в междуречье Чарыша и Алея

О т д е л	Тип группа исалиев	кремации		ингум. с чучелом		ингумации в округлых кург.				ингумации в длинных кург.				итого		
		в яме	на УПГ	насыпать		с конем		без коня		с конем		без коня		кено таф	погр.	удил
				земл.	с кам. констр.	в яме	подбой	в яме	подбой	в яме	подбой	в яме	подбой			
3	2 											НФ7,3/3		1	1	
	1 													итого	1	1
2	1 															
	1 	НФ7,3/1				Ив3,1 Ив3,2		Щ,6 БК,3						5	5	
	1 															
	1 															
	2 					БК,П(4)	Щ,3							2	5	
	1 													итого	7	10
1	2 															
	1 													итого		
Всего: погр./удил		1/1			1/4	3/3		2/2				1/1		8	11	
Всего по типам погр.														1 крем. 7 ингум.	10	

БК - Белый Камень; Ив - Ивановка; НФ - Ново-Фирсово; Щ - Щепчиха

РЕЗЮМЕ

Монография В.А. Могильникова посвящена комплексному исследованию материальной культуры населения Верхнего Прииртышья и Приалтайских степей в период конца VIII – XI вв. Автор анализирует археологические материалы, включая вооружение, конское снаряжение, орудия труда, предметы быта, украшения и погребальные обряды. Особое внимание уделено изучению артефактов, связанных с кимаками – одним из ключевых этносов региона, увязываемых со сrostкинской археологической культурой, а также их взаимодействию с соседними народами кыргызами, огузами и уйгурами.

Исследование основано на многолетних археологических раскопках, в ходе которых было изучено более 200 погребений, а также систематизированы находки, позволяющие реконструировать материальную культуру населения региона. В работе выделяются три локальных зоны исследований: Верхнее Прииртышье, верхний Алей и междуречье Алея и Чарыша, каждая из которых характеризуется собственными особенностями захоронений и культурных артефактов.

Монография базируется на обширном источниковедческом анализе археологических материалов, включая и письменные свидетельства (арабские, китайские хроники). Особое значение в исследовании уделено сравнительному анализу материальной культуры Верхнего Прииртышья и сопредельных территорий, что позволяет уточнить этнокультурные связи и динамику изменений в эпоху Средневековья.

Книга является вторым выпуском серии, посвященной сrostкинской археологической культуре. Она представляет собой важный вклад в изучение истории кочевых народов Евразийских степей эпохи средневековья.

SUMMARY

The monograph by V.A. Mogilnikov is devoted to a comprehensive study of the material culture of the Upper Irtysh region and the Altai steppes population in the late VIII – XI centuries. The author analyzes archaeological materials, including weapons, horse equipment, tools, household items, decorations and burial rites. Particular attention is paid to the study of artifacts related to the Kimaks, one of the key ethnic groups of the region associated with the Srostki archaeological culture, as well as their interaction with neighboring Kyrgyz, Oghuz and Uyghur peoples.

The study is based on many years of archaeological excavations, during which more than 200 burials were studied, and the findings were systematized, allowing the reconstruction of the material culture of the region's population. The work identifies three local research areas: the Upper Irtysh region, the upper part of the Aley river, and the Aley-Charysh interfluvium, each of them is characterized by its own features of burials and cultural artifacts.

The work is based on an extensive source analysis of archaeological materials, including written sources (Arabic and Chinese chronicles). The study pays special attention to the comparative analysis of the material culture of the Upper Irtysh basin and neighboring areas, which allows to clarify ethnocultural relations and the dynamics of changes in the Middle Ages.

This book is the second publication of the series dedicated to the Srostki archaeological culture. It represents an important contribution to the study of the history of nomadic peoples of the Eurasian steppes in the Middle Ages.

摘要

V. A. 莫吉尔尼科夫 (V. A. Mogilnikov) 的专著致力于全面研究 VIII 世纪末至 XI 世纪期间上额尔齐斯河地区和阿尔泰草原居民的物质文化。作者分析了考古材料, 包括武器、马具、工具、家居用品、珠宝和丧葬仪式。特别注意与该地区主要民族之一 基马克 (Kimaks) 有关的文物研究, 该民族与斯罗斯特金斯克 (Srostki) 考古文化有关, 以及他们与吉尔吉斯人、乌古斯人和回鹘人等邻民族互动。

这项研究基于多年的考古发掘, 在此期间研究了 200 多个墓葬, 并将研究结果系统化, 从而重建了该地区人口的物质文化。这项研究确定了三个当地研究区: 额尔齐斯河上游地区、阿雷河上游和阿雷-恰雷什河交界处, 每个地区都有自己的墓葬和文化遗迹。

本专著基于对考古材料的广泛研究分析, 包括书面证据 (阿拉伯文、中文编年史)。这项研究特别重视对额尔齐斯河上游地区和邻居地区的物质文化进行比较分析, 这使我们能够阐明中世纪的民族文化联系和变化动态。本书是斯罗斯特金斯克 (Srostki) 考古文化丛书的第二期。它对研究中世纪欧亚草原游牧民族的历史做出了重要贡献。

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А.* Новые могильники второй половины I тысячелетия н. э. в урочище Ближние Елбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово, 1995. С. 243–252.
2. *Абрамзон С.М.* 1990. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе: Кыргызстан. 480 с.
3. *Агеева Е.И., Джусупов А.* Интересная находка // Ученые записки Казахского государственного университета. Сер.: История. Т. LIV. Вып. 12 / Отв. ред. Е.Б. Бекмаханов. Алма-Ата, 1963. С. 173–178.
4. *Агеева Е.И., Максимова А.Г.* 1959. Отчет о работе Павлодарской экспедиции 1955 г. // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 7 / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: АН КазССР, 1959. С. 32–58.
5. *Адамов А.А.* Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2000. 256 с.
6. *Алехин Ю.П.* Курьинский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 58–88.
7. *Алехин Ю.П.* Некоторые результаты охранных работ 1988 г. в Курьинском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 133–136.
8. *Алехин Ю.П.* Курган кимакской знати на Рудном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 201–203.
9. *Алехин Ю.П., Демин М.А., Илюшин А.М.* Некоторые результаты исследований на Рудном Алтае // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла / Отв. ред. А.П. Уманский. Барнаул: Изд-во БГПИ, 1992. С. 135–140.
10. *Алехин Ю.П., Демин М.А., Илюшин А.М., Сулейменов М.Г.* Охранные работы 1990 г. на Рудном Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая / Ред. А.П. Уманский, М.А. Демин, В.Б. Бородаев. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 18–23.
11. *Альбаум Л.И.* Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975. 112 с.
12. *Аристов Н.А.* 1896. Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей // Живая старина. Вып. III–IV. СПб.: Отделение этнографии ИРГО, 1896. С. 277–456.
13. *Армстронг И.А.* Семипалатинские древности // Известия императорского археологического общества. Т. II. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1861. С. 202–206.
14. *Арсланова Ф.Х.* Бобровский могильник // Известия АН КазССР. Сер. общественных наук. Вып. 4. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1963а. С. 68–80.
15. *Арсланова Ф.Х.* Средневековый могильник из Прииртышья // Сборник Министерства высшего и среднего специального образования КазССР. История, философия, экономика. Алма-Ата, 1963б. С. 278–302.
16. *Арсланова Ф.Х.* Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.) // Новое в археологии Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 98–111.
17. *Арсланова Ф.Х.* Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура

древних скотоводов и земледельцев Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 43–57.

18. Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 56–76.

19. Арсланова Ф.Х. Керамика раннесредневековых курганов Казахстанского Прииртышья // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 79–104.

20. Арсланова Ф.Х. 1981. Культовые предметы из женских захоронений Прииртышья // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири / Отв. ред. Л.М. Плетнёва. Томск: ТомГУ, 1981. С. 48–49.

21. Арсланова Ф.Х. Пряжки «византийского» типа из Прииртышья // Западная Сибирь в эпоху средневековья / Ред. Л.А. Чиндина. Томск: Томский гос. ун-т, 1984. С. 119–128.

22. Арсланова Ф.Х. К вопросу о взаимосвязях урало-алтайского населения в IX–X вв. // Урало-Алтаистика. Археология, этнография, язык / Отв. ред. Е.И. Убрятова. Новосибирск: Наука, 1985. С. 63–69.

23. Арсланова Ф.Х. 1987. Длинные курганы Прииртышья // Источники по истории Западной Сибири. История и археология / Отв. ред. В.И. Матюшенко. Омск: Омск. ун-т. С. 50–69.

24. Арсланова Ф.Х. Образ птицы на головных уборах кимакских женщин // Маргулановские чтения / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алма-Ата: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 1989. С. 156–160.

25. Арсланова Ф.Х. Женские погребения IX–X вв. с бусами из Казахстанского Прииртышья // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2 / Отв. ред. З. Самашев. Алматы-Москва: Гылым, 1998. С. 97–110.

26. Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник 1972 / Отв. ред. А.Н. Кононов. М.: Наука, 1973. С. 306–315.

27. Арсланова Ф.Х., Самашев З.С. 1984. Курганная группа Карашат в Семипалатинской области // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. В.И. Матюшенко, Н.А. Томилов. Омск: ОмГУ, 1984. С. 161–166.

28. Арсланова Ф.Х., Чариков А.А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья // СА. 1974. № 3. С. 220–235.

29. Археологическая карта Казахстана. / Отв. ред. Е.И. Агеева, К.А. Акишев. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1960. 488 с.

30. Ахинжанов С.М. Этнонимы «кимак» и «кипчак» // Археология эпохи камня и металла Сибири / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: ИИФФ, 1983. С. 106–122.

31. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: Гылым, 1989. 296 с.

32. Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара: СамВен, 1998. 286 с.

33. Бараба в тюркское время / Отв. ред. Е.И. Деревянко. Новосибирск: Наука, 1988. 175 с.

34. Бартольд В.В. Отчёт о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг. // Записки Императорской Академии наук по Историко-филологическому отделению. Сер. VIII. Т. I. № 4. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1897. 151 с.

35. Бартольд В.В. Введение к изданию Худуд ал-'алем // Худуд ал-'алем: рукопись Туманского. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 1–32.

36. Бартольд В.В. Кимаки. Статьи из энциклопедии ислама // Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. М. 1968а. С. 549.

37. Бартольд В.В. Новый труд о половцах // Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. М. 1968б. С. 392–408.

38. Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области / Труды ТГУ им. В.В. Куйбышева. Т. 98 / Отв. ред. К.Э. Гриневиц. Томск: ТГУ, 1947. 220 с.
39. *Беликова О.Б.* Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск: Изд-во Томского гос. пед. университета, 1996. 272 с.
40. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.-Л.: АН СССР, 1950. 382 с.
41. *Богачев А.В.* Кочевники лесостепного Поволжья V–VIII вв.: учебное пособие к спецкурсу. Самара: СамГПУ, 1998. 108 с.
42. *Бородкин Ю.М.* Курганы у села Тарасово // Археология Южной Сибири / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: КемГУ, 1977. С. 139–147.
43. *Вайнштейн С.И.* Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II / Отв. ред. Л.П. Потапов. М.; Л.: Наука, 1966. С. 292–347.
44. *Винников А.З., Плетнева С.А.* На северных рубежах хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1998. 216 с.
45. *Востров В.В., Захарова И.В.* Казахское народное жилище. Алма-Ата: Наука, 1989. 179 с.
46. *Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. 144 с.
47. *Генинг В.Ф., Овчинникова Б.Б.* Пахомовский могильник // ВАУ. Вып. 8 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск. 1969. С. 128–137.
48. *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 200 с.
49. *Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1990. 176 с.
50. *Горбунов В.В.* Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-I // Культура древних народов Южной Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: АлтГУ, 1993. С. 80–90.
51. *Горбунов В.В.* Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.
52. *Горбунов В.В., Ситников С.М.* Результаты обследования двух аварийных памятников эпохи средневековья в Алтайском крае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XI / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 226–230.
53. *Горбунов В.В., Тишкин А.А.* Случайные находки средневекового вооружения в Алтайском крае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 190–194.
54. *Грач А.Д.* Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-вана в Туве // СЭ. 1958. № 4. С. 18–34.
55. *Грач А.Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. М.: Вост. лит-ра, 1961. 94 с.
56. *Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В.* Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М.: Фондамента-Пресс, 1998. 84 с.
57. *Григорьев Е.В.* Распределители ремней Южной Сибири VII–X вв. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 152–158.
58. *Григорьев В.В.* Об арабском путешественнике X в. Абу-Долефе и странствовании его по средней Азии. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1872. 45 с.
59. *Григорьев В.В.* Об отношении между кочевыми народами и оседлыми государствами // Журнал Министерства народного просвещения. Часть CLXXVIII. (3, Март). СПб.: тип. В.С. Балашева, 1875. С. 1–27.

60. *Грязнов М.П.* Древние культуры Алтая. Новосибирск: Советская Сибирь, 1930. 11 с.
61. *Грязнов М.П.* Раскопки на Алтае // СГЭ. 1940. № 1. С. 17–21.
62. *Грязнов М.П.* Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. Вып. XVIII / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 9–17.
63. *Грязнов М.П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка / МИА. № 48. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 163 с.
64. *Грязнов М.П.* Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Эпоха бронзы и раннего железа Сибири и Средней Азии / Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 3 / Ред. М.И. Артамонов. Л.: Изд. Гос. Эрмитажа, 1961. С. 7–31.
65. *Дмитриева Е.Н., Левашова В.П.* Материалы из раскопок сибирских бугровщиков // СА. 1965. № 2. С. 225–236.
66. *Евтюхова Л.А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: ХНИИЯЛИ, 1948. 110 с.
67. *Евтюхова Л.А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. I / МИА. № 24 / Под ред. С.В. Киселева. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 72–120.
68. *Евтюхова Л.А.* О племенах Центральной Монголии в IX в. // СА. 1957. № 2. С. 206–227.
69. *Евтюхова Л.А., Киселев С.В.* Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Тр. ГИМ. Вып. XVI / Отв. ред. Д.Н. Эдинг. М.: ГИМ. С. 75–117.
70. *Елькин М.Г.* Курганный могильник позднего железного века в долине реки Ур // Известия лаборатории археологических исследований (ИЛАИ). Вып. 2 / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1970. С. 81–92.
71. *Елькин М.Г.* Поселение позднего железного века у г. Гурьевска // ИЛАИ. Вып. 5 / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: Полиграфкомбинат, 1974. С. 119–129.
72. *Жолдасбаев С.* Типы оседлых поселений казахов по данным археологических исследований Южного и Центрального Казахстана (XV–XIX вв.) // Прошлое Казахстана по археологическим источникам / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 46–58.
73. *Жолдасбаев Ф.* Жилища казахов Южного Казахстана XV–XIX вв. по данным археологии // Археологические памятники Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1978. 203–212 с.
74. *Захарова И.В., Ходжаева Р.Д.* Казахская национальная одежда (XIX – начало XX в.). Алма-Ата, 1964. 178 с.
75. *Иванов В.А.* Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII–XIV вв.) // Военное дело древнего населения Северной Азии / Отв. ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1987. С. 172–189.
76. *Иванов С.В.* К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // СМАЭ. Т. XVI / Отв. ред. С.П. Толстов. М.; Л.: АН СССР, 1955. С. 165–264.
77. *Иванов С.В.* Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л.: Наука, 1970. 296 с.
78. *Иванов С.В.* Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (XVIII – первая четверть XX в.). Л.: Наука, 1979. 195 с.
79. *Илюшин А.М.* Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. 116 с.
80. *Казаков Е.П.* Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Археология и этнография Татарии. Вып. 1 / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: Татполиграф, 1971. С. 94–155.
81. *Кибиров А.К.* Работа Тянь-Шаньского археологического отряда // КСИЭ. Вып. XXVI /

Отв. ред. М.Г. Левин. М.: АН СССР, 1957. С. 81–88.

82. *Кирпичников А.Н.* Так называемая сабля Карла Великого // СА. 1965. № 2. С. 268–276.

83. *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. Вып. I / САИ. Вып. Е1-36. М.-Л.: Наука, 1966. 143 с.

84. *Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В.* Погребение сrostкинской культуры на могильнике Восток-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин. Барнаул: изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. С. 198–200.

85. *Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А.* Древнетюркские курганы могильника Тьткескень-VI // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 3 / Отв. ред. В.И. Соёнов. Горно-Алтайск: изд-во ГАГУ, 1998. С. 165–174.

86. *Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В.* Материалы двух погребений конца I тыс. н.э. с Верхнего Приобья // Охрана и использование археологических памятников Алтая / Ред. А.П. Уманский, М.А. Дёмин, В.Б. Бородаев. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 137–141.

87. *Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.

88. *Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И.* Археологические находки из Локтевского музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. 12 / Отв. ред. Л.А. Никитина. Барнаул: Азбука, 2001. С. 168–171.

89. *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.: АН СССР, 1951. 642 с.

90. *Клеменц Д.А.* Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Томск: Издание Иннокентия Кузнецова, 1886. 185 с.

91. *Ковычев Е.В.* Монгольские погребения из Восточного Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья / Отв. ред. П.Б. Коновалов. Новосибирск: Наука, 1981. С. 73–79.

92. *Комарова М.Н.* Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. I / МИА. № 24 / Под ред. С.В. Киселева. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 7–50.

93. *Коников Б.А.* О вооружении приртышского населения II тыс. н. э. // Военное дело древнего населения Северной Азии / Отв. ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1987. С. 163–171.

94. *Коновалов П.Б.* Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 248 с.

95. *Корзухина Г.Ф.* Из истории древнерусского оружия XI века // СА. № 13 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: АН СССР, 1950. С. 63–94.

96. *Кригер В.А.* Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы // Новое в средневековой археологии Евразии / Отв. ред. В.Б. Ковалевская. Самара: Артефакт, 1993. С. 137–140.

97. *Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.

98. *Кубарев Г.В.* К вопросу о саадачном или «стрелковом» поясе у древних тюрок Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 3 / Отв. ред. В.И. Соёнов. Горно-Алтайск: изд-во ГАГУ, 1998. С. 190–197.

99. *Кумеков Б.Е.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972. 156 с.

100. *Кызласов И.Л.* Булавки древних хакасов // Археология Южной Сибири / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: КемГУ, 1977. С. 87–104.

101. *Кызласов И.Л.* Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // САИ. Вып. Е3-18. М.: Наука, 1983. 128 с.

102. *Кызласов И.Л.* Новый вид погребальных памятников Южной Сибири // Материалы по археологии Горного Алтая / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. С. 100–129.

103. *Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. 1960. № 3. С. 93–120.
104. *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 211 с.
105. *Кызласов Л.Р.* Курганы древнехакасской тюхтятской культуры в Туве (по материалам Тувинской археологической экспедиции МГУ) // ВМГУ. Сер. История. № 6. 1978. С. 38–56.
106. *Кызласов Л.Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979а. 207 с.
107. *Кызласов Л.Р.* Курганы тюркоязычных племен северной Тувы IX–X вв. // Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1979б. Вып. 1. С. 105–112.
108. *Кызласов Л.Р.* Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 46–52.
109. *Кызласов Л.Р., Король Г.Г.* Декоративное искусство средневековых хакасов, как исторический источник. М.: Наука, 1990. 216 с.
110. *Левашова В.П.* Из далёкого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск: Красноярское краевое государственное издательство, 1939. 68 с.
111. *Левашова В.П.* Два могильника кыргыз-хакасов // Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. I / МИА. № 24 / Под ред. С.В. Киселева. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 121–136.
112. *Литвинский Б.А.* Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. 1965. № 2. С. 75–91.
113. *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М.: Наука, 1975. 170 с.
114. *Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала VIII–XII в. 1981а. М.: Наука. 166 с.
115. *Мажитов Н.А.* Южный Урал в VI–VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981б. С. 23–28.
116. *Маргулан А.Х.* Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. Отчет экспедиции 1948 года // Известия АН КазССР, № 108. Серия археологическая. Вып. 3 / Отв. ред. С.С. Черников. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1951. С. 3–52.
117. *Маргулан А.Х.* Дзезказган – древний металлургический центр (городище Милькудук) // Археологические исследования в Казахстане / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1973. С. 3–42.
118. *Марсадалов Л.С., Погожева А.П.* Два кургана VIII–VII веков до н.э. в Семисарте на Алтае // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Вып. 8 / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. С. 43–56.
119. *Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М.* Шестаковские курганы. Кемерово, 1971. 250 с.
120. *Маршак Б.И.* Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М.: Наука, 1971. 156 с.
121. *Масумото Т.* О бронзовых зеркалах, случайно обнаруженных на Алтае // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Вып. 4, Ч. 2 / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1993. С. 248–251.
122. *Матвеева Г.И.* Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Самарский университет, 1997. 226 с.
123. *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел / САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука. 1966. 154 с.
124. *Медведев В.Е.* Культура амурских чжурчженей. Конец X – XI вв. (по материалам грунтовых могильников). Новосибирск: Наука, 1977. 224 с.
125. *Мерперт Н.Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА. Т. XXIII / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 131–168.
126. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 607 с.

127. Могильников В.А. Елыкаевская коллекция Томского университета // СА. 1968. № 1. С. 263–268.
128. Могильников В.А. Исследование Малотобендинских курганов // КСИА. Вып. 120 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1967. С. 84–90.
129. Могильников В.А. Тюрки. Кимаки. Сросткинская культура. Карлуки // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 29–46, 119–135.
130. Могильников В.А. Исследования в Кулунде // АО 1984 года / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1986. С. 194.
131. Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. Т. 17 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987б. С. 163–235.
132. Могильников В.А. Работы в Кулундинской степи // АО 1985 года / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987а. С. 267–268.
133. Могильников В.А. Динамика и направление обменных и этнических контактов лесного населения Зауралья и Западной Сибири во второй половине I – начале II тыс. н. э. // Взаимодействие древних культур Урала / Ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1990а. С. 33–39.
134. Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИ-ИЯЛ, 1990б. С. 137–185.
135. Могильников В.А. Два грунтовых погребения сросткинской культуры на верхнем Алее // Проблемы сохранения, изучения и использования памятников археологии Алтая / Отв. ред. В.Н. Елин. Горно-Алтайск: ГАГПУ. 1992. С. 81–82.
136. Могильников В.А. Находка китайского зеркала в Кулундинской степи // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. 7 / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 158–162.
137. Могильников В.А. Курган 85 Кара-Кобы 1 и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997. С. 187–234.
138. Могильников В.А. Гилево VII, курган 4 – памятник кимаков на Верхнем Алее. // Татарская археология. 2000. № 1–2 (6–7). С. 19–41.
139. Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.
140. Могильников В.А., Неверов С.В., Уманский А.П., Шемякина А.С. Курганы у деревни Грязново // Древняя история Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. государственного ун-та, 1980. С. 106–130.
141. Неверов С.В. Костяные пряжки сросткинской культуры (VIII–X вв. н.э.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: АлтГУ, 1985. С. 192–206.
142. Неверов С.В. Курганы конца I тыс. н.э. могильника Рогозиха-1 // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Вып. 1 / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: АлтГУ, 1990. С. 112–116.
143. Неверов С.В. Удила второй половины I тыс. н.э. Верхнего Приобья (классификация и типология) // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла / Отв. ред. А.П. Уманский. Барнаул: Изд-во БГПИ, 1992. С. 141–154, 234–238.
144. Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VI–XII в. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 129–151.
145. Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сросткинской культуры Шадринце-

во-1 // Археология, антропология и этнография Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: АлтГУ, 1996. С. 163–191.

146. *Нестеров С.П.* Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. С. 168–172.

147. *Нечаева Л.Г.* Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II / Отв. ред. Л.П. Потапов. М.; Л.: Наука, 1966. С. 108–142.

148. *Овчинникова Б.Б.* К вопросу о вооружении кочевников средневековой Тувы (по материалам могильника Аймырлыг) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. С. 132–146.

149. *Овчинникова Б.Б.* Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: УрГУ, 1990. 223 с.

150. *Окладников А.П.* Очерки по истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1937. 417 с.

151. *Плетнева С.А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: АН СССР, 1958. С. 151–226.

152. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с.

153. *Плетнева С.А.* Древности черных клобуков // САИ. Вып. Е1-19. М.: Наука, 1973. 96 с.

154. *Плетнева С.А.* 1981. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 62–75.

155. *Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.

156. *Плотников Ю.А.* Наконечники стрел из могильника Кызыл-Ту // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981б. С. 110–115.

157. *Плотников Ю.А.* Рубящее оружие прииртышских кимаков // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981а. С. 162–167.

158. *Плотников Ю.А.* Скульптурные изображения рыб в памятниках сросткинской культуры // Новые памятники эпохи металла на Среднем Амуре / Отв. ред. Ю.С. Худяков, С.А. Гладышев. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1987. С. 110–120.

159. *Попов А.А.* Плетение и ткачество у народов Сибири // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 16 / Отв. ред. С.П. Толстов. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 41–146.

160. *Потанин Г.Н.* Результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению Императорского Русского географического общества // Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1883. 1052 с.

161. *Потапов Л.П.* Пережитки родового строя у северных алтайцев (по материалам экспедиции в Ойротию в 1936 г.). Л.: Типография Новгородского районного издательства, 1937. 18 с.

162. Производство археологических исследований. Семипалатинская область // ОАК за 1898 г. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1901. С. 59–60.

163. *Радлов В.В.* К вопросу об уйгурах // Записки Императорской академии наук. Т. 72. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. С. 1–130.

164. *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: Наука, 1953. 555 с.

165. *Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: Наука, 1960. 360 с.

166. *Савин А.М., Семенов А.И.* Колчан древнетюркского времени из Монгун-Тайги (МТ-1958-Х-2) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: НГУ, 1990. С. 81–96.
167. *Савинов Д.Г.* Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (X–XII вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1974. 22 с.
168. *Савинов Д.Г.* Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. С. 146–162.
169. *Савинов Д.Г.* Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии / Отв. ред. А.К. Конопацкий, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102–122.
170. *Савинов Д.Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 175 с.
171. *Савинов Д.Г.* Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово: КемГУ, 1994. 261 с.
172. *Савинов Д.Г.* Сросткинский могильник (раскопки М.Н. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 3 / Отв. ред. В.И. Соёнов. Горно-Алтайск: изд-во ГАГУ, 1998. С. 166–181.
173. *Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д.* Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири / Отв. ред. В.М. Массон. Л.: Наука, 1988. С. 83–103.
174. *Сафронов М.И.* Средневековое копье из с. Камышенка Третьяковского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. Вып. XI. С. 231.
175. Случайные находки и приобретения // ОАК за 1896 г. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1898. С. 113–142.
176. *Смирнов А.П.* Волжская Болгария // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 203–212.
177. *Соловьев А.И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.
178. *Стратанович Г.Г.* Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование // Восточноазиатский этнографический сборник. Вып. 2 / ТИЭ. Т. 73 / Отв. ред. Г.Г. Стратанович, Н.Н. Чебоксаров. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 47–78.
179. *Суворова Г.И., Ткачев А.А.* 1995. Кимакские погребения могильника Ахмирово 1 // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово, 1995. С. 253–266.
180. *Телегин А.Н.* Аварийные раскопки курганной группы Барчиха // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин. Барнаул: изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. С. 182–183.
181. *Тишкин А.А.* Некоторые итоги археологических исследований курганов северо-западных предгорий Алтая // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Вып. 2 / Ред. колл. А.П. Уманский, М.А. Дёмин, В.Б. Бородаев. Барнаул: БГПУ, 1991. С. 16–18.
182. *Тишкин А.А.* Курганный могильник Белый камень – новый памятник эпохи средневековья северо-западных предгорий Алтая // Культура народов Евразийских степей в древности / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин. Барнаул: АлтГУ, 1993б. С. 232–246.
183. *Тишкин А.А.* Аварийные археологические раскопки курганного могильника Шепчиха-1 // Культура древних народов Южной Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: АлтГУ, 1993а. С. 90–99.

184. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Курган сроткинской культуры у оз. Яровское // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин. Барнаул: изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. С. 194–198.
185. Тишкин А.А., Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Рубцовский район. Памятники археологии. // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 149–166.
186. Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Этническая и культурная характеристика новых средневековых памятников Верхнего Прииртышья // Сибирские татары. Мат-лы 1-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири (14–18 декабря 1998 г. г. Тобольск) / Отв. ред. А.В. Головнев. Тобольск: ТИАМЗ, 1998. С. 61–64.
187. Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Итоги исследования археологических памятников Усть-Каме-ногорского Микрорайона (1994–1998 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2. С. 136–145.
188. Трифонов Ю.И. О берестяных колчанах Саяно-Алтая VI–X вв. в связи с их новыми находками в Туве // Военное дело древнего населения Северной Азии / Отв. ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1987а. С. 189–199.
189. Трифонов Ю.И. Памятники средневековых кочевников // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 115–246.
190. Трошцкая Т.Н. Красный Яр 1 – памятник позднего железного века // Древние культуры Алтая и Западной Сибири / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1978. С. 99–117.
191. Уманский А.П. Памятники культуры Алтая. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1959. 252 с.
192. Уманский А.П. Археологические памятники у с. Иня // Известия Алтайского отдела Географического общества СССР. Вып. 11 / Отв. ред. Г.И. Панаев. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1970. С. 45–74.
193. Уманский А.П. Три находки кыргызского времени в Алтайском крае // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Вып. 2 / Ред. колл. А.П. Уманский, М.А. Дёмин, В.Б. Бородаев. Барнаул: БГПУ, 1991. С. 128–141.
194. Уманский А.П., Неверов С.В. Находки из погребений IX–X вв. в долине р. Алей на Алтае // СА. 1982. № 2. С. 176–184.
195. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.
196. Флёрова В.Е. Резная кость Юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетей, 2001. 352 с.
197. Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА. 1976. № 2. С. 158–178.
198. Хангалов М.Н. Несколько данных о характеристике быта северных бурят // Этнографическое обозрение. Кн. 10. № 3 / Под ред. Н.А. Янчука. М.: Типография А.А. Левенсона, 1891. С. 144–165.
199. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.
200. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Приалтайских степей в IX–X вв. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1981. С. 115–132.
201. Худяков Ю.С. Раскопки могильников Ах-хол и Ибыргыс-кисте // Археологические открытия 1983 года. / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: Наука, 1985. С. 247–248.
202. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 269 с.

203. Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. С. 190.
204. Худяков Ю.С. Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1993. С. 107–148.
205. Худяков Ю.С., Плотников З.А. Рубяще-колющее оружие кимаков // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 92–107.
206. Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д. Реконструкция комплекса вооружения панцирного воина из памятника Цогт-Хиргист-Хоолой в Гобийском Алтае // Проблемы военной истории народов Востока. Вып. 1 / Отв. ред. А.А. Колесников. М.: Наука, 1988. С. 22–28.
207. Чариков А.А. Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана // СА. 1976. № 4. С. 153–165.
208. Чариков А.А. О локальных особенностях каменных изваяний Прииртышья // СА. 1979. № 2. С. 179–182.
209. Чариков А.А. Каменные скульптуры средневековых кочевников Прииртышья // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-ата: Наука, 1980а. С. 130–140.
210. Чариков А.А. Новая серия каменных статуй из Семиречья // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980в. С. 213–234.
211. Чариков А.А. Группа скульптур из Джамбула // СА. 1980б. № 3. С. 301–308.
212. Чариков А.А. Изобразительные особенности каменных изваяний Казахстана // СА. 1986. № 1. С. 87–102.
213. Чариков А.А. Новые находки средневековых изваяний в Казахстане // СА. 1989. № 3. С. 184–192.
214. Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Смирнов А.П., Мошинская В.И., Чернецов В.Н., Золотарева И.М. Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири / МИА. № 58. М.: АН СССР, 1957. С. 136–245.
215. Черников С.С. Отчёт о работах Восточно-Казахстанской археологической экспедиции 1947 года // Известия АН КазССР, серия археологическая. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1949. Вып. 2. № 67. С. 37–58.
216. Черников С.С. Восточно-Казахстанская экспедиция // КСИИМК. Вып. 37 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М., Л.: АН СССР, 1951. С. 144–150.
217. Черников С.С. Восточно-Казахстанская экспедиция 1950 г. // КСИИМК. Вып. 48 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1952. С. 81–92.
218. Черников С.С. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции // КСИИМК. Вып. 64 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1956. С. 43–60.
219. Черников С.С. К изучению древней истории Восточного Казахстана // КСИИМК. Вып. 69 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1957. С. 12–21.
220. Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1977. 196 с.
221. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 184 с.
222. Fodor I., Révész L., Wolf M., Nepper I.M. The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. Budapest: Hungarian National Museum, 1996.
223. Marquart J. Osteuropaishe und ostasiatische Streifzuges: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). Leipzig: Theodor Weicher. 1903, 557 S.
224. Marquart, J. Über das Volkstum der Komanen. Leipzig, 1914.

225. Marquart J. Skizzen zur geschichtliche Völkerkunde von Mittelasiens und Sibirien // *Ostasiatische Zeitschrift*. Bd. 8. 1920.

226. Minorsky V. *Hudud al-Alam – The Regions of the World*. (A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D.) Compiled in year of 982 and translated by V. Minorsky. London. 1937. 544 p.

227. Minorsky V. The Turkish Dialect of the Khalaj // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*. Vol. 10, No. 2. Published by Cambridge University Press on behalf of School of Oriental and African Studies. 1940, pp. 417–437.

228. Minorsky V. Tamim ibn Baḥr's Journey to the Uyghurs // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1948. Vol. 12, № 2. P. 275–305.

229. Patkanov S. *Die Irtisch-Ostyaken und ihre Volkspoesie*. Spb., 1900. 237 c.

REFERENCES

1. Abdulganeev, M. T., Gorbunov, V. V., Kazakov, A. A. 1995. In Martynov, A. I. (ed.). *Voennoe delo i srednevekovaiia arkheologiiia Tsentral'noi Azii (Warfare and Medieval Archaeology of Central Asia)*. Kemerovo, 243–252 (in Russian).
2. Abramzon, S. M. 1990. *Kirgizy i ikh etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi (Kyrgyz and their ethnogenetic, historical and cultural ties)*. Frunze: “Kyrgyzstan” Publ. (in Russian).
3. Ageeva, E. I., Dzhusupov, A. 1963. In Bekmakhanov, E. B. (ed.). *Uchenye zapiski Kazakhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya ((Scientific Bulletin of the Kazakh State University. Series: History) 54 (12)*. Alma-Ata (in Russian).
4. Ageeva, E. I., Maksimova, A. G. 1959. In Akishev, K. A. (ed.). *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR) 7*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ., 32–58 (in Russian).
5. Adamov, A. A. 2000. *Novosibirskoe Priob'ye v X–XIV vv. (Novosibirsk Ob region in the X–XIV centuries)*. Tobol'sk; Omsk: Omsk State Pedagogical University (in Russian).
6. Alekhin, Yu. P. 1996. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Pamyatniki istorii i kul'tury yugo-zapadnykh rayonov Altayskogo kraia (Historical and cultural sites of the south-western districts of Altai Krai)*. Barnaul: Altai State University Publ., 58–88 (in Russian).
7. Alekhin, Yu. P. 1997. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia (Preservation and Studying of the Cultural Heritage of Altai Krai)*. Barnaul: Altai State University Publ., 133–136 (in Russian).
8. Alekhin, Yu. P. 1998. In Kiryushin, Yu. F., Shamshin, A. B. (eds.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia (Preservation and Studying of the Cultural Heritage of Altai Krai)*. Barnaul: Altai State University Publ., 201–203 (in Russian).
9. Alekhin, Yu. P., Demin, M. A., Ilyushin, A. M. 1992. In Umansky, A. P. (ed.). *Voprosy arkheologii Altaya i Zapadnoy Sibiri epokhi metalla (Issues of the Archaeology of the Altai and Western Siberia in the Metal Age)*. Barnaul: Barnaul State Pedagogical Institute Publ., 135–140 (in Russian).
10. Alekhin, Yu. P., Demin, M. A., Ilyushin, A. M., Suleymenov, M. G. 1991. In Umanskiy, A. P., Demin, M. A., Borodaev, V. B. (eds.). *Okhrana i ispol'zovanie arkheologicheskikh pamiatnikov Altaya (Protection and Use of the Archaeological Sites in Altay)*. Barnaul: Altai State University Publ., 18–23 (in Russian).
11. Al'baum, L. I. 1975. *Zhivopis' Afrasiaba (Painting of Afrasiab)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).
12. Aristov, N. A. 1896. In *Zhivaia starina (Living Antiquity) 3–4*. Saint Petersburg: Department of Ethnography of the Imperial Russian Geographical Society, 277–456 (in Russian).
13. Armstrong, I. A. 1861. In *Izvestiya imperatorskogo arkheologicheskogo obshchestva (Reports of the Imperial Archaeological Society) 2*. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 202–206 (in Russian).
14. Arslanova, F. Kh. 1963. In *Izvestiia Akademii Nauk Kazakhskoi SSR (Bulletin of the Academy of Sciences of Kazakh SSR) (4)*. Alma-Ata: Academy of Sciences of Kazakh SSR Publ., 68–80 (in Russian).

15. Arslanova, F. Kh. 1963. In *Sbornik Ministerstva vysshego i srednego spetsial'nogo obrazovaniia KazSSR. Istoriia, filosofii, ekonomika (Collection of the Ministry of Higher and Secondary Special Education of the Kazakh SSR. History, Philosophy, Economics)*. Almaty, 278–302 (in Russian).
16. Arslanova, F. Kh. 1968. In Kadyrbaev, M. K. (ed.). *Novoe v arkheologii Kazakhstana (Recent studies in the Archaeology of Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 98–111 (in Russian).
17. Arslanova, F. Kh. 1969. In Akishev, K. A. (ed.). *Kul'tura drevnikh skotovodov i zemledel'tsev Kazakhstana (Culture of ancient pastoralists and farmers of Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 43–57 (in Russian).
18. Arslanova, F. Kh. 1972. In Akishev, K. A. (ed.). *Poiski i raskopki v Kazakhstane (Searches and Excavations in Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 56–76 (in Russian).
19. Arslanova, F. Kh. 1980. In Pletneva, S. A. (ed.). *Srednevekovie drevnosti evraziiskix stepei. (Medieval antiquities of the Eurasian steppes)*. Moscow: "Nauka" Publ., 79–104 (in Russian).
20. Arslanova, F. Kh. 1981. In Pletneva, L. M. (ed.). *Metodologicheskie aspekty arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy v Zapadnoy Sibiri (Methodological aspects of archaeological and ethnographic research in Western Siberia)*. Tomsk: Tomsk State University, 48–49 (in Russian).
21. Arslanova, F. Kh. 1984. In Chindina, L. A. (ed.). *Zapadnaya Sibir' v epokhu srednevekov'ya (Western Siberia during the Middle Ages)*. Tomsk: Tomsk State University Publ., 119–128 (in Russian).
22. Arslanova, F. Kh. 1985. In Ubryatova, E. I. (ed.). *Uralo-Altaiatika. Arkheologiya, etnografiya, yazyk (Ural-Altai Studies. Archaeology, Ethnography and Language)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 63–69 (in Russian).
23. Arslanova, F. Kh. 1987. In Matyushchenko, V. I. (ed.). *Istochniki po istorii Zapadnoy Sibiri. Istoriya i arkheologiya (Sources on the history of Western Siberia. History and Archaeology)*. Omsk: Omsk State University Publ., 50–69 (in Russian).
24. Arslanova, F. Kh. 1989. In Baipakov, K. M. (ed.). *Margulanovskie chteniya (Margulan Readings)*. Alma-Ata: A.Kh. Margulan Archaeology Institute, 156–160 (in Russian).
25. Arslanova, F. Kh. 1998. In Samashev, Z. (ed.). *Voprosy arkheologii Kazakhstana (Issues of the Archaeology of Kazakhstan) 2*. Almaty; Moscow: "Gylym" Publ., 171–175 (in Russian).
26. Arslanova, F. Kh., Klyashtornyy, S. G. 1973. In Kononov, A. N. (ed.). *Tyurkologicheskii sbornik 1972: (Collected Papers on Turkic Studies 1972)*. Moscow: "Nauka" Publ., 306–315 (in Russian).
27. Arslanova, F. Kh., Samashev, Z. S. 1984. In Matyushchenko, V. I., Tomilov, N. A. (eds.). *Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy (Ethnic history of the Turkic-speaking peoples of Siberia and related territories)*. Omsk: Omsk State University Publ., 161–166 (in Russian).
28. Arslanova, F. Kh., Charikov, A. A. 1974. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 220–235 (in Russian).
29. In Ageeva, E. I., Akishev, K. A. (eds.). 1960. *Arkheologicheskaya karta Kazakhstana (Archaeological Map of the Kazakhstan)*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ. (in Russian).
30. Akhinzhanov, S. M. 1983. In Khudyakov, Yu. S. (ed.). *Arkheologiya epokhi kamnya i metalla Sibiri (Archaeology of the Stone and Metal Age of Siberia)*. Novosibirsk: "IIFP" Publ., 106–122 (in Russian).
31. Akhinzhanov, S. M. 1989. *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana (Kipchaks in the history of medieval Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Gylym" Publ. (in Russian).
32. Bagautdinov, R. S., Bogachev, A. V., Zubov, S. E. 1998. *Prabolgary na Srednei Volge. U istokov istorii tatar Volgo-Kam'ia (The Pra-Bolgars in the Middle Volga Region. At the Origins of Tatar His-*

tory). Samara: "SamVen" Publ. (in Russian).

33. Derevyanko, E. I. (ed.). 1988. *Baraba v tyurkskoe vremya (Baraba in the Turkic period)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

34. Bartol'd V.V. 1897. *Otchet o poezdke v Srednyuyu Aziyu s nauchnoy tsel'yu. 1893–1894 gg. (A report on a trip to Central Asia for a scientific purpose. 1893–1894)*. In *Zapiski Imperatorskoi Akademii nauk (Notes of the Imperial Academy of Sciences)* I (4). Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ. (in Russian).

35. Bartol'd, V. V. 1930. In *Khudud al-'alem: rukopis' Tumanskogo (Hudud al-'alem: the manuscript of Tumansky)*. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1–32 (in Russian).

36. Bartol'd, V. V. 1968. In *Sochineniia (Compositions)* 5. Moscow: "Nauka" Publ., 549 (in Russian).

37. Bartol'd, V. V. 1968. In *Sochineniia (Compositions)* 5. Moscow: "Nauka" Publ., 392–408 (in Russian).

38. Grinevich, K. E. (ed.). 1947. *Basandayka. Sbornik materialov i issledovaniy po arkheologii Tomskoi oblasti (Basandayka. Collection of Materials and Studies on the Archaeology of the Tomsk Region)*. Series: Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Tomsk State University) 98. Tomsk: Tomsk State University Publ. (in Russian).

39. Belikova, O. B. 1996. *Srednee Prichulye v X–XIII vv. (Middle Chulym River Area in the 10th–13th cc.)* Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ. (in Russian).

40. Bichurin, N. Ya. 1950. *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena (The collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times)* 1. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

41. Bogachev, A. V. 1998. *Kochevniki lesostepnogo Povolzh'ia V–VIII vv. (Nomads of the Forest-Steppe Volga Region in the 5th–8th cc.)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

42. Borodkin, Yu. M. 1977. In Martynov, A. I. (ed.). *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri (Archaeology of South Siberia)* 9. Kemerovo: Kemerovo State University, 139–147 (in Russian).

43. Vainshtein, S. I. 1966. In Potapov, L. P. (ed.). *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Tuva Integrated Archaeological and Ethnographic Expedition)* 2. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ., 292–347 (in Russian).

44. Vinnikov, A. Z., Pletneva, S. A. 1998. *Na severnykh rubezhakh khazarского kaganata. Maiatskoe poselenie (On the Northern Borders of Khazar Kaganate. Mayatskoe Settlement)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

45. Vostrov, V. V., Zakharova, I. B. 1989. *Kazakhskoe narodnoe zhilishche (Kazakh national dwelling)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

46. Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen (Kudyrge Burial Mound as Source on the History of Altai Tribes)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

47. Gening, V. F., Ovchinnikova, B. B. 1969. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 8. Sverdlovsk, 128–137 (in Russian).

48. Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (Early Bolgars on the Volga River (Bolshie-Tarkhany Burial Ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

49. Goldina R.D., Vodolago N.V. 1990. *Mogil'niki nevolinskoy kul'tury v Priural'e (Burial Grounds of the Nevolino Culture in the Cis-Urals)*. Irkutsk: Irkutsk University Publ. (in Russian)

50. Gorbunov, V. V. 1993. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Kul'tura drevnikh narodov Yuzhnoy Sibiri (Culture of the ancient peoples of South Siberia)*. Barnaul: Altai State University Publ., 80–90 (in Russian).

51. Gorbunov, V. V. 2003. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Chast' I: Oboronitel'noe vooruzhenie (dospek) (Military Science of Altay Population in III–XIV Centuries. Part I. Defensive armature (armour))*. Barnaul: State University (in Russian).
52. Gorbunov, V. V., Sitnikov, S. M. 2000. In Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 11. Barnaul: Altai State University Publ., 226–230 (in Russian).
53. Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. 1998. In Kiryushin, Yu. F., Shamshin, A. B. (eds.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 9. Barnaul: Altai State University Publ., 190–194 (in Russian).
54. Grach, A. D. 1958. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (4), 18–34 (in Russian).
55. Grach, A. D. 1961. *Drevnetiurkskie izvaiianiia Tuvy (Ancient Turkic Statues of Tuva)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
56. Grach, A. D., Savinov, D. G., Dluzhnevskaya, G. V. 1998. *Eniseiskie kyrgyzy v tsentre Tuvy (Eilig-Khem III kak istochnik po srednevekovoi istorii Tuvy (The Yenisei Kyrgyz in the center of Tuva (Eilig-Khem III as a Source on the Medieval History of Tuva))*. Moscow: "Fundamenta-Press" Publ. (in Russian).
57. Grigorov, E. V. 1998. In Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (ed.). *Snaryazhenie verhovogo konya na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekov'e (Equipment of a Saddle Horse from the Altai in the Early Iron Age and the Middle Ages)*. Barnaul: Altai State University Publ., 152–158 (in Russian).
58. Grigor'ev, V. V. 1872. *Ob arabskom puteshestvennike X v. Abu-Dolefe i stranstvovanii ego po sredney Azii (About the Arab traveler of the 10th century Abu Dolef and his wandering in Central Asia)*. Saint Petersburg: "Tipografiya V.S. Balasheva" (in Russian).
59. Grigor'ev, V. V. 1875. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (Journal of the Ministry of Public Education)*. CLXXVIII (3, March). Saint Petersburg: "Tipografiya S.V. Bolashova", 1–27 (in Russian).
60. Gryaznov, M. P. 1930. *Drevnie kul'tury Altaya (Ancient Cultures of the Altai)*. Novosibirsk: "Sovetskaya Sibir" Publ. (in Russian).
61. Gryaznov, M. P. 1940. In *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum)* 1, 17–21 (in Russian).
62. Gryaznov, M. P. 1947. In *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury (Brief communications from the Institute for the History of Material Culture)* XVIII. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 9–17 (in Russian).
63. Gryaznov, M. P. 1956. *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka (History of Ancient Tribes from the Upper Ob on the Basis of Excavations near Bolshaya Rechka)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 48. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
64. Gryaznov, M. P. 1961. In Artamonov, M. I. (ed.). *Epokha bronzy i rannego zheleza Sibiri i Sredney Azii (Bronze and Early Iron ages in Siberia and Central Asia)*. Series: Arkheologicheskii sbornik gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Collection of Papers the State Hermitage Museum) 3. Leningrad: The State Hermitage Museum, 7–31 (in Russian).
65. Dmitrieva, E. N., Levashova, V. P. 1965. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 225–236 (in Russian).
66. Evtukhova, L. A. 1948. *Arkheologicheskie pamyatniki eniseyskikh kyrgyzov (khakasov) (Archaeological Sites of the Yenisei Kyrgyz (Khakas))*. Abakan: "Khakas Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).
67. Evtukhova, L. A. 1952. In Kiselev, S. V. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Sibiri (Materials and Research on the Archaeology of Siberia)* I. Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 24. Moscow: Academy of

Sciences of the USSR, 72–120 (in Russian).

68. Evtyukhova, L. A. 1957. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 206–227 (in Russian).

69. Evtyukhova, L. A., Kiselev, S. V. 1941. In Eding, D. N. (ed.). *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum)* 16. Moscow: State Historical Museum, 75–117 (in Russian).

70. El'kin, M. G. 1970. In Martynov, A. I. (ed.). *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy (Proceedings of the Laboratory of Archaeological Research)* 2. Kemerovo: "Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 81–92 (in Russian).

71. El'kin, M. G. 1974. In Martynov, A. I. (ed.). *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy (Proceedings of the Laboratory of Archaeological Research)* 5. Kemerovo: "Poligrafkombinat" Publ., 119–129 (in Russian).

72. Zholdasbaev, S. 1976. In Akishev, K. A. (ed.). *Proshloe Kazakhstana po arkheologicheskim istochnikam (The Past of Kazakhstan based on Archaeological Sources)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 46–58 (in Russian).

73. Zholdasbaev, S. 1978. In Akishev, K. A. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki Kazakhstana (Archaeological Sites of Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 203–212 (in Russian).

74. Zakharova, I. V., Khodzhaeva, R. D. 1964. *Kazakhskaya natsional'naya odezhda (XIX – nachalo XX v.) (Kazakh National Dress of 19th – Early 20th Centuries)*. Alma-Ata (in Russian).

75. Ivanov, V. A. 1987. In Medvedev, V. E., Hudyakov, Yu.S. (eds.). *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii (Warfare of the ancient population of the North Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 172–189 (in Russian).

76. Ivanov, S. V. 1955. In Tolstov, S. P. (ed.). *Sbornik Muzeya Antropologii i Etnografii. T. XVI (Anthropology and Ethnography Museum Collection) XVI*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 165–264 (in Russian).

77. Ivanov, S. V. 1970. *Skul'ptura narodov Severa Sibiri XIX – pervoy poloviny XX v. (Sculpture of the peoples of the North of Siberia of the XIX – first half of the XX century)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

78. Ivanov, S. V. 1979. *Skul'ptura altaytsev, khakasov i sibirskikh tatar (XVIII – pervaya chetvert' XX v.) (Sculpture of Altaians, Khakass and Siberian Tatars (XVIII – first quarter of XX century))*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

79. Ilyushin, A. M. 1993. *Kurgany srednevekovykh kochevnikov doliny reki Bachat (Mounds of medieval nomads of the Bachat River valley)*. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ. (in Russian).

80. Kazakov, E. P. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoiazychnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnogenesis of the Turkic-speaking People of the Middle Volga Region)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Tatarii (Archaeology and Ethnography of Tataria) 1. Kazan: "Tatpoligraf" Publ., 94–155 (in Russian).

81. Kibirov, A. K. 1957. In Levin, M. G. (ed.). *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii (Concise Bulletins of the Institute of Ethnography)* 26. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 81–88 (in Russian).

82. Kirpichnikov, A. N. 1965. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 85–97 (in Russian).

83. Kirpichnikov, A. N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Weapons)* 1. *Mechi i sabli IX-XIII vv. (Swords and Sabers of 9th–13th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

84. Kiryushin, Yu. F., Gorbunov, V. V. 1998. In Kiryushin, Yu. F., Shamshin, A. B. (eds.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 9. Barnaul: Altai State University Publ., 198–200 (in Russian).

85. Kiryushin, Yu. F., Gorbunov, V. V., Stepanova, N. F., Tishkin, A. A. 1998. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Altaya. Izvestiia laboratorii arkheologii (Antiquities of the Altai. Bulletin of the Laboratory of Archaeology)* 3. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University Publ., 165–174 (in Russian).
86. Kiryushin, Yu. F., Neverov, S. V. 1991. In Umanskiy, A. P., Demin, M. A., Borodaev, V. B. (eds.). *Okhrana i ispol'zovanie arkheologicheskikh pamiatnikov Altaya (Protection and Use of the Archaeological Sites in Altay)*. Barnaul: Altay State University Publ., 137–141 (in Russian).
87. Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A. 1997. *Skifskaya epoha Gornogo Altaya. Ch. I: Kul'tura naseleniya v ranneskifskoe vremya (The Scythian epoch of the Altai Mountains. Part I: Culture of the population in the Early Scythian time)*. Barnaul: Altai State University Publ. (in Russian).
88. Kiryushin, Yu. F., Shul'ga, P. I. 2001. In Nikitina, L. A. (ed.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 12. Barnaul: "Azбука" Publ., 168–171 (in Russian).
89. Kiselev, S. V. 1951. *Drevniaia istoriia Iuzhnoy Sibiri (Ancient history of Southern Siberia)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
90. Klements, D. A. 1886. *Drevnosti Minusinskogo muzeya. Pamyatniki metallicheskih epokh (Antiquities of the Minusinsk Museum. Monuments of the metal ages)*. Tomsk: "Izдание Innokentiya Kuznetsova" (in Russian).
91. Kovychev, E. V. 1981. In Konovalov, P. B. (ed.). *Novoe v arkheologii Zabaikal'ia (Recent Information on the Archaeology of trans-Baikal Region)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 73–79 (in Russian).
92. Komarova, M. N. 1952. In Kiselev, S. V. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Sibiri (Materials and Research on the Archaeology of Siberia)* I. Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 24. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 7–50 (in Russian).
93. Konikov, B. A. 1987. In Medvedev, V. E., Khudyakov, Yu. S. (eds.). *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii (Military Arts of the Ancient Population of Northern Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 163–171 (in Russian).
94. Konovalov, P. B. 1976. *Khunnu v Zabaykal'e (Pogrebal'nye pamyatniki) (Xiongnu of Transbaikalia (Burial sites))*. Ulan-Ude: "Buryat. kn. izd-vo" Publ. (in Russian).
95. Korzukhina, G. F. 1950. In Artamonov, M. I. (ed.). *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 13. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 63–94 (in Russian).
96. Kriger, V. A. 1993. In Kovalevskaya, V. B. (ed.). *Novoe v srednevekovoi arkheologii Evrazii (New Research in the Medieval Archaeology of Eurasia)*. Samara: "Artefakt" Publ., 137–140 (in Russian).
97. Kubarev, V. D. 1984. *Drevneturkskie izvaianiia Altaya (Ancient Turkic Statues of Altai)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
98. Kubarev, G. V. 1998. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Altaya. Izvestiia laboratorii arkheologii (Antiquities of the Altai. Bulletin of the Laboratory of Archaeology)* 3. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University Publ., 190–197 (in Russian).
99. Kumekov, B. E. 1972. *Gosudarstvo kimakov IX–XI vv. po arabskim istochnikam (The State of the Kimaks in the 9th – 11th Centuries According to Arabic Sources)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
100. Kyzlasov, I. L. 1977. In Martynov, A. I. (ed.). *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri (Archaeology of South Siberia)* 9. Kemerovo: Kemerovo State University, 87–104 (in Russian).
101. Kyzlasov, I. L. 1983. *Askizskaya kul'tura Yuzhnoy Sibiri X–XIV vv. (Askizskaya Culture of South Siberia in the 10th–14th cc.)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E3-18. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
102. Kyzlasov, I. L. 1986. In Surazakov, A. S. (ed.). *Materialy po arkheologii Gornogo Altaya*

(*Materials on the Archaeology of Gorny Altai*). Gorno-Altai: Gorno-Altai History, Arts, Language and Literature Scientific and Research Institute, 100–129 (in Russian).

103. Kyzlasov, L. R. 1960. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 93–120 (in Russian).

104. Kyzlasov, L. R. 1969. *Istoriya Tuvy v srednie veka (The history of Tuva in the Middle Ages)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

105. Kyzlasov, L. R. 1978. In *Vestnik MGU. Ser. Istorii (Bulletin of Moscow University. Series History)* 6, 38–56 (in Russian).

106. Kyzlasov, L. R. 1979. *Drevnyaya Tuva (ot paleolita do IX v.) (Ancient Tuva (from the Paleolithic to the IX century))*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

107. Kyzlasov, L. R. 1979. In *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR (Proceedings of the Siberian Branch of the Ussr Academy of Sciences)* 1, 105–112 (in Russian).

108. Kyzlasov, L. R. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: “Nauka” Publ., 46–52 (in Russian).

109. Kyzlasov, L. R., Korol', G. G. 1990. *Dekorativnoe iskusstvo srednevekovykh khakasov, kak istoricheskiy istochnik (Decorative art of the medieval Khakas as a historical source)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

110. Levashova, V. P. 1939. *Iz dalekogo proshlogo yuzhnoy chasti Krasnoyarskogo kraya (From the Distant Past of the Southern Areas of Krasnoyarsk Krai)*. Krasnoyarsk: “Krasnoyarskoe kraevoe gosudarstvennoe izdatel'stvo” (in Russian).

111. Levashova, V. P. 1952. In Kiselev, S. V. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Sibiri (Materials and Research on the Archaeology of Siberia)* I. Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 24. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 121–136 (in Russian).

112. Litvinskii, B. A. 1965. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 75–91 (in Russian).

113. Lubo-Lesnichenko, E. I. 1975. *Privoznye zerkala Minusinskoy kotloviny. K voprosu o vneshnikh svyazyakh drevnego naseleniya Yuzhnoy Sibiri (Imported Mirrors of the Minusinsk Basin. The Issue of External Relations of the Ancient Population of South Siberia)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

114. Mazhitov, N. A. 1981. *Kurgany Iuzhnogo Urala VIII–XII vv. (Barrows of the Southern Urals, 8th – 12th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

115. Mazhitov, N. A. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: “Nauka” Publ., 23–28 (in Russian).

116. Margulan, A. Kh. 1951. In *Izvestiya Akademii Nauk Kazakhskoy SSR. Seriya arkheologicheskaya (Bulletin of the Academy of Sciences of Kazakh SSR. Archaeological series)* 108 (3). Alma-Ata: Academy of Sciences of Kazakh SSR Publ., 3–52 (in Russian).

117. Margulan, A. Kh. 1973. In Akishev, K. A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Kazakhstane (Archaeological Studies in Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 3–42 (in Russian).

118. Marsadolov, L. S., Pogozheva, A. P. 2002. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii (Antiquities of the Altai. Bulletin of the Laboratory of Archaeology)* 8. Gorno-Altai: Gorno-Altai State University Publ., 43–56 (in Russian).

119. Martynov, A. I., Martynova, G. S., Kulemzin, A. M. 1971. *Shestakovskie kurgany (Shestakov Barrows)*. Kemerovo (in Russian).

120. Marshak, B. I. 1971. *Sogdiiskoe srebro. Ocherki po vostochnoi torevtike (Sogdian Silver. Essays on Oriental Toreutics)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

121. Masumoto, T. 1993. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Okhrana i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya (Protection and study of Altai cultural heritage)* 4 (2). Barnaul: Altai State University Publ., 248–251 (in Russian).
122. Matveeva, G. I. 1997. *Mogil'nik rannikh bolgar na Samarskoy Luke (Burial Ground of the Early Bulgars on Samara Bend)*. Samara: "Samarskiy universitet" Publ. (in Russian).
123. Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII–XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th–14th Centuries)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
124. Medvedev, V. E. 1977. *Kul'tura amurskikh chzhurchzheney. Konets Kh–KhI vek (po materialam gruntovykh mogil'nikov) (Culture of the Amur Jurchens. The end of the X–XI century (based on the materials of underground burial grounds))*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
125. Merpert, N. Ya. 1955. In Rybakov, B. A. (ed.). *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (23). Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 131–168 (in Russian).
126. Miller, G. F. 1937. *Istoriya Sibiri (History of Siberia)*. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
127. Mogil'nikov, V. A. 1968. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 263–268 (in Russian).
128. Mogil'nikov, V. A. 1969. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 120. Moscow: "Nauka" Publ., 84–90 (in Russian).
129. Mogil'nikov, V. A. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 29–46, 119–135 (in Russian).
130. Mogil'nikov, V. A. 1986. In Shilov, V. P. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1984 g. (Archaeological discoveries 1984)*. Moscow: "Nauka" Publ., 194 (in Russian).
131. Mogil'nikov, V. A. 1987. In Sedov, V. V. (ed.). *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ia (The Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR, 17. Moscow: "Nauka" Publ., 163–235 (in Russian).
132. Mogil'nikov, V. A. 1987. In Shilov, V. P. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1985 goda (Archaeological Discoveries of 1985)*. Moscow: "Nauka" Publ., 187 (in Russian).
133. Mogil'nikov, V. A. 1990. In Oborin, V. A. (ed.). *Vzaimodeystvie drevnikh kul'tur Urala (The interaction of ancient cultures of the Urals)*. Perm: Perm State University, 33–39 (in Russian).
134. Mogil'nikov, V. A. 1990. In Surazakov, A. S. (ed.). *Problemy izucheniya drevney i srednevekovoy istorii Gornogo Altaya (Issues of studying the ancient and medieval history of the Gornyi Altai)*. Gorno-Altaysk: "GANIIIYaL", 137–185 (in Russian).
135. Mogil'nikov, V. A. 1992. In Elin, V. N. (ed.). *Problemy sokhraneniya, izucheniya i ispol'zovaniya pamyatnikov arkheologii Altaya (Problems of preservation, study and use of Altai archaeological sites)*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University Publ., 81–82 (in Russian).
136. Mogil'nikov, V. A. 1996. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraia (Preservation and Studying of the Cultural Heritage of Altai Krai)*. Barnaul: Altai State University Publ., 158–162 (in Russian).
137. Mogil'nikov, V. A. 1997. In Surazakov, A. S. (ed.). *Istochniki po istorii Respubliki Altay (Sources on the history of the Altai Republic)*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altai Institute of Humanitarian Studies, 187–234 (in Russian).
138. Mogil'nikov, V. A. 2000. In *Tatarskaya arkheologiya (Tatar Archaeology)* 1–2 (6–7), 19–41 (in Russian).
139. Mogilnikov, V. A. 2002. *Kochevniki severo-zapadnykh predgorii Altaia v IX–XI vekakh (Nomads of the North-Western Foothills of Altai in the 9th–11th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Russian).

140. Mogil'nikov, V. A., Neverov, S. V., Umanskiy, A. P., Shemyakina, A. S. 1980. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Drevnyaya istoriya Altaya (The ancient history of Altai)*. Barnaul: Altai State University Publ., 106–130 (in Russian).

141. Neverov, C. V. 1985. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Altay v epokhu kamnya i rannego metalla (Altai in the Stone and Early Metal Ages)*. Barnaul: Altai State University Publ., 192–206 (in Russian).

142. Neverov, C. V. 1990. In Kiriushin, Yu. F. (ed.). *Okhrana i ispol'zovanie arkheologicheskikh pamiatnikov Altaya (Protection and Use of the Archaeological Sites in Altay)*. Barnaul: Altay State University Publ., 112–116 (in Russian).

143. Neverov, C. V. 1992. In Umansky, A. P. (ed.). *Voprosy arkheologii Altaya i Zapadnoy Sibiri epokhi metalla (Issues of the Archaeology of the Altai and Western Siberia in the Metal Age)*. Barnaul: Barnaul State Pedagogical Institute Publ., 141–154, 234–238 (in Russian).

144. Neverov, S. V. 1998. In Kiriushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (ed.). *Snaryazhenie verhovogo konya na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekov'e (Equipment of a Saddle Horse from the Altai in the Early Iron Age and the Middle Ages)*. Barnaul: Altai State University Publ., 129–151 (in Russian).

145. Neverov, S. V., Gorbunov, V. V. 1996. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Arkheologiya, antropologiya i etnografiya Sibiri (Archaeology, Anthropology and Ethnography of Siberia)*. Barnaul: Altai State University Publ., 163–191 (in Russian).

146. Nesterov, S. P. 1981. In Khudyakov, Yu.S. (ed.). *Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noy Azii (Military Art of the Ancient Tribes of Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 168–172 (in Russian).

147. Nechaeva, L. G. 1966. In Potapov, L. P. (ed.). *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Tuva Integrated Archaeological and Ethnographic Expedition) 2*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ., 108–142 (in Russian).

148. Ovchinnikova, B. B. 1981. In Khudyakov, Yu.S. (ed.). *Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noy Azii (Military Art of the Ancient Tribes of Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 132–146 (in Russian).

149. Ovchinnikova, B. B. 1990. *Tiurkskie drevnosti Saiano-Altaya v VI–X vv. (Turkic Antiquities of the Sayano-Altai in the 6th–10th centuries)*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).

150. Okladnikov, A. P. 1937. *Ocherki iz istorii zapadnykh buryat-mongolov (XVII–XVIII vv.) (Essays from the history of the Western Buryat-Mongols (17th–18th centuries))*. Leningrad: "Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

151. Pletneva, S. A. 1958. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 62*. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 151–226 (in Russian).

152. Pletneva, S. A. 1967. *Ot kochevii k gorodam. Saltovo-maiatskaia kul'tura (From Camps to Towns. Saltovo-Mayaki Culture)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Proceedings and Research in the USSR Archaeology) 142. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

153. Pletneva, S. A. 1973. *Drevnosti chernykh klobukov (Antiquities of the Chornye Klobuks)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-19. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

154. Pletneva, S. A. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 62–75 (in Russian).

155. Pletneva, S. A. 1989. *Na slaviano-khazar'skom pogranich'e. Dmitrievskii arkheologicheskii kompleks (In the Slavic-Khazar Borderlands. Dmitriev Archaeological Complex)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

156. Plotnikov, Yu. A. 1981. In Khudyakov, Yu.S. (ed.). *Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noy Azii (Military Art of the Ancient Tribes of Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 110–115 (in Russian).
157. Plotnikov, Yu. A. 1981. In Khudyakov, Yu.S. (ed.). *Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noy Azii (Military Art of the Ancient Tribes of Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 162–167 (in Russian).
158. Plotnikov, Yu. A. 1987. In Khudyakov, Yu. S., Gladyshev, S. A. (eds.). *Novye pamyatniki epokhi metalla na Srednem Amure (New monuments of the metal age on the Middle Amur)*. Novosibirsk: "IIFiF SO AN SSSR" Publ., 110–120 (in Russian).
159. Popov, A. A. 1955. In Tolstov, S. P. (ed.). *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii RAN (Bulletin of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences)* 16. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 41–146 (in Russian).
160. Potanin, G. N. 1833. *Rezul'taty puteshestviya, ispolnennogo v 1879 godu po porucheniyu Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva (The results of a trip performed in 1879 on behalf of the Imperial Russian Geographical Society)*. Series: *Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii (Essays on Northwestern Mongolia)* IV. Saint Petersburg: "Tipografiya V. Kirshbauma" (in Russian).
161. Potapov, L. P. 1937. *Perezhitki rodovogo stroya u severnykh altaytsev (po materialam ekspeditsii v Oirotiyu v 1936 g.) (Remnants of the tribal system among the northern Altaians (based on the materials of the expedition to Oirotia in 1936))*. Leningrad: "Tipografiya Novgorodskogo rayonnogo Izdatel'stva" (in Russian).
162. 1901. In *Otchety Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1898 g. (Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1898)*. Saint Petersburg: "Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov" Publ., 59–60 (in Russian).
163. Radlov, V. V. 1893. In *Zapiski Imperatorskoy Akademii nauk (Notes of the Imperial Academy of Sciences)* 72. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1–130 (in Russian).
164. Rudenko, S. I. 1953. *Kul'tura naseleniia Gornogo Altaya v skifskoe vremia (Culture of the Population of Mountain Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
165. Rudenko, S. I. 1960. *Kul'tura naseleniia Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremia (Culture of the Population of Gorny Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
166. Savin, A. M., Semenov, A. I. 1990. In Khudyakov, Yu. S. (ed.). *Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naseleniia Severnoi i Tsentral'noi Azii (Military Art of the Ancient and Medieval Population of Northern and Central Asia)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 81–96 (in Russian).
167. Savinov, D. G. 1974. *Kul'tura naseleniya Yuzhnoy Sibiri predmongol'skogo vremeni (X–XII vv.)*. PhD Thesis. Leningrad (in Russian).
168. Savinov, D. G. 1981. In Khudyakov, Yu.S. (ed.). *Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noy Azii (Military Art of the Ancient Tribes of Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 146–162 (in Russian).
169. Savinov, D. G. 1982. In Konopatskiy, A. K., Khudyakov, Yu. S. (eds.). *Arkheologiya Severnoi Azii (Archaeology of Northern Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 102–122 (in Russian).
170. Savinov, D. G. 1984. *Narody Yuzhnoi Sibiri v drevnetyurkskuyu epokhu (Peoples of Southern Siberia in the Ancient Turkic Period)*. Leningrad: LSU Publ. (in Russian).
171. Savinov, D. G. 1994. *Gosudarstva i kul'turogenез na territorii Yuzhnoy Sibiri v epokhu rannego srednevekov'ya (States and cultural genesis in the territory of Southern Siberia in the Early Middle Ages)*. Kemerovo: Kemerovo State University (in Russian).
172. Savinov, D. G. 1998. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Altaya. Izvestiia laboratorii arkheologii (Antiquities of the Altai. Bulletin of the Laboratory of Archaeology)* 3. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University Publ., 166–181 (in Russian).

173. Savinov, D. G., Pavlov, P. G., Paul's, E. D. 1988. In Masson, V. M. (ed.). *Pamyatniki arkheologii v zonakh melioratsii Yuzhnoy Sibiri (Archaeological sites in the reclamation zones of Southern Siberia)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 83–103 (in Russian).
174. Safronov, M. I. 2000. In Kiriushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai)* 11. Barnaul: Altai State University Publ., 231 (in Russian).
175. 1898. In *Otchety Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1896 g. (Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1896)*. Saint Petersburg: "Tipografiia Glavnogo Upravleniia Udelov" Publ., 113–142 (in Russian).
176. Smirnov, A. P. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR. Moscow: "Nauka" Publ., 203–212 (in Russian).
177. Solov'ev, A. I. 1987. *Voennoe delo korennoy naseleniya Zapadnoy Sibiri. Epokha srednevekov'ya (Military Arts of the Indigenous Population of Western Siberia. The Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
178. Stratanovich, G. G. 1961. In Stratonovich, G. G., Cheboksarov, N. N. (eds.). *Vostochnoaziatskiy etnograficheskiy sbornik (East Asian Ethnographic Collection)* 2. Series: Trudy Instituta etnografii (Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences) 73. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 47–78 (in Russian).
179. Suvorova, G. I., Tkachev, A. A. 1995. In Martynov, A. I. (ed.). *Voennoe delo i srednevekovaya arkheologiya Tsentral'noi Azii (Warfare and Medieval Archaeology of Central Asia)*. Kemerovo, 253–266 (in Russian).
180. Telegin, A. N. 1998. In Kiryushin, Yu. F., Shamshin, A. B. (eds.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 9. Barnaul: Altai State University Publ., 182–183 (in Russian).
181. Tishkin, A. A. 1991. In Umanskiy, A. P., Demin, M. A., Borodaev, V. B. (eds.). *Okhrana i issledovaniya arkheologicheskikh pamyatnikov Altaya (Protection and research of Altai archaeological sites)* 2. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University Publ., 16–18 (in Russian).
182. Tishkin, A. A. 1993. In Kiryushin, Yu. F., Shamshin, A. B. (eds.). *Kul'tury drevnikh narodov Yuzhnoy Sibiri (The culture of the peoples of the Eurasian steppes in ancient times)*. Barnaul: Altai State University, 232–246 (in Russian).
183. Tishkin, A. A. 1993. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Kul'tura drevnikh narodov Yuzhnoy Sibiri (Culture of the ancient peoples of South Siberia)*. Barnaul: Altai State University Publ., 90–99 (in Russian).
184. Tishkin, A. A., Gorbunov, V. V. 1998. In Kiryushin, Yu. F., Shamshin, A. B. (eds.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 9. Barnaul: Altai State University Publ., 194–198 (in Russian).
185. Tishkin, A. A., Kiryushin, Yu. F., Kazakov, A. A. 1996. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Pamyatniki istorii i kul'tury yugo-zapadnykh rayonov Altaiskogo kraia (Historical and cultural sites of the south-western districts of Altai Krai)*. Barnaul: Altai State University Publ., 149–166 (in Russian).
186. Tkachev, A. A., Tkacheva, N. A. 1998. In Golovnev, A. V. (ed.). *Sibirskie tatary. Mat-ly I-go Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoy Sibiri (14–18 dekabrya 1998 g. g. Tobol'sk) (Siberian Tatars. Materials of the 1st Siberian Symposium "Cultural Heritage of the peoples of Western Siberia (December 14–18, 1998, Tobolsk))*. Tobol'sk: Tobolsk State Historical and Architectural Museum Publ., 61–64 (in Russian).
187. Tkachev, A. A., Tkacheva, N. A. 1999. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* (2), 136–145 (in Russian).
188. Trifonov, Yu. I. 1987. In Medvedev, V. E., Hudyakov, Yu.S. (eds.). *Voennoe delo drevne-*

go naseleniya Severnoy Azii (Warfare of the ancient population of the North Asia). Novosibirsk: "Nauka" Publ., 189–199 (in Russian).

189. Trifonov, Yu. I. 1987. In Akishev, K. A. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki v zone zatopleniya Shul'binskoy GES (Archaeological Sites in the Flooding Area of Shulbinskaya Hydroelectric Power Station)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 115–246 (in Russian).

190. Troitskaya, T. N. 1978. In Molodin, V. I. (ed.). *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoi Sibiri (Ancient Cultures of the Altai and Western Siberia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 99–117 (in Russian).

191. Umanskiy, A. P. 1959. *Pamyatniki kul'tury Altaya (Cultural monuments of Altai)*. Barnaul: "Altayskoe kn. izd-vo" Publ. (in Russian).

192. Umanskiy, A. P. 1970. In Panaev, G. I. (ed.). *Izvestiya Altayskogo otdela Geograficheskogo obshchestva SSSR (Proceedings of the Altai Department of the Geographical Society of the USSR)*. Barnaul: "Altayskoe knizhnoe izd-vo" Publ., 45–74 (in Russian).

193. Umanskiy, A. P. 1991. In Umanskiy, A. P., Demin, M. A., Borodaev, V. B. (eds.). *Okhrana i issledovaniya arkheologicheskikh pamyatnikov Altaya (Protection and research of Altai archaeological sites) 2*. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University Publ., 128–141 (in Russian).

194. Umanskiy, A. P., Neverov, S. V. 1982. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 176–184 (in Russian).

195. Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov. Arkheologicheskie pamyatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

196. Flerova, V. E. 2001. *Reznaia kost' iugo-vostoka Evropy IX–XII vv. Iskusstvo i remeslo: (Po materialam Sarkela-Beloi Vezhi iz kolleksii Gosudarstvennogo Ermitazha) (South-East European Carved Bone in 9th – 12th Centuries. The Art and the Craft: (According to materials from Sarkel-Belaya Vezha from the collection of State Hermitage Museum))*. Saint Petersburg: "Aleteya" Publ. (in Russian).

197. Khalikova, E. A. 1976. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 158–178 (in Russian).

198. Khangalov, M. N. 1891. In Yanchuk, N. A. (ed.). *Etnograficheskoe Obozrenie (Ethnographic Review)* 10 (3). Moscow: "Tipografiya A.A. Levensona", 144–165 (in Russian).

199. Khudyakov, Yu. S. 1980. *Vooruzhenie eniseiskikh kyrgyzov (Armament of the Yenisei Kyrgyz)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

200. Khudyakov, Yu. S. 1981. In Khudyakov, Yu. S. (ed.). *Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noy Azii (Military Art of the Ancient Tribes of Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 115–132 (in Russian).

201. Khudyakov, Yu. S. 1985. In Munchaev, R. M. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1983 goda (Archaeological Discoveries of 1978)*. Moscow: "Nauka" Publ., 247–248 (in Russian).

202. Khudyakov, Yu. S. 1986. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii (Armament of the Medieval Nomads of the Southern Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

203. Khudyakov, Yu. S. 1991. *Vooruzhenie tsentral'noaziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitogo srednevekov'ya (Armament of Central Asian Nomads in the Early and Developed Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

204. Khudyakov, Yu. S. 1993. In Medvedev, V. E., Khudyakov Yu. S. (eds.). *Voennoe delo naseleeniya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka (Warfare of the Population of Southern Siberia and Russian Far East)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 107–148 (in Russian).

205. Khudyakov, Yu. S., Plotnikov, Z. A. 1995. In Martynov, A. I. (ed.). *Voennoe delo i srednevekovaya arkheologiya Tsentral'noy Azii (Warfare and Medieval Archaeology of Central Asia)*. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 92–107 (in Russian).

206. Khudyakov, Yu. S., Tseveendorzh, D. 1988. In Kolesnikov, A. A. (ed.). *Problemy voennoy istorii narodov Vostoka (Problems of the military history of the peoples of the East)* 1. Moscow: "Nauka" Publ., 22–28 (in Russian).
207. Charikov, A. A. 1976. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 153–165 (in Russian).
208. Charikov, A. A. 1979. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 179–182 (in Russian).
209. Charikov, A. A. 1980. In Akishev, K. A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya drevnego i srednevekovogo Kazakhstana (Archaeological research of ancient and medieval Kazakhstan)*. Alma-ata: "Nauka" Publ., 130–140 (in Russian).
210. Charikov, A. A. 1980. In Pletneva, S. A. (ed.). *Srednevekovie drevnosti evraziiskix stepei. (Medieval antiquities of the Eurasian steppes)*. Moscow: "Nauka" Publ., 213–234 (in Russian).
211. Charikov, A. A. 1980. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 301–308 (in Russian).
212. Charikov, A. A. 1986. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 87–102 (in Russian).
213. Charikov, A. A. 1989. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 184–192 (in Russian).
214. Chernetsov, V. N. 1957. In Smirnov, A. P., Moshinskaya, V. I., Chernetsov, V. N., Zolotareva, I. M. *Kul'tura drevnikh plemen Priural'ya i Zapadnoy Sibiri (Culture of ancient tribes of the Urals and Western Siberia)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in Archaeology of the USSR)* 58. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 136–245 (in Russian).
215. Chernikov, S. S. 1949. In *Izvestiia Akademii Nauk Kazakhskoi SSR. Seriya arkheologicheskaya (Bulletin of the Academy of Sciences of Kazakh SSR. Archaeological series)* 67 (2). Alma-Ata: Academy of Sciences of Kazakh SSR Publ., 37–58 (in Russian).
216. Chernikov, S. S. 1951. In Udal'tsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury (Brief communications from the Institute for the History of Material Culture)* 37. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 144–150 (in Russian).
217. Chernikov, S. S. 1952. In Udal'tsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury (Brief communications from the Institute for the History of Material Culture)* 48. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 81–92 (in Russian).
218. Chernikov, S. S. 1956. In Udal'tsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury (Brief communications from the Institute for the History of Material Culture)* 64. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 43–60 (in Russian).
219. Chernikov, S. S. 1957. In Udal'tsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury (Brief communications from the Institute for the History of Material Culture)* 69. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 12–21 (in Russian).
220. Chindina, L. A. 1977. *Mogil'nik Relka na Srednei Obi (Ryolka Burial Ground in the Middle Ob Region)*. Tomsk: Tomsk State University Publ. (in Russian).
221. Chindina, L. A. 1991. *Istoriya Srednego Priob'ya v epokhu rannego srednevekov'ya (relkinskaya kul'tura) (History of the Middle Ob Region in the Early Middle Ages (Relka Culture))*. Tomsk: Tomsk State University Publ. (in Russian).
222. Fodor, I., Révész, L., Wolf, M., Nepper, I. M. 1996. *The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue*. Budapest: Hungarian National Museum.
223. Marquart, J. 1903. *Osteuropaishe und ostasiatische Streifzuge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940)*. Leipzig: Theodor Weicher. 557 S.
224. Marquart, J. 1914. *Über das Volkstum der Komanen*. Leipzig.

225. Marquart, J. 1920. Skizzen zur geschichtliche Völkerkunde von Mittelasiens und Sibirien // *Ostasiatidche Zeitschrift*. Bd. 8.

226. Minorsky, V. 1937. In Minorsky, V. (comp.). *Hudud al-Alam – The Regions of the World*. (A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D.). London. 544 p.

227. Minorsky, V. 1940. The Turkish Dialect of the Khalaj. In *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, University of London. Vol. 10, No. 2. Published by Cambridge University Press on behalf of School of Oriental and African Studies, pp. 417–437.

228. Minorsky, V. 1948. Tamim ibn Baḥr's Journey to the Uyghurs. In *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 12, № 2. P. 275–305.

229. Patkanov, S. 1900. *Die Irtisch-Ostyaken und ihre Volkspoesie*. Spb. (in German).

СОКРАЩЕНИЯ

- АГУ – Алтайский государственный университет.
АО – Археологические открытия. М.
ВАУ – Вопросы археологии Урала. Свердловск.
ВМГУ – Вестник Московского государственного университета. М.
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ИАлт.ОГО – Известия Алтайского отдела Географического общества Союза ССР.
ИЛАИ – Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва.
КСИИМК – Краткие сообщения Института Истории материальной культуры. М.
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.
ЛГУ – Ленинградский государственный университет.
МГУ – Московский государственный университет.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
ОАК – Отчеты Императорской археологической Комиссии. СПб.
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.: Наука.
Сб. МАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии.
СГЭ – Сообщения Гос. Эрмитажа. Л.
СО АН – Сибирское отделение Академии Наук.
СЭ – Советская этнография. М. СССР.
ТГУ – Томский государственный университет.
Тр. ГИМ – Труды Гос. Исторического Музея. М.
ТИИАЭ – Труды Института истории, археологии этнографии Академии Наук Казахской ССР. Алма-Ата.
ТТКАЭЭ – Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.-Л.: Наука.
УрГУ – Уральский государственный университет.

Научное издание

Могильников Владислав Александрович

**ВЕРХНЕЕ ПРИИРТЫШЬЕ И ПРИАЛТАЙСКИЕ СТЕПИ
НА РУБЕЖЕ I–II ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ**

Научное издание

Оригинал-макет – *Г.Ш. Асылгараева*

Тех. коррекция текста *И.А. Першагина*

Рисунки автора

Подписано в печать 03.03.2025 г. Формат 60x84 ¹/₈
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 17,21.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в издательстве «Фэн»

420111, Казань, Баумана, 20